

ГЕНИЙ.

Маловысокохудожественное пероизведение.

По пьесе В.Синакевича и В.Сквирского «Гений»

Тренер заводской футбольной команды «Пламя победы»- Сергей Никандрович Кадушкин (с ударением в фамилии на первом слогe), а в быту просто Серега, отмечал за бутылкой очередное поражение от своих постоянных соперников команды соседнего завода, носившей не менее звучное название -« Рыцари победы». Обе команды сражались яростно и с переменным успехом, но концу каждого футбольного сезона -итог забитых и пропущенных голов оказывался равным. Объяснялось это удивительное равенство сил проигрышей и успехов достаточно просто. За победу каждая команда получала приличную заводскую премию от руководства. Поражение же начальством прощалось. На то она и игра!... Всякое случается... Итог прошедшей встречи непременно обмывался обоими тренерами. В процессе разборки ошибок своих команд в поединке между соперниками заодно и согласовывался счет следующего матча. Назвать Серегу алкашом было бы неверно. Не то чтобы спиртное было ему безразлично или вызывало аллергию. Нет! Все у него было как у людей. И под хорошую закуску, и по соответствующим обстоятельствам он мог спокойно пропустить и парочку поллитровок белого, заполировав их двумя банками пива. И дело тут, пожалуй, было даже не в сильном, хорошо тренированном организме бывшего спортсмена районного масштаба. Главным регулятором, а иной раз и стопором в этих замечательных, дружеских мероприятиях (а в одиночку он никогда... и ни боже мой!..), была евонная жена- дама пятьдесят восьмого

размера в плечах и седьмого в лифчике, с редким и звучным именем- Тамарка! В состоянии тяжелого утреннего похмелья он величал её не иначе как моя царица, в трезвом же домашнем быту просто-Тамарочка. Служила Тамарочка вначале заводской буфетчицей, затем её повысили до кладовщицы, а потому она пользовалась особым уважением в кормившемся с её рук рабочем и итээрвском коллективе. К мужу относилась обыкновенно. Любовников на стороне скорее всего не имела, уж больно мелкий нынче пошел народец мужского полу. Профилактические воспитательные работы с мужем проводила еженедельно, но обычно без рукоприкладства. За что лично себя и уважала. На матчи его команды иной раз и ходила, ибо на трибуне чувствовала себя патриоткой родного предприятия. И после победного матча пускала в супружеской кровати себе под грудь даже хмельного. Короче, семья была крепкой, любящей и надежной, хотя и без детей. На такую семью мог спокойно опереться и заводской коллектив, и правящая партия великой державы, и сам очередной любимец народа - господин президент! Вот и сегодня Сергей Никандрович отмечал в своем любимом кафе «Счастливый зайчик» очередную победу в битве с «Рыцарями». Вечер выдался на редкость приятным. Во-первых, Тамарка уехала с ночевкой к теще, которая вывихнула себе ногу. При этом сделала это очень удачно - сразу в трех местах, и главное, вовремя, - поскользнулась на льду. Вывих оказался сложным - стопы и коленки, так что Тамарка могла пробыть у любимой мамани и пару суток. А случился этот вечер столь удачным еще и потому, что встретил Серега после матча своего школьного товарища и соседа по парте Петьку Степанова. Сказать, что в те золотые школьные годы они были друзьями «не разлей вода» - было бы неправдой. Серега был твердым троечником, а твердость эта зиждилась исключительно на постоянных подсказках

Петьки- первого ученика в классе. Правда , Серега тоже не оставался в долгу перед своим товарищем. Он классно дрался, и на переменах отбивал своего интеллектуального спасителя- отличника от притязаний ершистых пацанов из других классов. Надо сказать, что башка у Петьки работала на все сто. Он запросто выигрывал все районные и городские олимпиады по любимым предметам и классно «наблатыкался варганить» стихи. В пятом классе он нацарапал такие стишата, что все пацаны в классе зауважали его на все сто и больше не приставали... Пушкин и Лермонтов и вся прочая «могучая кучка стихоплетов» могли утереться. «Жиртрест»- Васька Шмыга три дня отламывал Петьке половину своего бутерброда. Мать Васьки была заведующей райкомовской столовой, она давала разлюбимому сынку завтраки с твердокопченой колбасой, продукт, который в те годы все пацаны в школе не только никогда в глаза не видели, но не знали о таком даже понаслышке .Отламывал за талант! А стишата были про молодую историчку, которую за выдающиеся формы со всех обозримых сторон вождедела под партами вся братва мужской гимназии с пятого по десятый класс. Звучали они так:

Весна цветы любовь,
Волнуют сердца кровь,
И чешутся яички при виде исторички!
Любовный, нежный взгляд,
Величественный зад,
Гордая осанка,
Ну, чем плохая самка!

Серега выучил их наизусть и вдохновенно читал каждому встречному – поперечному до тех пор , пока его не припутала сама училка. В четверти он по истории, естественно, схлопотал единицу. Такой четвертной оценки за всю историю школы еще не получал никто.

Ему пришлось выдолбить наизусть всю хронологическую таблицу, чтобы не загреметь на второй год. После окончания школы их пути разошлись. Серега окончил физкультурный техникум, а Петр стал геологом. И встречались они за прошедшие десятилетия только на редких школьных вечерах встречи. Петька держался особняком. О своей работе говорил мало. В последнюю встречу, это было год назад, он, уходя, мимоходом, бросил Сереге, что, мол, заканчивает какую – то большую лирическую поэму, и что, как ему кажется, это будет лучшее из того, что он до этого написал. Серегу это признание не затронуло, так как он с того знаменитого школьного стихотворения больше ничего из его творений не читал. Нет, сказать что он был абсолютно чужд поэзии – было бы неверно. Более того, много лет назад, когда он брал приступом Тамарку, однажды в его голове вдруг сложились рифмованные строчки. Какие он уже точно и не помнил... Что – то вроде:-

« К тебе, моя любовь, стремится моя кровь,
С тобой я навсегда, голубка ясная моя».

Он сравнил их с теми школьными Петькиными стишатами и понял, что это не крутой шедевр. С той поры он изъяснялся со своей благоверной исключительно в прозе. У Петьки была зазноба по имени Люська. Но с ней ни Серега, ни Тамарка не сошлись характерами. Эдакая интеллигентная задавака, замученная тремя высшими образованиями. При этом в ней не было никакого внешнего телосложения, одно сплошное теловычитание. А попросту – ни кожи, ни рожи. Одни понты! И что он в ней нашел, – знал один лишь господь Бог. Надо сказать, что и у Петра с ней тоже не очень – то и ладилось. Видать, её интеллектуальные запросы превышали Петькины бытовые возможности... Хотя, может быть, там было и что – то другое... Короче, Тамарка правильно окрестила её простым русским понятием –сучка обыкновенная!

Сергеа на радостях встречи влил в себя праздничную норму и был уже хорош, когда Петька сделал ему совершенно непонятное предложение. Надо сказать, что и Петр тоже поддал прилично, но на ногах держался крепко. То есть, ничего особенного в его просьбе и не было, просто Сереге это предложение было не совсем по профилю... Надо было походить по редакциям, в которых книги печатают, и попредлагать им Петькину лирическую поэму. Сам Петр этого сделать уже не мог, так как рано утром уходил с экспедицией на очень длинную зимовку в Антарктиду. Серега обнял друга и громко прошептал ему на ухо:

--Петя, езжай спокойно. Все будет тип-топ. Это я тебе говорю, понял? И запомни, если тренер Кадушкин сказал, - это всё! Понял! Это гол в девятку! Понял! То – то!...

--Спасибо, Сережа. Ты настоящий друг, товарищ и брат!

--Не благодари! Это мой святой долг! Знаешь почему? Потому что мы с тобой на одной парте десяток штанов до дырок протерли! Понял! А это тебе ни хурмы мухры!...Понял?! А про Люську свою, мой тебе совет, забудь, плюнь и разотри! Забыл?!

--Забыл, Серега!

--И все. Держи хвост наганом. Баба есть жидкость-принимает форму любого сосуда! Это еще до нашей эры, в эпоху динозавров Архимед сказал! Дайте, говорит, мне точку для опоры и я всех баб...Ну, дальше ты сам знаешь чего будет!.. А он, этот Пифагор, великим человеком был! Помнишь?

--Еще бы...

--Ну и молодец. Кстати, а ты там ...ничего такого... эдакого ... не загвоздячил? Про политику, там, про порнуху?...

--Где?

--Где, где... В рассказе этом своём...

-- Это не рассказ, это поэма. Чисто лирическая поэма. Любовь и все такое...

--Нет, ты не думай... Это я ... без сомнений... Я –то как раз считаю: написал поэму- все! Публикуй! Я Тамарки остерегаюсь, не устроила бы она мне досрочную пенсию по инвалидности! Ты же знаешь, какая у неё ручища тяжеленная! Кувалда ! Ею шпалы забивать можно!

--А ты ей все расскажи заранее на всякий случай.... А то вдруг, действительно ,напечатают.... Чем черт не шутит, когда Бог поддал и дремлет. Вот я сейчас уйду, а ты ей и расскажешь...

--Правильно, ты уйдёшь, а я ей все и доложу...

А ты там в своей Атлантиде пингвиниху какую –нибудь потолще подбери, чтобы не замерзнуть... А уж я- то все сделаю,... как штык! ...Потому что школа -это святыня!....Постой, Петька, а что если кто –нибудь вдруг возьмет эту твою штуковину,... как им сказать, кто её состряпал, если вдруг спросят?...

--А никак.... Скажи, что это ты сам её написал...А если Люська случайно тебе позвонит,...скаж, я так велел.

Сергея был верным товарищем. За шоколадку он упробил неравно дышащую к нему дурнушку -секретаршу директора завода сделать пяток копий и отправить их в разные редакции. Тамарке он, естественно, ничего не сказал, остерегаясь её вполне предсказуемой реакции.

Неделя прошла в легком волнении. Нет, он прекрасно понимал , что все это пустые хлопоты. Однажды у пивного ларька он познакомился с местным бомжом. Поговорили о том ,о сем. О политике, о сволочах бюрократах- чиновниках, о подорожавшей водке и ,конечно, о футболе. Бомж оказался человеком занятым и на удивление шибко образованным. Много лет пытался выбиться в законные писатели. Так чтобы и печатали за государственный счет, и деньги за это платили, и чтобы в дома ихние творческие бесплатные путевки давали. Ушел из семьи, бросил работу и годами мыкался по редакциям разных городов страны ,пытаясь пристроить свои писули и прославиться. В итоге потерял всякую надежду , дошел

до жизни бомжа и, в конце концов, спился. Истрепанные до дыр, засаленные рукописи свои носил в заплечном мешке и читал вслух сотоварищам по подвалам и чердакам, за что его сильно уважали, даже делились паленой водярой и халявной жратвой. Короче говоря, надежды на удачный исход Петькиной просьбы было маловато, если не сказать, что её не оставалось вообще. Страх за своеволие перед грозной Тамаркой прошел сам собой, Серега успокоился. А вскоре, он и вообще забыл об этой проклятой рукописи. Разбудил его после очередного планового похмелья истошный Тамаркин крик. Он вскочил как ударенный битой по башке и никак не мог сообразить спросонья, что произошло!? Кого и за что убили?

--Петька ! Петька! Проснись, идол царя небесного!

--Чо случилось ,Тома? Чо орешь как недорезанная? Что, «Динамо» у «Пахтакора» по второму заходу выиграло? Так этого не может быть никогда....

--Какой еще «Пахтакор», дурень оборзевший, тебе письмо заказное с доставкой на дом и квитанцией о личном вручении пришло. Мне даже пришлось за тебя, алкаша паршивого, расписаться. Никак не могла до твоих пропитых дырявых мозгов достучаться!

--Не понял? Откудова еще это какое –то дурацкое письмо черт принес, и почему это ты, без моего на то согласия, расписалась?! Прости, не понимаю...И разбудила зачем? Человек целый день работал как проклятый... Устал... Как последний пес... А ты сразу в крик. Не бережешь ты своего единственного мужа... Не бережешь! Так и родимчика схлопотать недолго...Недолго...

--Было бы зачем беречь! Тоже мне звезда футбола нашлась! Лучший игрок четвертого вытрезвителя нашего великого города! Вы там как... железными бирками с номерами, привязанными к ногам , играете или, может быть, какими другими шариками?...

- Тамар, может с раннего утра уже хватит. Это наверняка ошибка какая –нибудь произошла. Не в ту квартиру попали...
- Как же! Не в ту квартиру! Фамилия твоя же на этой повестке стоит. И имя и отчество целиком написано, а не какими – то там инициалами. Это чтобы ты, прохвост, не увильнул от ответственности! Ой, говорила мне мама! Говорила сердешная! За кого идешь, доченька моя любимая. Ой, говорила...
- Тома ! Да не скули ты , ради Христа!...Говорила, говорила! Мне моя мама может тоже чего про тебя шептала, но я же тебе не тычу это в нос каждый день. Мало ли на земле Кадушкиных! Да как нерезанных собак, уж если этим вопросом серьезно заняться! Ты вот у себя на работе попроси , чтобы кто из подружек в бухгалтерии в компьютере поглядел,- целый мешок сыщется и с теми же инициалами. Хотя , конечно , фамилия у меня редкая. Из знатных дворян род наш идет. Бабка моя Матрена, бывало, говаривала...
- А то и видно , что из знати мой муженек ,распрекрасный Иван царевич, произошел! От твоего интеллекта мухи на окнедохнут. Ты рукопись – то Петькину куда отнес?
- Чо, я что ли помню... Отправил по разным там конторам, которые книжки производят.
- Все равно, дело это дохлое. Там только по великому блату , да за свои бабки печатают. А бабки надо платить им огромные. Там на халяву разве что Пушкина с Гоголем, да Донцову с Марининой возьмут. А Петьку с его лирикой сразу в корзину под стол и ногой задвинут под этот стол поглубже. Мне тот писака- бомж за кружкой пива все это досконально описал из собственного опыта. Так что не псы, подруга. Обратный – то адрес у этой писули есть?
- Есть. Журнал « Записки отечества» и улица с домом.
- Так, вроде бы я туда эту лирику тоже отправлял.... Вроде отправлял... Что –то припоминаю....Ведь это когда было – то...

Совершенно из башки вылетело....Совершенно... Ты конвертик – то распори. Погляди, чего там они нацарапали...

--Та- а –к! Плохо твое дело , Серега,- муженек ты мой гребанный... Внутри там , между прочем, что – то сильно похожее на повестку. Та- а-к! Предлагают вам, многоуважаемый Сергей Никандрович, явиться по этому адресу в удобное для вас время.

--Что, так и написано - многоуважаемый?

--Да, именно так и написано.

--Не свисти ты , Томка. «Многоуважаемый» –это так только к президентам и королям там всяким обращаются. .

--Так ты же у нас по родословной- то и есть из особ приближенных к императорам. Сам же сейчас об этом хвалился. Ты мне, вельможный граф , лучше вот что скажи:- сам – то ты прочел эту Петькину лирику? Может он там, свихнувшись от своей любви и страсти к этой дуре Люське, такого понаписал, что тебя за воротничок да и на шесток! А?! Достукался !... Дурень!...Благодетель чертов!...

--Чо, достукался! Чо, достукался – то?! Это же в журнал предлагают явиться, а не в ментуру! А стихи я, вообще, читать не могу. С самого рождения. Меня мамашина сеструха, большая любительница рифм, ими для засыпания баюкала. С той поры как стих услышу, так меня сразу в сон тянет. Причем, в глубокий.

--Это, скажу я тебе, неизвестно ещё, куда хуже в редакцию или в отделение . Для ментов нашего района ты-уже клиент знакомый. Свой для них , как говорится. А тут ,может быть, такая порнуха понаписана! Такое педофильство наворочено!... Сразу на десяток годков потянет! Сразу! Мужик Петька тихий , а в тихом омуте ,сам знаешь, какие завихрения водятся! Мужик в порыве необузданной страсти , да еще под этим делом, да и с виагрой, такое может наделать! Боже ты мой!...

--А вот что, Тома: не пойду я никуда и всё!

--Мудрое решение. Очень мудрое. Они тебе на работу такую телегу накатают!... Такое пришлют! ... Не отмоешься потом всю жисть! Еще и по телику покажут в « Русских сенсациях». Мол, ваш сотрудник , многоуважаемый Кадушкин С.Н, в рабочее время занимается хулиганством и развратной деятельностью, сочиняя в стихотворной форме всякие запретные законом нашей Родины непристойности.

--Нет , ты мне скажи, ну почему же обязательно непристойности?!

--Да пойми ты, многоуважаемый господин олух, что если бы там все путем было бы, вернули бы эту твою поэму взад или бы напечатали! Тут явно что- то не так!...Явно... Ой , Серега, нет у тебя в башке собственных мозгов ни в чем, ну ни в чем.

--Уж так сразу и ни в чем!

А ни в чем. Были бы у тебя мозги ,тебя бы хоть на работе или в твоей команде уважали.

--Интересно, а почему это меня на работе не уважают?

А я не знаю, почему. Тебе это лучше должно быть известно.

--Ну ладно тебе шуметь- то. Давай- ка лучше посоветуемся, что теперь делать – то будем.

--Теперь посоветуемся! Что же ты раньше – то не посоветовался ,когда со своим Петькой за водкой эту глупость задумывал...Иди. Поглядим, чем твоя глупость обернется. Иди и говори: мол совершенно обезумел от любви. Мол, нашло затемнение мозгов. Мол, обещаю никогда такое больше не повторять....

--Томик, а если честно сказать, что не я это писал?

--Умнее ты ничего не мог придумать? Так. Значит один хулиган и развратник сочиняет пошлятину, а второй под своей фамилией эти гадости распространяет. Знаешь, как эта статья в уголовном кодексе называется? – Групповщина! За неё дают вдвойне! Понял!?

Серега скинул одеяло и босой, покачиваясь, отправился обмозговать ситуацию в туалет. Плитка, положенная на

бетонный пол, холодила ступни и вызывала легкий озноб. Он выкурил две сигареты, зная, что Тамарка за этот поступок намылит ему шею, ибо вентиляция в отхожем месте пятиэтажной хрущевки не была предусмотрена, а подруга жизни терпеть не могла запаха табака его дешевой «Примы». Мысли не то что путались в его, еще не очнувшейся от похмелья голове, их попросту не было. Надо сказать, что и в обычной жизни он не любил напрягать свой мыслительный аппарат и, очевидно, именно поэтому и пошел после семилетки в физкультурный техникум, а там выбрал профессию футболиста. Правда, во время тренировок своей заводской команды, да и во время матчей приходилось задумываться над решением той или иной внезапно возникшей ситуации, но там все решалось как – бы само собой. Выручал многолетний профессиональный опыт. А, может быть, что – то иное...виртуальное, ... от лукавого или даже ...от самого Всевышнего.... Он в сердцах дернул ручку на ржавой цепочке и под журчание, а скорее, грохот воды из старого бачка, расположенного почти под потолком, смачно выругался трехэтажным матерком и вернулся в комнату. Тамарка окинула его мрачным, не обещающим ничего хорошего взглядом и, потянув носом, выплеснула на голову все, что с её всегда правильной точки зрения обычно полагалось выплеснуть в таких случаях. Серега натянул на тонкие, кривоватые ноги выдавшие виды штаны, открыл дверцу холодильника, достал бутылку «Балтики» №3 и, привычно открыв зубами крышку, собрался было сделать первый, самый смачный послепохмельный глоток, но грозный окрик Тамарки остановил его:

--Ты лучше зубы почисти и пасть свою мерзкую чаем прополощи! К людям все же интеллигентным пойдешь, а не к своим друзьям- алкашам. И душ прими. Поди месяц уже не мылся...

Сергеа задраил пробкой уже открытую бутылку и уныло вернул её дверце холодильника. Шумно, грустно вздохнул, сунул босые ступни с заскорузлыми, давно не встречавшимися с мылом пятками в разношенные старые тапки и обреченно поплелся в ванную.

--Том, а Том? А может, ты вместо меня сходишь? А? Мол, я прикован к постели тяжелой продолжительной болезнью с неизвестным исходом, и все такое, а?!...—Сквозь шум льющейся воды раздался его жалобный голос.

--Нетушки, нетушки, дорогой, хватит тебе всю жизнь за крепкой женушкиной спиной прятаться. Сам со своим дураком Петькой кашу заварил, сам и расхлебывай...

Кадушкин вылил на себя пол-флакона любимого тройного одеколона, так часто выручавшего его в трудные часы утреннего похмелья, когда Тамарка уже была на работе, а плестись к ближайшему ларьку не было ни сил, ни денег. Смочил волосы одеколоном «Гвоздика», который Тамарка купила как средство от комаров. И с видом преступника, приговоренного к четвертованию, едва передвигая непослушные, ставшие вдруг ватными ноги, обреченно потащился на экзекуцию. Коридор редакции был пуст, если не считать сладко дремлющего старичка-охранника, который выглядел до такой степени дряхлым и немощным, что его и самого —то в самый раз надо было бы охранять от кипящей вокруг, полной творческой энергии жизни.

--Гражданин, вы к кому? —Приостановившись на бегу обратилась к нему моложавая, еще достаточно привлекательная сотрудница.

--Я вот тут, как вам это сказать попроще,...в общем,.. по повестке.... --Покраснев до багровых пятен на шее, выдавил из себя Сергеа и протянул женщине конверт.

--А как ваша фамилия?—Спросила она, вытаскивая письмо из конверта.

Сергеа набрал воздух в легкие. Звук уже должен был вылететь из гортани, но тут произошло нечто такое, что заставило

его вытаращить глаза и сесть на стул. У женщины закатились глаза, да так, что зрачков стало не видно совсем. Она вскрикнула и, судорожно схватив его руку, начала истошно её целовать. Серега попробовал вырваться, но она вцепилась в неё с такой силой, что сделать это оказалось невозможно. Она встала на колени и прошептала:

--Боже мой... Неужели вы и есть тот самый Кадушкин!... Тот самый...

--Нет уж извините, гражданочка. Моё фамилие не Кадушкин, извиняюсь за выражение, а Кадушкин. Ударение, как говорится, на букве «а». А если вам зачем – то там понадобился какой – то Кадушкин, у которого ударение на букву «у», то тут уж –извините –подвиньтесь, уважаемая. Я этого мужчину не знаю и знать не собираюсь вообще. Я тренер футбольной команды и меня знает и уважает весь наш завод. А не верите, я могу принести справочку с печатью. Вот.

Серега вытер со лба пот, вырвал, наконец, у женщины свою руку и принял, как ему показалось, гордый и независимый вид, присущий известному и всеми уважаемому человеку.

Видать, бабенка – то ненормальная...Трахнутая пыльным мешком из – за угла. –Решил он. - И уж если её с такими задвигами здесь терпят, надо держать ухо востро.

--Вы Сергей Никандрович?—Прошептала странная женщина, постепенно переворачивая свои глазные яблоки в первоначальное положение, зрачками вперед.

--С утречка числился таким. –Гордо задрав вверх голову произнес Кадушкин.

--Значит, тот!—Выдохнула, наконец, ненормальная и вдруг заорала на всю редакцию: --Архимед Пифагорович! Ольга Аристарховна! Он пришел! Он пришел!

--Женщина, не надо так надрываться! Вон смотрите, чего вы вашими воплями наделали. У бедняги-старикана стакан с

горячим чаем из рук выпал, все штаны ему промочил и хозяйство ошпарил.

Старичок –вахтер, тихо повизгивая и чертыхаясь , судорожно пытался стащить с ног штаны, неловко подпрыгивая как старый заяц. Дверь одной из комнат со страшным скрипом отворилась, и в коридор вышел еще один старичок в профессорской камилавке с книгой в руках.

--Что ты раскричалась, Мусенька? Я так испугался твоего нечеловеческого крика, что чуть было не выронил из рук это уникальное издание Михаила Юрьевича. Этот нечеловеческого накала крик напомнил мне его воистину гениальные строки из «Мцыри»! Нет ,девочка! Тысячу раз нет, нет и нет! Я еще и еще раз убеждаюсь, что лучше этих гениальных строк никто из поэтов его времени ничего подобного не написал. Это тебе, девочка, не Маринина и даже не Донцова, наши кормилицы с их не рукотворными творениями для метрополитеновской толпы . Нет, ты только вслушайся в музыку этих фантастических строк:

Ко мне он бросился на грудь,
Но в горло я успел воткнуть,
И там три раза повернуть мое оружие,
Он завыл, метнулся из последних сил,
Сдавил меня в последний раз,
Зрачки его недвижных глаз,
Сверкнули разом, и во мгле
Бой продолжался на земле!

Ты можешь мне сказать, девочка, кто еще способен на подобное? Даже мои любимые Анечка и Мариночка, царство им небесное, не смогли бы вылепить такой великолепный образ дикого животного. Ты согласна со мной?

--А как может быть иначе, наш дорогой Архимед Пифагорович!

--А что скажите вы, молодой человек, простите не имею чести знать ваше имя и отчество?

--Что там спрашивать? Я эти стишата век помнить буду, Помирать буду, в гробу вспомню! Я за эту самую « Мцирю» двойку в четверти схлопотал в пятом классе неполной средней школы. Папаня потом мне намыленной веревкой всю , прошу пардона, задницу ободрал до крови. Можно сказать ,тигриную кожу полосатую на моих маслах в натуре изобразил!

--Да милейший, своеобразное у вас представление о великой поэзии наших гениев...Очень даже, я сказал бы, своеобразное...Так кто же этот молодой человек , Мусенька? Новый курьер из типографии?

--Архимед Пифагорыч, это он...

--Что это с вами , Мусенька, кто это он? Вы можете объяснит мне это внятно?

--Сам Кадушкин Сергей Никандрович ....Он получил наше письмо и пришел.

По лицу главного редактора прошла судорога. Он схватился за сердце и начал медленно оседать на пол. Мусенька подхватила его и усадила рядом с Кадушкиным на стул.

--Воды мне глоток, воды. --Чуть слышно прошептал он сквозь непослушные губы.

Себастьян Иоганович ,--обратилась она к стоящему без штанов вахтеру быстренько дайте мне стакан.

Старикан дрожащими руками налил в свой стакан кипяток и передал его Мусеньке, которая вскрикнув от боли, опрокинула его на колени шефа. Повторилась история со стриптизом охранника, и коридор пополнился вторым бесштанном стариком.

--Едрена вошь, так гляди и я без мошонки останусь, --почесал затылок Серега и на всякий случай забился в угол, пересев на последний стул. Редактор понемногу приходил в себя. Лицо его порозовело, и он с удовольствием выпил стакан холодной воды, принесенный Мусенькой.

--Значит, это вы и есть господин Кадушкин. Вот это сюрприз! Вот это подарок вы нам, милейший, в редакции устроили.

--Никакой я не Кадушкин, гражданин начальник. И не господин я , а обыкновенный тренер футбольной команды нашего завода. Я Кадушкин Сергей Никанорович с ударением на букву «а». И я уже говорил этой вашей гражданке, что если вам зачем –то позарез нужен какой –то гражданин Кадушкин с ударением на букву «у», то я здесь не при чем, понятно!? Я не знаю, чего он там натворил этот тип, но прошу пARDону, это не моя тема, не моя игра! Всё!

--Мусенька, вы чувствуете моя детка, насколько он самобытен! Боже, как самобытен! Он весь, буквально весь соткан из народности. Он мне безумно напоминает нашего Сереженьку с его «березовым соком»! Тот же тонкий народный юмор. Та же неповторимая крестьянская лексика! Причем ,это сквозит в каждом его слове, буквально в каждой фразе.... Позовите мне , милочка , Ольгу Аристарховну, и не сочтите за труд принести еще стаканчик холодной воды.

--Я бы , честно говоря, гражданочка, тоже пропустил бы кружечку, а то с утречка во рту все пересохло, да и вкус слюней такой ,как -будто подвальные кошки с помойки в рот нагадили.

Редактор выжал мокрую брючину и с помощью охранника натянул штаны.

--Я понимаю вас, Сергей Накандрович. Прекрасно понимаю. Ведь ,наверное, как я понимаю, это ваше первое, столь значительное творение в подобном жанре? Такое может произойти даже с очень незаурядным человеком. Для создания такого произведения его творцу нужен немалый срок, дабы он мог вновь накопить силы ,вновь обрести равновесие и нормальным человеком вернуться в общество. Немалый! Я правильно говорю?

--За что срок?! За что срок?!Папаша!? Да , было дело! Но я вытворил из себя эти стишата совершенно

бессознательно! Просто совершенно обезумел от любви....Буквально нашло какое – то затмение на мозг.... Причем, хотите верьте, хотите нет, но совершенно трезвый был! Совершенно! Вот такое неменяемое состояние на человека нашло! Совершенно неменяемое!....

Во время этого чистосердечного признания в коридор вошла очень пожилая женщина в старомодном платье и прическе середины девятнадцатого века. Она оперлась о притолоку двери и с изумлением посмотрела на Кадушкина.

--Простите, товарищ, по поводу каких невыполненных нашей редакцией сроках вы здесь так громко возмущались? У нас , уважаемый, все заказы выполняется точно в срок. Это наш категорический императив! И я, Ольга Аристарховна Богоявленская- заместитель главного редактора, горжусь, что с момента основания редакции , а это , простите меня, без малого сто пятьдесят лет, мы еще ни разу не слышали от наших заказчиков ни одного нарекания по поводу невыполненных в указанное время договорных работ. Это же вам может подтвердить и наш замечательный главный редактор Архимед Пифагорович Иорданский, с которым мы работаем с первого дня основания этой редакции, а также и наша редактор Мусенька Кушеткина? Мусенька, деточка, я надеюсь, вы подтвердите мои слова. -- Кушеткина расплылась в верноподданнической благожелательной улыбке и, нежно взяв высохшую ручку шефини в свои ладошки, сделала небрежный, но совершенно очаровательный по своей непринужденности книксен.

Кадушкин вытаращенными от удивления глазами уставился на старушку и, громко сморкнувшись в грязный замусоленный платок , хриплым голосом отвесил комплимент:

Гад буду , мамаша, больше ста я бы вам никогда бы не дал....У меня соседка по коммуналке была, когда мы с моей

женой, Тамаркой , еще только путались по -граждански, то есть ,значит, еще до загсу. Наши комнаты в коридоре, в аккурат , насупротив были с этой заразой. Ну, стерва стервой ! Я таких сучар как она больше за всю свою жисть никогда не видел. Представляете ,какая была тварюга, что у ей, по молодости ,конечно ,трое ейных мужьёв повесились ! Причем, что характерно, –один за одним подряд! Ну,это я, конечно, без намеков, как вы ,надеюсь, понимаете,...мадам. Так ей тогда было уже за семьдесят пять, а она, пожалуй, еще хуже вас на лицо выглядела! Ей богу, хуже! На что угодно поставлю! Так что вы , мамаша, считаю, на лицо выглядываете молодцом... Как говорят у нас в большом спорте: так держать по воротам!...

Несколько ошарашенная столь неожиданным и достаточно сомнительным комплиментом Ольга Аристарховна наклонилась к уху Мусеньки и шепотом спросила, -кто этот гражданин. Муся набрала воздух в легкие и, не отпуская руки Богоявленской, громко продекламовала: --Позвольте вам представить, дорогая Ольга Аристарховна, нашего нового автора- уважаемого Сергея Никандровича Кадушкина!

Несколько осмелевший Серега, опомнившись от смущения и видя, что милицией здесь не пахнет, сделал серьезное лицо и гордо заметил, выпятив грудь:

--Кадушкина. Я же вам уже говорил , женщина, Кадушкин я ! Ударять в моей фамилии надо на букву «а», которая впереди перед буквой « д »стоит. Сколько же можно повторять. А еще с виду интеллигентные люди. Книженции умные печатают, детективы там всякие разные! Ведь вот если говорить начистоту, возьмем к примеру ту же мою Тамарку. Ведь дурища -дурищей необразованной была ,когда я её у Васьки , нападающего из соседской команды увел. Это она сейчас поумнела, вообразить вся из себя стала, когда на кладовщицу выучилась. Так и та с первого раза запомнила, как моё

фамилиё надо правильно называть. Вот. А вашего Кадушкина, извиняюсь, я в глаза не видел , да и знать не хочу.

Ольга Аристарховна тихонько издала какой –то малопонятный звук и осела бы на пол, если бы её не поддержала Кушеткина. Вахтер, поддерживая одной рукой еще не полностью надетые штаны, быстренько налил из чайника в стакан того же горячего чая и протянул его Мусеньке. Ольга Александровна сделала глоток , обожглась , уронила стакан на пол, и вдруг заплакав, запричитала:

--Слава тебе, Боже! ...Дожила, кажись ,старая...Все же дожила....Уж и не чаяла...Друзья мои, возьмите себя в руки. Это же такое событие...Такое... Мусенька , я так понимаю ваше с Архимедом Пифагорычем волнение. Мы так же с ним нервничали , когда в этом же коридорчике появлялись Фет, Тютчев, Блок и Вовочка Маяковский.... Ты помнишь, Архимед, как ввалился сюда этот высоченный разбойник с его «Облаком в штанах»?

--Помню , Оленька, конечно помню! Разве можно было забыть этого «горлопана главаря»...

Кушеткина наклонилась к Ольге Аристарховне и прошептала ей на ухо:

--Обратите внимание – у него глаза страдальца!

Ольга Аристарховна ласково взглянула на Кадушкина, утерла слезы расшитым шелковым платочком и запела дальше:

--Да, да , друзья мои! Тысячу раз – да! Он, вне всякого сомнения, --она указала на Серегу,- не случайно выбрал именно нашу редакцию. Наш замечательный журнал! Интуиция гения привела его сюда, к нам! Несомненно, наше издательство пользуется его уважением. Так что выше голову , друзья! Выше! Благословение Господне вновь сошло на нас! ...Мусенька, девочка ,быстренько фрукты и шоколад, а вы, Архимед Пифагорович , коньяк! Да , да, коньяк, и тот самый!

--А быть может «Новосветское шампанское» из подвалов князя Голицина? Как Михаилу Юрьевичу? Я с тех пор приберег

одну бутылочку , которую нам презентовал этот проказник- поручик Ржевский. Помните тот скандальчик? Он тогда на балу уволок в спальню княгини Аннушку Керн? Я не стал «Шампань» открывать и умыкнул бутылочку со стола домой.

--Архимед, я вижу, вы были проказником ни чуть не меньшим, чем этот легендарный безнравственный оболъститель- поручик!

--Был , Оленька , был... Но ,несколько по другой стезе...Я в то время был без головы от вас, моя дорогая, и ни о каких иных красавицах и помыслить не мог! Ах , какие это были славные времена. Не правда ли , Оленька. Балы, русские тройки. Фейерверки. А какие красавицы...Какие красавицы!...Лопухина! Натали! Одоевцева! Да что там говорить...Но вы, Оленька, были краше всех! Да, да! Краше всех! И не спорьте со мной! Не спорьте! Я же прекрасно помню, какими глазами смотрел на вас Дантес! Я чуть было не вызвал его на дуэль!

Ольга Аристарховна тяжело и сладко вздохнула и простонала
Ах, как он был мил, этот кудрявый голубоглазый мальчишка...
А вы не льстите мне , старый шалун. Я помню прекрасно, как вы глазами просто раздевали эту хохотушку- ветреницу Анну. Если бы не Сашенька , который закружил ей голову своим гениальным посвящением, вы бы утащили её в спальню также лихо , как это сделал красавец Ржевский. Всё! Несите наш знаменитый коньячок!

Иорданский взял за руку Кадушкина и, вежливо пропустив вперед ,провел в свой кабинет. Серега уже почти освоился, однако первоначальная робость еще не перешла в свойственную ему в обычной обстановке легкую наглость. Звучные, доисторические по его разумению имена «древних» поэтов, как он помнил со школы , которыми так легко оперировали эти старички из пыльного гербария ,несколько растревожили его не слишком развитый разум. Более того, ему показалось, что они просто дурачили его , и дурачили наверняка для

того, чтобы попроще было шугануть с Петькиной поэмой из журнала. Он же хорошо помнил рассказы писаки – бомжа. Да и хрен с ними, с этими живыми мумиями. Может быть, это даже и хорошо! А то еще заставят рассказать, как он наковырял эти стишата,- стыдобы не оберешься.

--Ради бога простите нас, дорогой Сергей Никандрович, за эти воспоминания молодости. Не поверите, но даже по истечении стольких лет те свежие и яркие чувства бесшабашной молодости до сих пор и с той же силой гонят по склеротическим сосудам кровь. Адреналин, батюшка! Адреналин!

Сергея почесал нос и тоже попытался вспомнить какие-нибудь яркие страницы своей бесшабашной молодости, но кроме драк с пацанами с соседней улицы и обжимания до ломки в паху с Тамаркой на чердачной площадке парадника ничего такого адреналинового, гонящего по жилам кровь в башку не лезло. Правда, он вспомнил один похабненький анекдотец про этого поручика Ржевского, но рассказать его старикану не осмелился. Еще не так поймет старый гриб...Иорданский бережно усадил Серёгу на стул напротив огромного, обтянутого старым, почти потерявшим былой зеленый цвет сукном и участливо спросил о здоровье.

--Здоровье в норме, гражданин редактор. Я еще по трезвому и мяч могу нашему голкиперу в ворота засандалить! Ей богу! Причем не в середину ворот, а в девятку! И по мордам могу заехать, ежели надо, когда по пьяному делу какой –нибудь недоносок, жертва, так сказать, извиняюсь, выкидыша шибко приставать начнет. А насчет этой поэмы, как ваша Аристарховна её обзывает, тоже извиняюсь,- малость виноват....Совершенно знаете обезумел от любви...ну буквально, как моя Тамарка говорит, на головной мозг нашло какое-то затмение. Причем, что характерно,- абсолютно трезвый был,

честное слово! Ну, с кем не бывает! Этакое совершенно невменяемое состояние.. . Хотите -верьте, хотите-нет...

Иорданский вытащил из тумбы стола пыльную бутылку коньяка и кликнул Ольгу Аристарховну. Пальцы рук его заметно дрожали, в глазах горел лукавый огонек, старик явно был сильно взволнован. Ольга Александровна достала из шкафа бокалы. За полторы сотни лет пробка накрепко прикипела к горлышку, и редактор тщетно пытался её вынуть. Серега бесцеремонно взял бутылку из его рук и приступил к привычному занятию.

--Сергей Никандрович! Успокойтесь! Ради всего святого, успокойтесь! И я и Ольга Аристарховна, мы оба прекрасно понимаем, что шедевры, подобные вашим «Скитальцам»,могут быть созданы только в минуты самосожжения. Такое пишется не чернилами, а кровью! Я понимаю ваше волнение.

-- Да, иной раз на поле так саданешься, что кровянку без медицины и не остановить. А с бутылком, папаша, вы зря корячитесь. Так и посуду недолго кокнуть. Вот тут – то без крови точно уж не обойдешься. Тут её столько натекет, «Войну и мир» Бондарчука написать можно будет. Посуду эту доисторическую хоть и все равно сдать нельзя, не примут ни в одном ларьке, я это по конфигурации стеклотары вижу, но жидкость уж больно жалко. В этом тонком деле, извиняюсь за выражение, не ваш малограмотный опыт и силенки нужны. Такие бутылки должны открывать профессионалы питейного дела, а не всякие там интеллигентные неумехи, извиняюсь за выражение.

Серега взял из рук редактора бутылку, аккуратно обтер пыль о полу пиджака и внимательно изучил через стекло состояние жидкости.

--С внешнего виду клоподав в порядке. Вроде бы даже за столько лет и не загустел. Конечно, если строго для порядка его надо было бы сперва -наперво на бомже испытать на ядовитость, но я думаю, что тут и без

дегустаторов обойдемся. Слава богу, Кадушкин некоторые навыки за тренерскую жизнь накопил. Бывает ведь, как!? Скажем, после удачного матча какой-нибудь подозрительный болельщик презентует литрочку белой,- мол, на всю команду за победу. А сам, гнусный потрох, нет чтобы вместе с коллективом тоже засадить по рюмашечке, -раз и свалил. Мол, извиняюсь, братцы, неотложные дела, или я, пацаны, за рулем.... Что прикажете тренеру делать? Добро выливать на помойку? Или грех на душу брать! Не травить же всю команду? И бомжей, как назло, под рукой нет. Вот такая, казалось бы, безвыходная ситуэйшен, девочки и мальчики! Фирштейн? Вот вы Пифагорыч, как бы тут поступили? Вас, Аристарховна, как женщину, естественно не спрашиваю, и извиняюсь, что по отчеству. А?

--Я бы, Сергей Никандрович, отправил бы эту подозрительную жидкость на анализ в соответствующую лабораторию и подождал бы результата. Вы правы, не травить же всю команду!

--Вот! Вот вам, Аристарховна, типичный безграмотный ответ не профессионала в нашем деле! А железный профессионал, повторяю это слово, поступает так. Учитесь, товарищи, пока Серега Кадушкин жив! Для этой операции он ловит кошку или мышь. Можно, конечно, и крысу. Их в любом подвале на стадионе -полным-полно. Заворачивает её в куртку, чтобы не брыкалась и не укусила, тварь. Зажимает между ног и вливает ей из горла бутылка, а еще лучше из клизмы,- двадцать миллилитров в глотку. Затем полчаса ждем. Как говорится, копим слюну, достаем из спортивных сумок стаканчики и раскладываем закуску, кому чего евонная баба дала из дому с собой. Ровно, как я уже сказал, через двадцать минут по судейскому точному хронометру, делаем медицинский осмотр хвостатой пациентки. Если она, падла, жива и здорова, -порядок, разливаем. Если корчится в судорогах или, вообще, как говорится, концы

отдала, по- научному это называется летательный исход.- эксперимент закончен. То есть душа пациентки отлетела вместе с пойлом к Богу в рай, все! Ну , а дальше отправляем гонца в ближайший магазин, и тут уж без осечки...

Иорданский и Ольга Аристарховна слушали гостя ,раскрыв рот. Было видно , что ничего подобного за всю их бесконечно долгую жизнь они не слышали, а тем более не знали. Старушка – редакторша, широко раскрыв глаза и часто моргая редкими ресничками, с немым восхищением глядела на Кадушкина. Губы её что – то шептали .По дряблой щечке сползала крупная слеза.

--Господи , Архимеша, он же великий экспериментатор в науке. И обрати внимание на его фантастическую современную народную лексику. Я из его рассказа почерпнула массу совершенно незнакомых мне слов, фраз и выражений. Можешь мне поверить, но ничего подобного нет ни у Даля , ни у Ожегова! Падла, потрох, ситуэйшен, рюмаха,- это надо обязательно расшифровать, записать и запомнить! Именно так, Архимеша, и трансформируется великий, могучий русский язык. Да, да! Именно так и такими народными индивидуумами! Надеюсь, ты согласишься со мной. Кстати, Сергей Никандрович, какое удивительно удачное и , я бы даже сказала, точное название вы дали вашей , я уверена, бессмертной поэме . «Скитальцы» - как это верно! Все мы скитальцы в этом мире. Все!

--Это точняк , мамаша. Я лично всю жисть, можно сказать ,по великой родине на вшивых автобусах с командой болтался. Все койлы себе на российских ухабах поотбивал. Да и сейчас бы, наверное, тоже дома не засиделся, но бабенка моя Тамарка поставила ультиматум: мол, или я , или твои телки в командировках! И все! Как у нас в народе говорится -писец! Это хорек такой беленький с пушистым хвостиком.

--Вот тебе и еще несколько новых слов, Пифагорыч: -койлы, писец...Фантастика! Начну составлять словарь нового русского языка, мой дорогой главный редактор! Начну с завтрашнего дня! Думаю, что с помощью нашего нового гения я успею до своей кончины значительно обогатить русскую лингвистику!

--Успеешь, Оленька. Успеешь. Ты ведь у нас бессмертна, так же как наш великий язык.

--Господа, товарищи! Я чего – то не могу толком допереть, зачем вы меня сюда повесткой вызывали, если у меня вроде бы все путем. Если у человека все в порядке, то зачем его повесткой пугать, ни с того, ни с сего. Напечатали бы эти стишата, да и с концами. А то мы с Тamarкой, женой моей законной, с утрачка чуть было от волнения в штаны, извините....Я психую, Тамарка психует, вопит, как все равно свинья на мясозаготовке. Непорядок это в вашей конторе, хотя ей, как я понимаю, уже полтыщи лет в обед.

Сергея взволновано поднес бутылку к носу и собрался было по привычке глотнуть из горла, но его остановил очень эмоциональный монолог Иорданского.

--Дорогой Сергей Никандрович, редакция приносит вам свои глубочайшие извинения за то что посягнула на ваше драгоценнейшее время и нервы ваши и вашей супруги. Видите ли, с момента основания журнала, то есть более ста семидесяти пяти лет, у нас существует традиция лично знакомиться с наиболее выдающимися авторами. А вы, наш бесценный, как раз и являетесь таковым!

--А- а! Это другое дело.

Кадушкин встал, откашлялся и представился в свою очередь:

--Кадушкин, Сергей Никандрович, тренер заводской футбольной команды. И команда наша, между прочем, тоже не хухры – мухры, а лучшая... Ну-у, почти что лучшая в нашем микорайоне!

--Как, вы еще и изволите служить? Когда же вы успеваете отдавать себя творчеству?

--А работа моя здесь ни при чем, товарищ Архимед. Писал, не отрекаюсь, что было, то было, но па-апрашу пARDону, не в рабочее время. Для меня, чтоб вы знали, труд на благо родного завода и его замечательной футбольной команды под моим руководством – святое дело! Я на работе работаю добросовестно. А если каждый кому попало начнет на рабочем месте не план гнать, а стишата сочинять, то план будет под угрозой! И ни прогрессивки тебе, ни квартальной! Я уже не говорю за тринадцатую! Вот так – то, дорогие товарищи..

Ольга Аристарховна наклонилась к Мусеньке и прошептала:

--Ты чувствуешь, девочка, какой в его речи великолепный сатирический подтекст. Он, к тому же, просто гениальный юморист. Гениальный.

--Конечно, чувствую, Ольга Аристарховна. Я даже вспомнила, кому из великих был дан такой же мощи сатирический дар.

--Молодец, девочка. Конечно же, это был Николай Васильевич. Наш замечательный Коленька. Мы никогда не могли понять, когда он шутит, а когда серьезен. Помните, Архимед Пифагорович?

--Ну, разумеется, Ольга Аристарховна. Ведь то же мы видим и у его замечательных героев. Этот Собачкин! А этот.... дай бог памяти ... Хлестунов! Это же чудеса словесной эквилибристики.

--Архимед Пифагорович, вы, конечно, хотели сказать Собакевич и Хлестаков!

--Мусенька, сколько раз я просила не поправлять по пустякам нашего дорогого главного редактора. Это все происходит вовсе не на почве старческого маразма, это легкие заскоки памяти в связи с тяжелым бременем ответственности, которую он столько лет несет на своих могучих мужских плечах. Кстати, Сергей Никандрович, а как вы относитесь к тончайшему

сатирическому подтексту в бессмертных произведениях Николая Васильевича.

--Это вы про того ,который про вурдалаков в церкви сочинил? Там еще панночка в гробу летала? Вы про этого?

--Про этого, Сергей Никандрович . Про того самого. – Хихикнула Мусенька.—Хорошо вы на его счет пошутили. Очень смешно.

--Куда там смешнее, гражданочка. Я это кино, помню, еще пацаном посмотрел с маманей, так потом неделю в кровать по ночам со страху мочился. Ко мне всё этот вурдалак во сне приходил и просил поднять ему веки.

Иорданский разлил трясущимися руками коньяк по бокалам. Взял свой в ладони, сложив их как два лепестка вокруг ножки сосуда, чуточку подогрел и, зажмурив от предвкушения невероятного блаженства глаза ,вдохнул носом аромат бесценного, столетиями выдержанного напитка.

--Друзья мои. Мои дражайшие соратники на ниве прекраснейшего из искусств! Поднимите бокалы с этим нектаром за наше плодотворное и, как мы надеемся, длительное сотрудничество! Надеюсь, никто не возражает?

--Дураков в этой комнате нет, товарищ Иорданский! Почему бы не выпить, да еще на халяву, как у нас в команде говорится, когда есть чего выпить и тебе это чего хорошие люди от души предлагают!

--Браво, Сергей Никандрович! И пусть ваши записки обретут постоянный дом в наших «Записках»!...

Серега поднял бокал , поглядел на свет, цокнул и разом опрокинул его в глотку.

--Клоподав классный. Забористый , собака...Сразу видать, что спиртягу не разбавляли. Совесть у производителей есть. И клопом не шибко отдаёт. Все, как говорится, в меру.

Кушеткина смахнула с ресниц восторженную слезу и почти радостно, с видимым удовлетворением выдохнула :

--Алкоголик !

--Как и большинство высокоодаренных людей ,Мусенька, и особенно в такой области как искусство...-Грустно

констатировала Ольга Александровна. –Открою вам ,Сергей Никандрович, один наш маленький редакционный секрет. Эту замечательную бутылочку привез нам из Молдавии сам Александр Сергеевич!

--И мы дали обет , что откроем её только при встрече с новым русским поэтическим гением.

--Это чево, ваш снабженец? Молоток, сразу видно, разбирается в кире... А сейчас эта Молдавия такое нам дерьмо гонит, такую сивуху... Я лично никогда молдавское сухаго не пользую и команде не советую. Это сплошное отравление всего организма, да и вкуса никакого. А похмелюга по утру такая,- башку от подушки не оторвать. Так что ваш Сергеевич молоток! Соображает в нашем деле. Пифагорыч! Яблочко из вазончика отпасните, если не трудно. Послевкусие от клоподавчика перебить. Лично я- чистый водочник. Коньяк если и употребляю, то исключительно, если угощают. А за гениев , -это тост правильный. За их и повторить не грех. Верно я говорю, Аристарховна?

--Абсолютно с вами согласна, Сергей Никандрович. Слушаю вас и просто наслаждаюсь ироническим подтекстом и вашими неподражаемыми морфологическими псевдонародными оборотами речи. Все это так удивительно тонко подмечено! За вами надо просто записывать. Просто записывать! Так удивительно тонко...Я бы сказала, есть в вас что –то Щедринское...Я права , Архимед Пифагорович?

--А я бы сказал, Оленька, пожалуй, тут слышится Ершов с его Иванушкой,...Лесков с его Левшой. И, если хотите, пожалуй, даже Баженов с его мастером!...А вы как думаете , Мусенька? Это ваша тематика...

--Хармс, шеф! Хармс и только ранний Хармс!

--Так вы тост – то мой делом поддержите. А то морфология , Щедринское, а жидкость то в рюмахе не убывает. –Серега налил себе бокал доверху и , подмигнув Мусеньке , махом опорожнил его. --А я, честно говоря, не знал что и думать, когда вашу повестку получил. Ни фига , думаю , вляпался ты, Серега! Думаю , черт его знает , что он там понаписал , этот паразит!...

--Простите, кто он,- этот паразит? –Иорданский удивленно посмотрел на Кадушкина и даже поставил недопитый бокал на стол.

--Ну этот ...самый... поэт, который, как вы сами талдычите, во мне сидит...

Сергея вдруг почувствовал что устал, а ,вернее, отяжелел от спиртного. Древний, хорошо выдержанный коньячок оказался куда забористее, чем он предполагал. Утреннее похмелье прошло, но голова толком не прояснилась. А тут еще эта нервотрепка с повесткой... Хорошо еще, что молдавский коньячок вызвал новый хмель...Он –то и на трезвую голову не любил разводить разговоры с интеллигентами. Их вечный выпендрей раздражал его. Он не был любителем разводить базар на всякие там научнообразные темы. Книг практически не читал. Ну разве только если Тамарка тыкала его носом в какой-нибудь детектив, который, чтобы хоть как –то убить утомительное безделье в кладовой она брала в заводской библиотеке. Утром тренировка с пацанами из спортшколы. Днем домино во дворе с пенсионерами. Вечером тренировка со взрослой командой или сериал по телику. Так, глядишь, и день прошел. Он понял, что ляпнул что -то не совсем то... с этим поэтом, который в нём... Но ,как ему показалось , он удачно выкрутился из этой ситуации...

Ольга Аристарховна всплеснула тоненькими ручонками и, опустившись на стул ,прошептала:

--Интуитивист... Я это почувствовала сразу. Буквально с первых его фраз...Ты согласна со мной , Мусенька!?

--Типичный, Ольга Аристарховна! Нет слов. В нем я даже вижу что – то от самого Мессинга. И даже во взгляде...

--Ну, уж тут ты ,подруга, сказанула. Так , глядишь, ты у меня что- то и от Берия найдешь? Ты бы лучше по сусекам – то поскребла , может там у вас еще какая бутылочка мальвазии схоронилась до лучших времен. Гадом буду, тут меня моя интуиция не обманывает. Верно , дядя Пифагорыч?

--Нет , нет, Сергей Никанорович...Уверяю вас, больше в редакции нет ни капли спиртного. Ну, разве что, валокордин...

--Я -Никандрович, извиняюсь...У меня папаня Никандром звался. Это если по трезвому.... А как бывало под этим делом с завода приползет, то его хоть кем кличь, хоть самим Папашей Римским- все мимо,... только на шкалик и откликался.. Но насчет своего имени по трезвости- очень принципиальный и строгий мужчина был . Очень...А к вам, Аристарховна, у меня такой вопросик будет: а вы не могли это...ошибиться ...в общем,... в...моих стишатах? А то всякое может быть...Сейчас раздую, понимаешь,...а потом глядишь- фьють -и, как говорится, полный ,...извиняюсь,.... конфуз...

--Обижаете , Сергей Никандрович. Через эти вот руки прошли рукописи Александра Сергеевича Пушкина, Михаила Юрьевича Лермонтова, Федора Ивановича и Александра Александровича Тютчевых, Блока, Северянина и я ни разу не ошиблась, сразу же распознав в них гениев!

--Ну, уж если вы такой в этом деле спец, я, маманя , как говорится, пас! Мимо ворот!

--Но мне отраднo видеть в вас, Сергей Никандрович, простого и скромного человека.

--Во, во! Мне и Тамарка моя частенько говорит, что от скромности я не подохну ,а если от чего и окочурюсь , то это от пьянки. Но я , внутри своего организма, исключительно человек скромный. Я никогда не кричу: я, я! Гол забивает вся команда. Получилось- хорошо! Не получилось- извиняюсь!... Между прочим, мы все Кадушкины , если нас рассматривать на гинекологическом дереве, извиняюсь, тоже были люди скромного, я бы даже сказал, не очень чтобы сильно высокого полета , как поется в известной песне про советских летчиков. Звезд с неба , так сказать , не ловили , но помирали, между прочим, не от скромности , а скорее кто от чего. Дед Исидор ноги откинул от лошади. Она ему в пах копытом задней правой ногой засандалила. У его на мошонке даже след от подковы остался на всю его жизнь. Правда, жизнь –то у него опосля этого копыта не так чтобы долгая была: – три дня едва просуществовал в живых. А потом сразу взял , да и помер. Да и бабка Параська, его женка, тоже недолго его пережила. На

похоронах в могилу свалилась вниз башкой , но не очень удачно, – шея у неё сломалась , причем почти пополам . Об крышку гроба саданулась, сердечная . Мы потом всей остальной семьей еще до- о-лго их вспоминали. Неделю не просыхали. А вернее , восемь рабочих дней и два выходных. Ну конечно, больше деда. Он бо-о -льшой «прихиндей» был по жизни, как его Тамарка называет. Но он, как назло, перед самой кончиной у всех родных и соседей денег наодалживал. Ну у всех ,буквально.... Очень дальновидный был дед. Ну, прямо как чувствовал, что отдавать не придется! Как все равно он себе чувствовал. Колдун! Одно слово – колдун! Вот такая история на нашем дереве существовала. Но что характерно, ведь кому ни расскажешь,- все впокат! Врешь , мол, говорят, Серега, и все тут! Не мог знать человек, даже если он колдун, что одолженными деньгами он всё равно воспользоваться не сможет при жизни! Не мог и все тут. Просто вокруг люди ограниченные пошли очень. Опять же, как в той песне про летчиков- без полета...А вот, к примеру ,вы, девушка, с кроватной фамилией, извиняюсь , но подзабыл как вас Пифагорыч отрекомендовал... Вы как, я имею ввиду, лично этой истории доверяете?

Кушеткина почему -то густо зарделась и, смущенно опустив глаза ,пролепетала:

--Мне так нравится ваш удивительно чистый, ненадуманый , без капли фальши народный лексикон. Какая поразительно изобретательная метафоричность! Какая удивительная по своей насыщенности , и, в то же самое время, простая, незамысловатая, почти не подчиняющаяся классическим канонам построения литературной фразы, русская речь. Вы прирожденный глубокий российский писатель, замечательный певец русской глубинки! Причем, как деревенской, так и сугубо городской! Я права , Ольга Аристарховна?

--Мусенька , ты прелесть! Я уверена, что лучше бы не смог описать этот редчайший и интереснейший литературный дар нашего дорогого гостя и сам мудрый Виссарион!

--Это кто ,Сталин , что ли?

--Ну и шутник же вы, Сергей Никандрович! Ну и шутник! Кстати, Иосиф Виссарионович, между прочим, тоже был большим мастером доходчивого, понятного каждому рабочему и крестьянину языка. Вы прочтите еще разок его замечательные «Вопросы языкознания». Любопытнейшее пособие! Любопытнейшее! Я бы скорее сравнил ваш архилюбопытный, неподражаемо самобытный сленг с метафоричностью Демьяна Бедного, не так ли, Мусенька? Да, да! Именно с его. Кстати, Сереженька, позвольте мне, старику, так вольно величать вас, вам по душе стишата этого, простите меня за выражение, мастера поэтического пера?

Иорданский с презрительной усмешкой остановил взгляд на Кадушкине.

А черт его знает. Я, лично, если честно, книгу про «Дядю Степу» люблю и уважаю. Я в детстве его наизусть барабанил. Там все ясно и разборчиво рассказано. А этих современных я не разбираю. Особливо великих поэтов. Воют себе что-то под нос у микрофону. И воют, и воют. И воют, и воют! А «Дядя Степа», хоть был и мент, но сразу видать -наш человек!

--Вы правы, Сергей Никандрович! Многие замечательные поэты очень своеобразно исполняют свои произведения. Но страшно не это. Если бы вы только знали, сколько поэтического мусора проходит ежедневно через наши руки! А сколько еще просто обыкновенной графомании! --Щеки Мусеньки пылали.

--Неужели даже не в рифму пишут?

Веселый смех редакторов подчеркнул воспринятый как очередной образец яркого юмора якобы наивный вопрос Кадушкина.

И когда среди этого словесного мусора вдруг попадаются ваши «Скитальцы», это – обвал! Лавина! Землетрясение! Спасибо вам, дорогой Сергей Никандрович! Спасибо, что вы есть!...

Из глаз Кушеткиной брызнули слезы..Ольга Аристарховна приложила к глазам шелковый платочек и прошептала:

--Дожила старая. Слава тебе, Создатель, все же дожила...

Иорданский еще раз втянул носом дивный аромат коньяка, допил последние капли из своего бокала. Вкусно чмокнул языком и, взяв Кадушкина под локоток, доверительно начал:

--Многоуважаемый Сергей Никандрович, а теперь о нашем совместном и столь приятном как нам, так, надеюсь, и вам, рабочем содружестве. Публикацию вашей замечательной поэмы мы намечаем на следующий месяц. И при этом увеличиваем тираж журнала вдвое! Да, да, вдвое! И боюсь, Оленька, и этого будет мало!... Перед поэмой мы, как и обычно, поместим краткую редакционную аннотацию и ваш портрет. Поэма, наверняка, вызовет большую полемику... Ольга Александровна, я думаю, что тут мы смело можем обратиться к Писареву?

--А вы не боитесь, Архимед Пифагорович, что с ним может случиться такая же история как в том случае... Вы понимаете, что я имею ввиду ту крайне неприятную историю с Александром Сергеевичем. Вы можете распять меня на кресте как Спасителя, но я никогда не смогу понять, как такой могучий, профессиональный, критический мозг не смог оценить Сашенькин гений? Никогда! А вдруг и на этот раз этому юному дарованию попадет вождя под, извините меня, хвостик, или он встанет утречком не с той ноги и напишет отрицательный отзыв о поэме? Если не возражаете, я сегодня же попробую дозвониться до Виссариона Григорьевича и завтра подъеду к нему сама. Уж его - то безошибочному чутью я доверяю несравненно больше.

Иорданский ласково погладил кисть Кадушкина, и наклонившись к нему проворковал:

-- Мы надеемся, Сереженька, что вы покажите нам и все ваши предыдущие работы. Я представляю себе, сколько словесных алмазов мы откопаем в вашем глубоком творческом шурфе.

--Фиг вы там чего накопаете. Это я вам точно говорю. Если начистоту, то больше у меня ничего и нету, я имею ввиду -из стишат.

--То есть, как это может быть, - ничего нет? Это что ваше первое в жизни поэтическое произведение?

Сергеа вдруг мгновенно вспотел. Противные струйки холодного липкого пота поползли из –под мышек и насквозь пропитали рубашку. Темные круги выступили на боках и спине. Его расслабленный в обычном состоянии мозг непривычно напрягся почти до судороги, как годами нетренированный бицепс при неожиданном жиме на турнике. –«Ты смотри , дурень, не ляпни там чего лишнего» -ярким фейерверком вспыхнули в голове последние слова Тamarки. Он вытащил из кармана брюк мятый, давно не стиранный носовой платок, вытер лицо и ладони и громко выпалил:

--У кого-нибудь, возможно, и не может, а у меня может!

Иорданский хмыкнул. Развел руками и понимающе произнес:

--Намерены , насколько я понимаю, держать свою творческую мастерскую в тайне, как Набоков и Кафка? Ну что ж, это ваше вполне законное и понятное нам авторское право, уважаемый автор.

--Да, именно в строжайшей тайне. Сейчас столько бандюганов разных развелось, не успеешь и глазом моргнуть,- на раз сопрут, сволочьё..!

--А не подскажите, над чем вы сейчас работаете? -Смущенно пискнула Кушеткина.

--А честно говоря , сейчас ни над чем. Надо ведь и серьезным государственным делом заниматься, гражданочка. У меня как у настоящего профи основное дело- футбол! И за это мне наш завод два раза в месяц зарплату платит. А частенько и премию! Вот такое мое главное дело. Ну и, конечно, трудовая, дружная и сплоченная семейная ячейка. Надо мусор вовремя вынести , чтобы не завонял. Сбегать в гастроном за этим и за тем, закусь, она ведь тоже нужна человеку. А магазин у нас хороший . Напитки какие хочешь. Селедка слабой соли, пельмени, холодец и всякое такое. Теперь он у нас «шопом» стал называться. Это заграничное название.

Иорданский открыл сейф, достал из него довольно внушительную пачку кредиток и, пересчитав деньги, передал их слегка обалдевшему Кадушкину.

--Вот, пожалуйста, ваш гонорар, Сергей Никандрович. Мы с Ольгой Аристарховной подумали и решили заплатить вам всю сумму сразу.

Сергея прикинул пачку на руке и осторожненько положил её на стол Иорданского.

--Елкин корень! Вы это что, уважаемый, на понт меня берете? Таковую пачечку мне, можно сказать, на халяву в ручки даете. Не ожидал такого...от вас и вашей тётеньки, откровенно говоря... Вы за кого меня принимаете, за лоха? Так вы извините, со мной такие номера не проходят. Я человек честный и с подобными фокусами дело не имею!

Ничего не понимающий, слегка обалдевший Иорданский поднял со стола денежную пачку и извиняющимся тоном произнес:

--К сожалению, Сергей Никандрович, это максимум того, что мы можем сегодня вам заплатить. Ведь мы не печатаем детективы и женские романы. Мы занимаемся исключительно классическими изданиями как писателей прошлых лет, так и нынешних классиков. Поэтому наши тиражи и соответственно гонорары авторам значительно меньше, чем в модных издательствах, где олигархи отмывают свои, неизвестно каким образом приобретенные огромные деньги, и для этого закупили практически все книжные магазины в стране. Но я обещаю вам, что сразу же при удвоении тиража с вашей поэмой, мы вам организуем доплату.

--Ах, значит вот в чем дело – то. А я, извиняюсь, сразу-то и не дотумкал, что к чему. Это уже совсем другой расклад. А с доплатой можете не торопиться. Хватит ему таких деньжищ за глаза и за уши.

--Кому-ему?

--Поэту... этому.. Ну, в общем, который во мне... А вот с фоткой-этого мне бы не хотелось... Я, знаете, человек скромный. Деньги - это, как говорится, другое дело... А эта показуха мне совершенно ни к чему. Совершенно! За такую фотку в журнале моя, Тамарка, если увидит, конечно,- койлы на раз оторвет. На корню! Это без вопросов!

--Это обязательно надо! Просто обязательно, Сереженька! Читателю безусловно будет очень любопытно увидеть ваше одухотворенное лицо.

--Ну, если уж это так необходимо для творческого, как говорится, процесса, так давайте хотя бы подмажем там мою физию. Усы там приклеим. Может бакенбарды как у вашего Александра Сергеевича и бороденку как у товарища Ленина. Но это давайте в другой раз, когда вам еще какой –нибудь снабженец такой же классный клоподавчик подарит.

Кадушкин, не пересчитывая, засунул было пачку с купюрами в карман куртки, но подумав, достал её снова, отсчитал несколько кредиток, подумал, и еще добавил к ним пару бумажек. Привычным жестом запихал заначку в носок и, махнув на прощание рукой, вышел из редакции. В голове гудело, хотя алкоголь почти испарился. Он зашел в ближайший подъезд, вытащил из куртки основную пачку денег, снова тщательно пересчитал её. И, открыв еще несколько купюр для заднего кармана брюк- второй заначки, фальшиво насвистывая футбольный марш, отправился в любимую забегаловку пропустить с корешами пару –тройку в поту заработанных сегодня кружек пива. После его ухода сотрудники редакции молча, каждый по-своему переживали посещение гения.

--Какой он, однако, странный... –Задумчиво проворковала Кушеткина. –Откровенно говоря после прочтения поэмы у меня сложился в голове совсем иной, мало похожий на нашего сегодняшнего гения образ.... Совсем иной...

--К гениям, Мусенька, нельзя подходить с нашей обывательской моралью. С нашими примитивными мерками. Если бы вы лично знали Александра Александровича Блока, он вам тоже показался бы странным... Создатель, моя девочка, давая человеку одно, часто отнимает у него другое. Так уж устроен этот лучший из миров, правда, я не всегда бываю уверена, что он действительно лучший...И наш дорогой Архимед Пифагорович частенько говорит мне об этом тоже... У нас все еще впереди. Слава меняет людей и, особенно, очень одаренных, и они далеко не всегда могут выдержать её давящее

на психику бремя. А нам, деточка, предстоит работать с этим автором еще не один год. Так что наберись терпения и будь готова к возникновению у нашего гения новых и самых неожиданных странностей.

Домой Кадушкин явился на бровях, но основную пачку денег сохранил в неприкосновенности. Он тяжело опустился на шаткий кривоногий стул, который уже не первый год обещал починить, вечно достававшей его по любым поводам подруге жизни. Тамарка терпеливо, что случалось далеко не часто. Помогла ему стащить грязные ботинки, принесла тапки и нацедила из трехлитровой банки большую кружку забористого кваса из чайного гриба, который по пустякам не растрчивала и настаивала до крепости уксуса именно для таких случаев. Серега глубоко и тяжело вздохнул и, глядя куда – то в дальний угол комнаты, загробным голосом произнес:

--Ну, все, Тамарка, -хана. Суши, подруга, сухари мужику - подают в суд.

Тамарка охнула и, безнадежно взмахнув рукой, молча опустилась на краешек тахты. .

--Значит, жена была как и всегда права... Достукался со своим пошлым поэтическим сексом, дуралей. Достукался, доигрался, короче,- обделался мальчик. Ну и хорошо... Очень даже хорошо! Может быть, если уж не умница -жена, то хоть тюрьма тебя, мерзавца, чему -нибудь научит! Хотя,... навряд ли... Таких охламонов, разве что могила может чему- то научить! Да и то не уверена....

--Чем это от тебя таким странным несет? На водку вроде и не похоже?

--Дорогим коньяком, Томочка. Десять звезд, сам считал... Причем, знаешь, какой коньяк- то? Молдавский! Его оттудова сам Александр Сергеевич привез.

--Какой там еще Александр Сергеевич?

--А черт его знает какой. Какой- то там у них большой человек. То ли начальник, то ли может быть ихний снабженец?...Я так конкретно не понял. Может даже и сам Пушкин...

--Я тебе покажу Пушкина! Ты чего это из меня дуру – то делаешь?! Я здесь сижу, дрожу, а он в это время с Гоголем последние деньги пропивает!

Вчера , между прочем, передача по телевизору про сексуальных маньяков была. Пожизненно их велено сажать! Ты понял ? ! Пожизненно! Я своими ушами в телеке видела! Так что твой извращенец, -Петя – петушок будет там с пингвинихами развлекаться, а его добренький дружок –дурачок Серега- в тюрьме гнить! Господи , говорила же мне моя умница –мамочка, не ходи замуж за футболиста, они не головой , а ногами думают!

Серега, вдоволь насладившись воплями подруги , достал из кармана куртки внушительную пачку денег и бросил её на стол. Однако, остановить разбушевавшуюся Тамарку оказалось не так –то и просто. Она как токующий глухарь уже ничего не слышала и не видела. У неё перед глазами маячила тюрьма с высокой оградой и колючей проволокой над ней. Узкая грязная тюремная камера – одиночка и лежащий на грязном холодном бетонном полу её ненаглядный дурень -муж с цепями на руках и ногах как у тех декабристов, про которых она недавно смотрела кино. Слезы, ручьями катившиеся из глаз, сбегали по щекам, пробивая себе фарватер в густо наложенной косметике и падали на новую белую кофточку, оставляя на ней плохо смываемые лиловые подтеки. Сереге стало жаль так искренне рыдающую подругу и он, чуть было не свалившись со стула, дотянулся до её тугого бедра и ласково погладил его.

--Ладно, Том, шучу я . Знаешь, кто наш Петька- то , оказывается?...

--Да уж что бы он там ни понаписал, но мне кажется, что не из хулиганских побуждений. Что угодно про него можно сказать, но он не хулиган и не маньяк. Я как женщина завсегда чувствую,- хочет этот мужик меня или не хочет. Завсегда! А вот за Петьку одно могу сказать и даже при всех на суде- мужик он самый, что ни на есть обыкновенный, и на женский пол даже с небольшого расстояния ощутимого сексу не наводит. Наверное, поэтому он и со своей воображалой -Люськой и не

ладит. А что он ненормальный, так я на суде это тоже скажу. А если она ему своими финтифлюшками башку вскружила, то вот пусть за всю евонную писанину и отвечает!

--Тома, остановись, кому говорю! Петька – то наш, оказывается, гений! Поняла? Гений! И на клетке его так и будет написано – гений обыкновенный! Хорошая шутка, правда? А в редакции так прямо и сказали: вы, говорят, то есть я, значит, – просто гениальный поэт!

--Так что, неужели напечатают?

--Двойным тиражом и в следующем номере журнала! Уже и деньги заплатили. Обернись, они вон на столе лежат.

Сергея, покачиваясь, подошел к столу, взял пачку и как колоду карт привычным, отработанным жестом веером распустил её по скатерти.

--Поллюбуйся, подружка, сколько у нас поэтам платят!

Тамарка горящими глазами уставилась на купюры и дрожащим голосом проблеяла:

--Сергея, ты меня не разыгрываешь?

--Нет, по –твоему я убил ихнего главного редактора и ограбил сейф? Так, что ли? Или, может, сам нарисовал? Ну, ты даешь, женщина!

Тамарка протерла глаза, тряхнула головой и возмущенно продекларировала:

--Нет, все же какое безобразие у нас в стране творится! Один день у народа наворовал и накупил себе десять яхт! Другие выкачивают нефть из народа. Третьи понастроили наворованные деньжищи дворцов! И куда только у нас президент с Путиным смотрят?! Безобразие! Какое безобразие! Тут вкалываешь с девяти до шести как папаня Карла! Вкалываешь и вкалываешь! Из кладовой, иной раз, и в туалет поправить прическу и оправиться не выйти! А какой –то рифмач...

--Рифмоплет, Томка...

--Ну пусть рифмоплет, за раз огребет столько, сколько нам с тобой, выдающимся заводским тренером, да еще и при премиальных, за цельный год не заработать! Вот скажи, Сергей, есть на этом свете справедливость у людей? Ведь даже

если бы ты не пил как последняя свинья и заначки бы не пропивал с бомжами, нам бы все равно таких деньжищ и за год не накопить! Ведь верно я говорю!

--Кто с тобой спорит, Тамар? Но тут талант при себе иметь надо. А талант, Том, такая штука.... Его в ларьке с пивом - не купишь. С им человеку родиться надо! Поняла?

--Это у кого талант- то? У твоего Петьки, что ли? Не смехи людей! Просто люди совсем уже меры не знают. Ты мне скажи, - кто из нормальных людей всю эту белиберду в рифму читать будет? Я? Ты? Или, может быть, Лидка, моя сменщица по кладовой? У нас ведь свободного времени нет! Нам, трудящимся , работать надо! Повышать производительность, создавать материальные ценности! Ты по телеку президента слушал? Он в своей речи про стихи, между прочим, ничего не говорил! Модернизацию надо делать ! Вот что главное на сегодняшний день! Его слова! А если все начнут стихи писать, что есть -то будем?! Эдак, и до нового кризиса довести страну недолго! Не-ет ! Вот я завтра же сяду в обед и напишу телегу на это безобразии кому следует!... Пусть соответствующие органы разберутся с этим наглым журнальчиком! А ,заодно, и с этим молдавским коньячком , который им ихний снабженец привозит контрабандой из другой малодружественной к нам страны, а они им спаивают в рабочее время порядочных людей!

--Том, ты че , совсем мозгами тронулась? Тоже мне, новая Маринина нашлась! Что ли мало нам одной?! Ты че- сук ,за который мы с тобой только, только , можно сказать, зацепились, срубить хочешь?! От Петькиных- то гонораров может и нам тоже что обломится? Я же не зря сегодня в этой редакции ведро пота из себя выдоил! Страху полные трусы наложил! Писать – то дело не хитрое , это все могут. Страна- то у нас поголовной грамотности. Но в рифму не у всех получается. У меня, скажем, нет, а у Пушкина получается!

--Ой , только не смехи меня! Тоже мне Петр Пушкин новый объявился! Нет , это безобразии! Такое безо.... Ой, а я- то все думаю: зачем мне деньги сегодня были нужны? Даже

стрельнуть пробовала. Дерихвостовы – то ковер свой, три на четыре, малайский, отдают. Причем, почти задарма. Всего за десять тыщ деревянных! А у нас пол абсолютно голый. Как твоя лысина.

--Постой , постой! Ты на чужой каравай, ротик – то свой не того...И мою лысину не трож! Деньги – то не наши! Так, отщипнуть,...как говорится... Другое дело...

--А я разве говорю , что наши? Но займы мы же имеем право взять? Он же пингвинихам не будет букеты дарить... там,.. в этой свой Атлантиде.

--Антрактиде, серость.

--Ну пусть будет –Антрактиде. Я университетов не кончала. Когда он еще оттудова приедет? А мы к тому времени накопим. Если, конечно, ты , алкаш поганый, заначки делать не будешь! Отдавать же всегда легче, чем копить. Поди – ка накопи, а отдавать все равно надо, тут хочешь не хочешь , а отдашь! Если , конечно, по –порядочному... А случай- то такой, с ковром малайским , никак нельзя упустить, второй такой не представится!... Нет, это такое безобразие, такое безобразие. Между прочим , Томка, ихний главный, -Пифагорычом его зовут по отчеству, обещался еще добавить.

--Ну ты только подумай , какое безобразие ! Ну, просто форменное безобразие и все тут!

Месяц пролетел незаметно. Тамарка ежедневно заставляла Серегу чистить малайский ковер. Для скорости этого процесса пришлось купить дорогой моющий пылесос. Тапки из дома были закинута на антресоли. Тамарке кто – то из подруг сказал, что их подошвы портят драгоценный малайский ворс. Заглаживают его. Сереге по комнате разрешалось ходить только босым. В старой хрущевке из трещин сильно тянуло холодом по полу, и супруги поочередно ходили с ангиной и насморком. Тамарке купили новые дорогие итальянские сапоги -из коллекции, тоже по случаю. В соседнем бутике уценили эту коллекцию на три процента, и пропустить такой редчайший подарок судьбы было бы просто неппростительным кощунством. К новым сапогам супруги Кадушкину так же

пришлось обновить и свою обувь. Ну действительно, не ходить же мужику рядом с красавицей – женой, одетой в дорогие коллекционные итальянские сапоги, в старых, прохудившихся кроссовках. К итальянским сапогам очень подошла по цвету чисто шерстяная английская юбка из того же бутика и, хочешь-не хочешь, но пришлось надеть и на Серегу новые и тоже чисто шерстяные бельгийские брюки, в цвет Тamarкиной юбки. Новая французская кокетливая шляпка так подходила к серым глазам Тамары, а немецкая фирменная кожаная кепка Сереги к кокетливой французской шляпке жены, что пожалеть на них месячную зарплату обоим было бы просто смешно. Безобразно большие деньги за поэму Петра как – то совершенно незаметно подходили к концу. Да и Серегина заначка была щедро пропита с друзьями. Надо было думать, как жить дальше... Утром в субботу раздался звонок в дверь. Заспанная Тамарка, чертыхаясь, набросила халат и открыла дверь.

--Кадушкин здесь проживает? -Спросил мрачный почтальон.

--Сергей, к тебе.

Проклиная все на свете Серега, качаясь, добрался до двери. В голове гудело после вчерашней плановой поддачи- встреча субботы. Слова, застревающие в клейкой как БФ слюне, с большими усилиями вываливались наружу из распухшей глотки.

--Чево там? Опять повестка?

--Авторские экземпляры из «Записок отечества» .Распишитесь и заберите коробку.

--Ни фиги себе, журналов надавали, и не поднять. Прислали бы парочку и довольно. Все равно читать их никто не будет. Верно?

Это почему это не будет? А, может быть, я их на работу снесу. Пусть знают, кто у Тамары Васильевны муж. Вон Лидка мне своим нищим мужиком- инженером все в морду тычет. Зарплата у его меньше моей, но, видишь ли, престижная профессия...

--Гляди –ка, Томка, быстро они раскрутились. Месяца не прошло....Ну, что ж, поглядим мою первую публикацию, как говорится...Так, ...это все писанина,... а вот и портретик в

анфас. В профиль , пожалуй, было бы покрасивее...Но этот тоже ничего. А? Как вам ваш мужик, Тамара Васильевна? Ничего из себя весь?

--Ничего – то , ничего... Но вот с портретом – то ты напрасно. Без портрета- то Кадушкин и Кадушкин. Шут его знает, какой такой Кадушкин? Мало ли на свете Кадушкиных. А теперь- все. Все улики на лицо. Что ты будешь людям –то говорить?

--Что всё! Что всё! Какие там улики? А почему же это я сам поэму не мог написать?.. Сел себе по-трезвому, напряг мозги и воображение ...и ... Да я понимаю,...но Архимед- категорически. Народу нужен портрет и всё! Ну ,а уж раз самому народу я необходим- тут уж , как говорится...Нет ,ты только прочитай, что здесь написано: редакция приветствует нового зрелого мастера!.. Зрелого, поняла? То есть я долго зрел себе на ниве спорта, как говорится, и, наконец, того...созрел... Нет , что ни говори, а приятно. Все равно приятно. Ты только представь себе, Том. Тебя на работе спрашивают, так это с поддевкой, ну к примеру та же самая инженерша Лидка: Тамара Васильевна, это не ваш ли муж Сергей Никандрович, гениальный поэт нашей эпохи -товарищ Кадушкин? А ты так небрежненько ей под дых- мой, а что? И журнальчик с портретиком - бац ей в мордуленцию! И мадам в отпаде.... В шоке, как говорится!...

--И что же вы тогда ,уважаемая Тамара Васильевна, в старом пальтишке при таком – то гениальном муже разгуливаете? А? На итальянские сапоги у вас и своей зарплаты хватило, а на хорошую шубейку у него , чего? - Может рифма закончилась? Между прочим, у нас вчера в туалете Валька Синцова такую шубку демонстрировала ! Из самого, что ни на есть, натуральнейшего песка! А у неё муж простой шофер, между прочем, на север завербовался ради жены. Вот это –то ,Сереженька, любовью и называется!...

--Во, во! Это точно как наш дурак Петька со своей умной Люськой. Этот шоферюга там с тюленихами у чукчей в яранге будет мужскую нужду справлять, а твоя Валька с мужиками в

новой шубке баловаться. Ты лучше сюда погляди, тут Агата Кристи напечатана!

--Ты свою великую поэму сначала прочти, чтоб хоть знать о чем там... А то кто спросит, так стыдуха же...

--Я уже два раза начинал, причем первый раз по трезвому- не идет собака, ну хоть ты сдохни. Не понимаю ни черта, глаза слипаются и всё... Белиберда какая – то, про чистую любовь... еще что- то там... Я вот в детективах не хуже твоего Шерлока Холмса рублю. Вот только на обложку погляжу- и всё! Кто кого замочил. Кто у кого чего прихватизировал- это на раз. И почти никогда не ошибаюсь. У каждого свой талант, Тamarочка. Вот так – то!

--Да, между прочем тут тебе из какой – то другой редакции звонили. Я сказала, что тебя нет. Очень просили позвонить. Я телефон ихний взяла, вот он на обложке книги Дашковой записан.

Кадушкин взял книгу и начал набирать номер телефона.

--Томка, а кого вызывать там по фамилии,- не сказали?

--Нет. Женщина сказала, что это телефон главного редактора.

--Опять главного. А редакция – то как называется?.

--Бес её знает, я не очень расслышала. Вроде бы- «Голос литературы» или чего -то похожее...Проси главного, не ошибешься

--Алло, это «Голос литературы»? Кадушкин моя фамилия. Вызывали? Ага. Слушаю вас внимательно.

--Уважаемый Сергей Никандрович, -в голосе редактора чувствовалось заметное волнение. –Я вам бесконечно благодарен за ответный звонок. Вы не представляете себе, какое наслаждение я испытываю, слушая ваш голос. Ваше имя сейчас на устах всех истинных любителей настоящей серьезной поэзии. Давненько я не получал такого удовольствия, читая наших сегодняшних поэтов. В своих «Скитальцах» вам удалось удивительнейшим образом синтезировать одновременно и чудесную позднюю лирику Пастернака и модернизм Вознесенского, простоту и удивительную человечность Рождественского, в сочетании с неистовством и плакатностью

Евтушенко! И в то же время я ясно слышу Бродского, и скажу вам честно, даже моего любимого Булата. Как? Как все это вам удалось сочетать воедино,- просто не укладывается в голове. И наш долг- познакомить читателя с уникальной личностью полюбившегося ему поэта. Скажите, когда бы вы, наш несравненный, могли бы принять корреспондента нашей редакции?

--Не понял? Это еще зачем? Я, знаете ли, не люблю этой показухи и никому никаких интервью не даю, даже за деньги. Не умею и не уважаю я этого занятия. Только трата дорогого времени. Я вот однажды после неудачной игры поболтал с одним корреспондентом из заводской многотиражки, так он, сукин сын, такого там понацарапал, что я ему потом всю мордуленцию чуть было не расквасил. Хорошо еще жена помешала. А то бы....

--Сергей Никандрович, о чем вы говорите! У нас солидный журнал и корреспонденты высочайшего класса! В прошлом номере мы поместили интервью с самим Жириновским! Вы, надеюсь, понимаете, что, даже отбросив ненормативную лексику нашего героя, записать беседу с ним близко к оригиналу была задача не из легких. Однако, наша корреспондентка с ней прекрасно справилась! И поверьте, что при всей вашей столь удивительной и приятной мне скромности этих формальностей вам все равно не избежать. Короче, вы в ближайшее время никуда не выходите из дома?

--Вообще – то, я тут хотел забежать... в одно заведение неподалеку, так сказать прочистить мозги после напряженной творческой работы, но если уж так сильно надо для читателей, так уж и быть, подожду маленько... Да, один маленький вопросик.

--Весь внимание, Сергей Никандрович.

--У вас в штате сотрудников есть снабженец?

--А как же. Канцелярские принадлежности, то да се... Обязательно.

--А он у вас из Молдавии ничего такого интересного...ну, то есть, --то, сё не привозит?

--Я вас не совсем понимаю, Сергей Никандрович?

--А чо тут понимать – то... Вот, к примеру, в «Записках отечества», с которым я тесно работаю, ихний снабженец Александр Сергеевич из Молдавии замечательный коньячок привез....Фирштейн?

--Ох и шутник же вы , Сергей Никандрович! Ох и шутник! Архимед Пифагорович как –то мне похвастался этим знаменитым коньячком. Неужели даже дал попробовать?

--Клоподавчик , между прочим, совсем неплохим оказался! Забористым! Выдержка , видать, была, будьте- нате! До последней капли бутылек выжали!

--Еще бы! Почитайте, ему было годков под сто семьдесят, а то и все двести... Намек понял, Сергей Никандрович. У меня Айтматовский из Киргизии уже лет десять как в баре силу набирает. Обязательно пришлю! Сочту за честь! Так что ждите! Серега хлопнул в ладоши и сбацал чечетку.

--Порядок, Тамуся! Скоро они у меня все вот в этом кулаке будут. Коньяками выдержанными зальемся! Вся литература у меня чечетку плясать станет, вот увидишь! Молодец Петька! Видать и вправду неплохую штуку нарисовал!... Неплохую!... Жаль, у нас в стране вшивых интеллигентов маловато осталось. Подвывел ихнюю породу Иоська Конопатый. Сильно подвывел. А новые что- то медленно размножаются.

--А зачем они, интеллигенты эти ,тебе вдруг понадобились? Раньше ты и без них неплохо обходился?

--Недалекая ты особь , Тамарка. Недалекая...То же было до Петькиных стишат. А сейчас новая эра началась. Эра Сергея Никандровича Кадушкина. С ударением на первый слог с буквой «а», Поняла?

--Ой! Какой у меня умный муж ,оказывается. Слова – то какие знает. Особь, эра! Ты у меня скоро как какой ученый профессор говорить начнешь!

--Погоди, начну. Скоро начну! Пить брошу, а уж умных слов цельный справочник выучу! А интеллигенты вшивые мне нужны для того , чтобы больше наших с Петькой книжек продавалось . Фирштейн , мадам? Рабочий народ, вроде нас с

тобой эту тягомотину читать – то очень навряд ли будет. Ну ,разве что, заместо снотворных таблеток,...когда на мальвазию денег не хватает.

--Кто тебе сейчас звонил? Уж больно ты разошелся.

--Так, еще одна редакция. Велят давать интервью, а я не хочу. Что я им скажу? Ляпну еще чего-нибудь такое....

--А деньги - то заплатят?

--Нет , это я сам сразу отказался. На всякий случай. От греха подальше. Знаешь, если задарма, как говорится, в шефском порядке, то и спроса меньше.

--Да уж , Сереженька, назвался груздем – всё. Теперь по ихним законам нужно жить. А то того и гляди- деньги взад заберут. У их , Сереженька, свои законы.

--Том, а что мне говорить этим корреспондентам?

--А ты лучше молчи. Мол об искусстве предпочитаю не говорить. Вот такой я чудак. Так и скажешь –чудак. Только смотри первую букву в этом слове не перепутай, с тебя такое станет, а то подумают , что ты жлоб некультурный.

--Это верно. Давай другое слово придумаем. А то знаешь, чисто автоматически, как говорится, по привычке ляпну....

--Нет, Серега, слово чудак для этого дела очень подходящее. Поэт имеет полное право быть этим самым чудаком, не то что мы грешные. Среди этих поэтов, знаешь, сколько придурков было,...ужас! Что там до них нашему Петьке... Я как- то по телевизору вечер поэзии смотрела,- господи, прости меня, грешную! Выйдет какой –нибудь чокнутый , да как начнет выть!...Как начнет! Как все равно пожарная сирена. Я тогда еще про себя подумала: хорошо, что мой мужик не поэт, а футболист.

Звонок в дверь прервал беседу, и Тамарка открыла дверь. Все что произошло в следующее мгновение,-прекрасно описал Михаил Юрьевич Лермонтов в гениальной поэме «Мцыри» . Быстрее молнии небесной ,скорее смертоносных стрел в комнату ворвалась невеста Петра - Люся. Как Серега устоял на ногах от двух сильнейших молниеносных пощечин , знает один Спаситель.

--Воры! Мерзкие воры! -Спазм ненависти сковал ей горло, и она без сил опустилась на стул. Тамарка мигом принесла из кухни стакан воды и почти насильно заставила её сделать несколько глотков. Кадушкин, растирая залитые багровым румянцем щеки, отошел в дальний угол и от греха подальше выставил перед собой в качестве баррикады стул. Люся ,с трудом отдышавшись, достала из сумки номер журнала и, ткнув пальцем в портрет автора, грозно спросила:

--Сергей, что это значит?

--Что значит- что значит! Вот поэму написал. Что , не нравится?

--Очень нравится... Очень. Я просто оторваться не могла. Всю ночь не спала ,читала.

--Ты что руки распустила? Чо дерешься - то как дура сумасшедшая! Думаешь, если ты дикая баба, я тебе и ответить не могу? Еще как могу! Так запендюрю справа, в девятку залетишь. В самый угол. Все щеки мне отбила, идиотка. Хоть отбивные из них жарь. Тамар, скажи ты.

--И скажу. Еще как скажу! Ты чего это , писаная красавица , руки распускаешь на чужого мужика, а?

--Не мужик он , а вор! Жалкий отвратительный вор! И за это не по морде бить надо, а в тюрьму сажать! И надолго! Ведь в этой поэме все его! Все Петра! В ней он сам! Цельный ! Умный! Верный в своих чувствах, устремлениях! Ты сравни себя с ним! Ты жалкий необразованный жлоб! Алкаш почти что из подворотни! Ты посмотри на себя в зеркало! Посмотри на свою фотографию в журнале! Это же лицо вырожденца! Морда Шарикова!

--Ну, насчет морды ,-это ты потише! Я не знаю твоего Шарикова, но на мою физию еще никто не жаловался! Конечно, в конкурсах красоты не участвовал, но в заводской многотиражке и даже на доске почета в заводоуправлении, почитай,- неоднократно!...

--На доске почетных алкоголиков районного вытрезвителя твоей фотографии место! Вот где!

--Да он меня сам в кафешке за кружкой пива попросил, чтобы я по редакциям побегал с его стишатами. Мне это надо? Я

вообще никаких стихов от рождения не читал. Даже Пушкина! А уж твой -то гениальный Петька мне и на фиг не нужен. Не веришь, спроси Тамарку. Уж она – то не даст соврать.

--И что же он тебя просил?

--Ты , Люська, на чужих мужиков руки –то не распускай! Разберись сначала, а уж потом по мордам. Это же надо! До чего человека изуродовала, что человек на стихах своих боится свою фамилию поставить! Приходит, плачет вот такими каркадиловыми слезами, чуть не на коленях ползает: Сереженька, дорогой , любимый мой школьный товарищ отдай мою поэму в любую редакцию и поставь свою фамилию, чтобы моя Люська -дура ничего не узнала! А моего – то дурака, да ещё когда он под этим делом, на любую глупость уговорить можно. А тем более , когда они ещё со школы... Так вот тебе благодарность за твои труды и доброту – по мордам! По мордам! Вот как оно в наше время людям хорошее делать!

--Это правда!? Неужели он до такого додумался , дурачок... Ненормальный! Ненормальный! Всю жизнь свою этой глупостью перечеркнул! Всю и свою и мою - пустил под откос....

--Да не реви ты... Тут уже слезами делу не поможешь... Опоздали мы ...Сегодня, мне Пифагорыч сказал, вся мировая общественность узнала нового большого поэта по фамилии Кадушкин...Поняла? Тут главное не свалиться с пьедестала раньше времени ...Поняла? А там когда Петька придет – разберемся...

--Прости меня , Сережа! Что очень больно?

--Ты с Петькой тоже так же разбираешься? Тогда бы я тоже от тебя к пингвинам удрал.

--Какой дурак! Какой дурак!

--Кто это дурак – то ? Кто? Ты уж ,Люсина , вырази поконкретнее.

--Оба вы дураки... Правда , Тамара?

--Это уж точно.

--И как это ты , Серега, думаешь разобраться после своего портрета?

--Все, Люся, очень даже просто решается , если хорошенько пораскинуть толковой головой! Мы подзаработаем денюжат на этих стишках и сделаем Петьке пластическую операцию, причем, точно под моё изображение. Так что самое главное сейчас -это копить эти деньги. А уж по этому –то вопросу моя Тамарочка превеликий спец! Верно , Томка?

--Да куды я их деню – то.

--А с хорошими – то деньгами все сегодня сделать можно! Вон этот Рабинович, раз -и губернатором Чукотки стал. А уж морду –то перепластовать под портрет, так это для нынешней медицины раз плюнуть. Были бы у меня большие деньги, я бы из моей Тамарки мисс мира сделал.

--Миссис, Сережа. Я ведь уже не девушка, а дама.

--Между прочим, на эту тему есть один классный анекдотик:

В купе поезда едет женатая парочка и попутчик. Женщина страшная как баба- яга и такая же сварливая. Она всю дорогу пилит своего мужика, а он ей задницу лижет, и ни гу-гу плохого словечка в ответ. Ну, попутчик не выдержал, выманил мужа в коридорчик якобы покурить и говорит ему: -Слушай, как ты эту сучару терпишь? Я бы её давно уже...привел в чувство.... У меня , между прочим, есть приятель- сосед по гаражу. Он хирург по мордашкам. Пластует их. Я с ним потолкую , и он мне по дружбе недорого, тысячи за три –четыре баксов ей рожу перевернет наоборот, и она хоть издали на человека станет немного похожа! –О ,это прекрасное предложение,- сказал муж . Четыре тысячи баксов за такое дело- это не деньги. Правда, я сейчас еду к себе в город, там я уже кое с кем договорился, её за нашу деревянную пятерку убьют к едреней фене!

Сергея заразительно заржал, чем несколько разрядил сложившуюся , мало приятную обстановку..

--Скажи , Сергей, только честно, ты сам – то хоть прочел Петину поэму?

--Вы, чо, с Тамаркой сговорились, что ли? Та надоедает, и ты, блин, туда же. Когда мне читать – то её было? Сейчас финальные матчи на земном шарике происходят. Весь

прогрессивный мир только этим событием и живет . Газеты надо читать , Люсенция! Смотреть в голубой ящик! Слушать последние известия! А вы о какой –то поэме мне талдычите!

--Люся, он свой «Спартак» больше меня любит. А на ночь по праздникам «Дядю Степу» читает, конечно, если хоть чуть - чуть трезвым спать ложится.

--Я , Тамар, между прочим, и «Зенит» больше тебя люблю. Там хоть поглядеть есть на что. А «Дядю Степу»- не трожь! Её написал великий писатель. Он два государственных гимна нашей страны накропал!

Телефонный звонок прервал любопытнейшую полемику «профессионалов» о значении того или иного произведения мировой литературы. Люся машинально взяла трубку и раздраженно спросила:

-- Вам кого, товарищ, великого поэта?

--Барышня, милочка, вы угадали. Мне бы к трубочке позвать Сергея Никандровича, если вас это не затруднит.

--Серёжа, тебя, какой –то старомодно- вежливый мужчина.

--Спроси, кто спрашивает. А если из очередной газеты или журнала--посылай подальше...Мол, нет его . Утоп в туалете. Или нет,- захлебнулся славой! Так точнее.

--Простите, он, оказывается, вышел. Что ему передать?

--Вышел... Передайте ему , пожалуйста, что звонил Толстой.

--Простите,... не поняла? Какой Толстой?

--Граф, Лев Николаевич Толстой.

Люся закашлялась и, поперхнувшись, ответила с хрипотцой , сдавив горло рукой:

--Минуточку, минуточку, простите Лев Николаевич , он только что вернулся...из туалета...

--Это серьезно... В моем возрасте хорошо функционирующий желудок , -это ежедневный праздник старика.

Люся зажала рукой микрофон телефона и прошипела Кадушкину:

--Это сам Толстой!.

--Какой Толстой?! «Война и мир» !?Лев Иванович?

--Идиот! Лев Николаевич! Дубина!..

--Что, обзывать сразу – то?! Ну, ошибся малость человек!...С кем не бывает! А то , -дубина...

--Кадушкин на проводе, Лев Николаевич.

--Здравствуйте, Сергей Никандрович, здравствуйте , батенька. Порадовали , старика, порадовали. А я уж совсем было собрался помирать, да нет, вижу рано.

--Так точно, рано, Лев Николаевич. Мы с вами еще не всю положенную нам водочку оприходовали , да и хорошенькие телочки на этом свете с формами не перевелись, как говорится...Ха-ха...

Насчет водочки- вы правы , милейший. Да и телочки в моём подворье тоже славненькие родятся. Я ведь , как вы наверное знаете, сельское хозяйство с малолетства уважаю и скот у себя племенной держу. Вологодский. Софи меня собственным маслицем и парным молочком потчует.

--А кто доит-то, сама?

--Шутник вы, однако, милейший. Шутник. Она у меня больше к плотницкому делу страсть имеет, -пилит меня тупой пилой с утра до вечера.

--Понимаю вас , Лев Николаевич, моя Тамарка не лучше.

--Что в субботу делаете, Сергей Никандрович?

--В субботу же «Арагат» с « Пахтакором» играют.

--Увлекаетесь. А чья музыка, либретто?

--Либретто? А причем здесь «Пахтакор»? Сразу видать, гражданин граф, что с футболом вы знакомы поменьше , чем с писаниной. Либретто же за «Турин» играет, правый полузащитник. Игрок , между прочим, дерьмо. Даже в моей заводской команде правый полузащитник ему сто очков вперед даст. Сто процентов!

--Сергей Никандрович, что- то вас плохо слышно стало. А то приезжайте , батенька, ко мне в субботу погостить? Познакомимся , поговорим. Я , ведь, батенька, в поклонники к вам записываюсь, так уж уважьте старика. А юмор у вас просто великолепный, я давно уже так не смеялся. Приезжайте.

--О чем разговор , граф, мы с Тамарой Васильевной , супружницей моей законной, с превеликим удовольствием . Я с

собой партвешка три семерочки пару бутылочек прихватчу для расслабона. Между прочим, классный клоподав. Дешевый, а забирает, гад, с трех стаканов, хотя градусов всего – то пятнадцать. Так сказать, алкогольный парадокс! Зря смеётесь, Лев Николаевич. Попробуете – оцените. Кстати ,вы бы дали адресочек. Тамарка ...Васильевна зафиксирует.

--Я, как всегда, безвылазно в Ясной Поляне живу.

--Понятно. Болдинская осень, как говорится.

--Моя – то уже прошла. Это у вас, батенька, если по «Скитальцам» судить, все впереди.

--Не переживайте, господин граф, Кадушкин не подведет. Талант , как говорится, за короткую жисть не пропьешь!

--Так я за вами часикам к двенадцати, если не возражаете, машину пришлю. Большой привет вашей супруге.

--И вашей бензопиле тоже.

--Софи, тебе большой привет от нашего замечательного поэта – юмориста!

Сергея повесил трубку, маханул стакан портвейна , хлопнул Тамарку по крепкому заду и выдохнул:

--Ну , старикан и хохмач. Коров сам доит. Ох, аж взмок. Тамарк, тебе от графа привет. В субботу к нему едем, и, между прочим, на халяву, на его машине. Вот так , Люсенька. Если бы я не уговорил Пифагорыча напечатать Петькины стихотворения в его журнале, графья бы по утрам не трезвонили и на дачу в деревню не приглашали бы, а гнили бы Петькины стишата в твоём шкафу. Так что скажи талантливому Сергею Кадушкину большое человеческое спасибо и не возникай по пустякам. Как у нас говорится: не псы, подруга , пробьемся! Фирштейн?

--Ох, что я одену – то? К Толстому едем, а надеть то на своё тело нечего. Тут , хочешь- не хочешь, а придется у Вальки шубейку перехватить... Не позорить же мне Серегу ...с Петькой?

--Вы не имеете права ездить к Толстому. Это нечестно! Вы не имеете права мистифицировать такого великого человека! Это уже не просто позор, это -преступление! Подлог! Вы аферисты!

И на это есть статья в уголовном кодексе! Боже мой, какой ужас! Какой ужас! Эх Петька , Петька, что же ты наделал! Глаза Люси, полные слез, горели негодованием. Щеки пылали. Кисти рук сжаты в кулачки. Серега, от греха подальше, вновь отгородился стулом. Тамарка демонстративно взялась за ручку сковороды с жареной картошкой , стоящую на столе.

--Люси! Ты бы заткнулась лучше. Не приведи Господь, доведешь меня до греха. Вон и Тамарка за сковороду ухватилась. Ты и её уже достала! Чо, считаешь, что лучше отказать старику , что –ли? Великий человек приглашает, а мы , значит, к нему задом?! Может еще и трусы спустить вместе с брючатами!? А статьей меня не пугай, я в этом вопросе попугай стреляный. Мне уже не раз грозились. И ,вообще, подруга, катилась бы ты из моей законной жилплощади , как говорится, по Большой Спасской! Фирштейн? И звони пореже.

--Психованная! Ей богу , психованная! Я ,Серега, так на неё обозлилась, чуть было сковородкой не огрела. Картошку пожалела, больно румяная и духовитая получилась. Нет , Серега , как ни говори , а базарное масло - это тебе не магазинное. У его и дух совсем другой! Подсолнуховый. А эта дура – то, погляди, как разревелась – то. Ну и пусть себе поревет , может поумнеет. А я так считаю ,Серенький, раз он тебе поэму эту отдал, значит и денежки твои.

--Нет , Тамарка, неудобно получается, все же он в этом деле тоже принимал участие.

--Какое участие? Какое участие? Ты же сам мне рассказывал, как тот писатель бомжом стал, никак свои рассказы пристроить не мог. А ты раз и на матрац! Это же какой труд затратить надо было. Написать стишки это и любой дурак сможет, особенно, если он в рифму слова складывать научился. Вон сколько их , этих поэтов ,наплодилось -то по белу свету! Только в одной России, поди, сотни две наберется, а то и поболее. А постреляли их сколько на дуэлях! Не зря же постреляли -то. Наверняка за дело! Я где – то прочитала, ...а,... вспомнила где, -в календаре настенном,... что одна даже руки на себя наложила. Повесилась, бедняжка! Так мне её жалко стало, я, аж, даже

разревелась.... А я лично так считаю: у нас в стране так просто людей стрелять не будут только за одно то , что они стихоплеты. Все же, как ни говори , а у нас демократия. У нас собак уличных и то отстреливать не разрешают. А стихи складывать дело нехитрое, я и то к восьмому марту в стенгазету стихи придумала!

--Будет врать – то. Я же сам видел , как ты их из какого –то календарика переписывала! .

--Ну и переписала... Ну и что с того? У меня просто времени не было самой рифмовать. Тоже мне трагедия. Зато мне за это день отгула дали и не за свой счет. Понял?

--Понял.

--Ну и хорошо. Значит денежки наши! Логика!

--Вообще – то, в твоих словах тоже есть сермяга... Заслуга моя в этом деле есть и немалая...

--А правда , Сереженька, она завсегда одна. Ну, куплю я, допустим , эту шубу у Вальки, а на ноги чево надену! Ведь в моих итальянских сапогах ,на каждый день, к графьям не поедешь. Это тебе каждый скажет. Евонная графиня Сонька вмиг раскусит, что мы с тобой нищие. Этот нюх у графьёв в крови заложен с самого ихнего дворянского рождения. Ох, сколько забот с этой поэмой навалилось, сколько забот. Хоть с работы уходи на свободные хлеба.

--Про между прочем , Тамар, мои предки тоже, скорее всего, дворянами были.

--Да ну!

--А вот тебе и да ну. При каком – то царе , не помню точно уже и при каком , в общем, в древности, мой пра- пра-пра-пра дедушка женился на царской горничной с фамилией Дворнягина. Поняла, Так что пусть эти графья не выезживаются своим происхождением. Мы Кадушкины-Дворнягины, тоже не лыком шиты!

Телефонный звонок прервал теплую семейную беседу. Тамара сняла трубку, и женский голос попросил к телефону Сергея Никандровича.

--Кто просит – то, спроси?

--А кто его спрашивает? –В голосе жены появились грозные нотки.

А-а,... сейчас он подойдет, девушка. Сергей Никандрович , вас хочет слышать глава администрации нашего с вами района.

-- Ну, что же, соединяйте...

--. Здравствуйте, Сергей Никандрович! Я вас там ни от чего такого творческого не оторвал? Сам в поэзии профан, но понимаю, что творческий процесс- дело тонкое..

--Да нет, не беспокойтесь. Слушаю вас.

--Мечтаю с вами лично познакомиться. Вы же гордость нашего города! Поэт такого масштаба... Дочка и жена мне о вас просто все уши прожужжали. Без ума мои девочки от вашей поэмы. Без ума!...Да что там моя семья, -вчера на утренней оперативке наша замечательная губернатор буквально учинила мне допрос: -что, чего? Не нужно ли вам чего от города, ну и, естественно, от нашего района! Признаюсь, я льщу себя надеждой, многоуважаемый Сергей Никандрович, что вы не случайно проживаете в нашем замечательном городе – герое и именно в нашем историческом районе...

--Конечно, не случайно.

--Что у вас в эту субботу?

--Суббота уже забита, дорогой товарищ... К графу с женой едем. Толстой пригласил. Так что извиняюсь .Просто будет неудобно перед стариком. Человек все же не рядовой, заслуженный.

--Глыба, Сергей Никандрович, Колоссальная глыба!

--Граф завтра в двенадцать машину за нами пришлет.

--Да что вы, что вы! Раз сам Лев Николаевич....Ну тогда...О чем разговор... Сам виноват, надо было раньше позвонить, да все дела,...дела,...текучка.... Да , собственно, мои вопросы можно пока и телефону решать. Чем город может быть вам полезен, наш уважаемый?...

--Не понял?

--Я спрашиваю: может вам чего нужно? Наша замечательная губернатор велела ни в чем не отказывать, ну, естественно, исходя из возможностей на уровне городского правительства.

--Да, вроде, пока что все путем.

Тамара Васильевна, тут наш главный начальник района интересуется, может нам чего нужно?

Тамарка жестом показала мужу, чтобы он прикрыл рукой микрофон.

--Конечно, нужно! Конечно, нужно!

--А что нужно-то конкретно?

--Да все нужно! Все! Ты что не понимаешь, что ли? Спроси, чего он может и пусть все дает!

--Сергей Никандрович, а как, кстати, у вас с жилищными условиями?

--Да, вроде нормально, -отдельная однокомнатная на нас с женой!

Тамарка замахала рукой, зашипела, и скорчив страшную гримасу, покрутила пальцем у виска.

--Проси трехкомнатную, дурень!

--Так вы что, наш дорогой, творите без кабинета? Это безобразие! Это никуда не годится! Это значит, что мои помощнички мух ловят! Извините, Сергей Никандрович, но за всем приходится смотреть самому!... Буквально за каждой мелочью!

--Да у нас, товарищ глава, и всё так. Как говорится, через одно место. Не буду отрывать ваше время и рассказывать через какое!

--Этот вопрос я с городом решу незамедлительно, а как вы посмотрите на такое предложение: у города есть хорошие дачные участки. Место сухое, высокое, и рядом прекрасное чистое большое озеро. Нет потребности?

--Потребность- то она всегда есть, ...да вот...

--О чем разговор, Петр Иванович, уж если мы такому великому поэту не создадим условия для его очередной «Болдинской осени», то куда мы годимся, и зачем наш народ нас на эти места выбирал и ставил! Правильно я ставлю вопрос, Сергей Никандрович?

--Считайте, что забили гол в правый верхний угол, как у нас говорится, товарищ глава!

--Все равно ...со временем все под музей отойдет государству кхе- кхе, простите уж за медвежью шутку....Короче, наш дорогой гениальный поэт, если что вдруг понадобится, почту за честь быть полезным.

--Вот так – то , Тамара Васильевна, талантливому гению город участок дачный предлагает у озера. Фирштейн?

--Взял?

--Взял.

--А деньги где на строительство возьмем?

--Обещал помочь под « Болдинскую осень»...

--А это что еще за осень такая?

--А черт её знает. Из школы еще в башку эти слова засели и вылетают когда надо и не надо. Правда, сейчас этот глава сам их сказал. Видать, у него они тоже со школы...

--Надо было у Люськи спросить. Она- то точно знает. Они с Петькой два сапога- пара, ученые...

--Не надо. Я у графа полюбопытствую. Так мол и так, ну, вроде бы в шутку...

--Ах, Серега, я вот все думаю , какой умница этот наш голова. Сразу понял, что такие талантливые люди, как ты , на дороге не валяются... Жаль, маловато мы у него попросили....

--Не псы! Придет время, еще не то попросим!...

Долгий, пронзительный звонок в дверь невольно заставил обоих вздрогнуть.

--Кого еще это черт к нам прислал? Ты кого - то ждёшь , Томка?

--Кого это я ещё могу ждать, интересно? Мы ни к кому не ходим. К нам тоже никто, кроме участкового , когда ты надрызгаешься в хлам , не заходит.

--А, может быть, это маманя твоя разлюбимая читать мне морали приперлась?

--Мамочку мою не трожь! Сколько раз тебе говорила. Пойди открой, да в глазок сначала погляди внимательно. Может к тебе пьянь какая за рублем притащилась....

Серега нехотя открыл дверь и впустил корреспондентку журнала . Небольшого росточка, блондинка ,с шикарным бюстом и ярко покрашенными пухлыми, явно накаченными

губами. Опытным глазом профессионального папарацци она окинула небогато и безвкусно обставленную комнату и находящихся в ней хозяев и энергично протянула ручку с длинными черными, наклеенными ногтями Сереге.

--Здравствуйте. Сотрудник «Голоса литературы» Евдокия Федоровна Мухина... Вижу, мое имя и фамилия вам ничего не говорят. Однако, я ни на секунду не сомневаюсь, что вы, Сергей Никандрович, с огромным удовольствием, я бы даже не постеснялась сказать -с наслаждением еженедельно читаете мои замечательные, высоко профессиональные поэтические обзоры! И несомненно с восторгом обмениваетесь мнением с вашей очаровательной супругой - Тамарой Васильевной. Не сомневаюсь, что я правильно назвала ваше имя и отчество, поскольку я тщательно готовилась к нашему свиданию. Так вот, мои дорогие, я подписываю свои замечательные обзоры литературным псевдонимом – Элеонора Ямб.

Я вижу, как сразу же осветились ваши лица и благодарю вас за теплое отношение ко мне и высокую оценку моих классических литературных обзоров.

--Ну как же, как же, Евдокия...Э- э?..

--Не затрудняйте себя лишними формальностями. Вы можете называть меня просто Дуней или даже Ньюшей, как называет меня моя любимая мамочка...Итак, прежде всего нам необходимо сделать несколько блестящих, я бы сказала, сочных, ярких, выпуклых фотографий, которые могли бы вызвать неподдельный восторг у читателей нашего журнала и поклонников вашего огромного таланта. Сделаем так: вы сидите за вашим рабочим станком, я имею ввиду, компьютером, на фоне вашей богатой и со вкусом подобранной библиотеки. На переднем плане крупным планом ваше интеллигентное, одухотворенное лицо гения, на фоне корешков изданий Ахматовой, Байрона, Шекспира, Гейне, Фета и Евтушенко, ну о Пушкине, Лермонтове и Крылове я уже и не говорю. И далее скромненький стройный ряд нескольких неярких томиков ваших сногшибательных творений. Не сомневаюсь, что

подобный расклад вам понравился! Не так ли, Сергей Никандрович.

--Видите ли ,Дунечка, у нас в квартире такая теснотища... К сожалению, правительство города только, только зашевелилось . И Сергей Никандрович просто физически не может здесь творить свои поэмы, поэтому кабинет мы сделали ему в квартире моей мамы.

--У тещи, у тещи творю! А что, как говорится, делать? Поэзия зовет мозг и душу. Как говорится « Болдинская осень» во мне наблюдается ежедневно.

--Да, да , Ньюшенька, тяга у Сергея Никандровича к перу и бумаге- ежедневная и непреодолимая. А у мамы и стол для творчества полированный, и книг целый миллион, и вставочка.

--Вы пишете вставочкой?!..Боже! Как это поэтично! Моя мамочка рассказывала мне , что в её годы в школе они писали пёрышками , которые обмакивали в чернильницы! Боже мой! Я же эти перья никогда не видела! А названия! Боже, какие это были поэтические названия: « Уточка !», «Восемьдесят шестое !», « Рондо!» Сегодня это звучит так же романтично , как гусиное перо! Вы мне обязательно их покажете! Да, но что же нам делать, однако? Я обязана сегодня принести снимки. А вот что- мы снимем со стола скатерку, ...а я буду снимать с уголка, тогда не будет понятно, что это обеденный стол. Однако, надо будет бросить на него несколько книг,...хотя бы несколько книг....

Тамара сбегала на кухню и принесла книгу о «Вкусной и здоровой пище» и отдала её журналистке.

--Пойдет, она солидно выглядит. А это что за томик, Тамарочка?

--«Триста полезных советов».

--Сгодится. А еще парочка штук найдется?

Серега встал на колени, пошарил рукой под кроватью и вытащил потрепанный детектив в тонкой обложке. Смахнул пыль рукавом и громко, с видимым удовольствием прочел название:

--«Ночной гость», читали? Классная книженция , забирает только так! Я лично три раза её прочел и Тамарка наверное столько же. Читали?

--« Ночной гость»...Что -то очень знакомое... Это случайно не Мережковский?

--Нет, по- моему, его иначе звали... Там про одного диверсанта. Он чего придумал , зараза: -привязал к ногам лосиные копыта! И что характерно , додумался же гад, привязать их задом наперед. Представляете? Это же придумать такое надо. Он идет вперед, а получается что назад...Вот в чем хитрость!

--Да, да! Я просмотрела её ...Феноменальная белиберда! Потрясающая! По –моему, этот автор –законченный дебил!

--Белиберда, белиберда! Мне просто было интересно, до чего же этот дебил –писака додумался... Очень интересно! Но с другой стороны голова отходит от работы...Просветляется.

--Я с вами полностью согласна: для отдыха лучше этой белиберды нет ничего.

--Нет , точно , точно. Ничего лучше нет. Разве, что футбол.

--Вы любите футбол?

--Как вам сказать?... Исключительно ради головного отдыха, конечно. Вон наш президент тоже хорошие матчи не пропускает.

--Да , Сергей Никанрович, Хемингуэй любил бокс. Ельцын -теннис. Спорт- это замечательная разрядка и для гениев тоже. Это я обязательно включу в свой обзор! Ну, а теперь садитесь за стол, возьмите авторучку и сделайте вид, что напряженно работаете.

Тамара подошла к мужу и зашептала на ухо:

--Лоб наморщи, приподними уши и высунь язык.

--Зачем?

--А я в одном журнале видала фотографию одного великого ученого, он, говорят, атомную бомбу придумал. У его еще фамилия такая еврейская: то ли Эпштейн, то ли...ну ,... в общем,... какой – то там Рабинович. Так у него на этой фотке вот такое же выражение.

Чем дальше я с тобой живу, тем больше убеждаюсь –какая же ты все таки у меня дурища, Тамарка. Может ты мне еще присоветуешь к высунутому языку фигу показать или еще чего позаманчивее...

Сергея сел в позу мыслителя, подпер подбородок рукой и попытался о чем –нибудь глубоко задуматься. Однако мысли, которые лезли в башку, были настолько несерьезны, что нужного выражения на лице не получалось. Вначале он подумал о том, что тапки, которые на нём, давно прохудились, из них торчат его грязные пятки и пальцы. Потом вспомнил, что уже прошла неделя с тех пор как ему надо было отдать должок за пиво продавщице в местном шалманчике. Дальше, почему – то, вылезли порно-фотки грудастых шалав в непристойных позах, в паре с каченными лохами из каких-то журналов. Однако,

Дуня резво нащелкала целую пленку и, вроде бы, осталась довольна результатом. Она нагло поставила свой стул почти вплоты к коленкам Сергея и, вынув из огромной сумки блокнот и авторучку попросила его ответить на несколько, якобы простеньких, но очень важных для читателей её журнала традиционных вопросов. Тамарка демонстративно отодвинула Ньюшкин стул и нетерпящим возражения тоном продекларировала:

Сергей Никандрович очень переутомились сегодня пища новую очень трудную поэму. У них буквально во рту не ворочается язык.

--День, Дуня, выдался очень занятый. Навалилось всего до чертовой бабушки. И Толстой и эта дурища Люська... Заколебали мужика...

-- Сергей Никандрович, делайте со мной что хотите. Хоть режьте, хоть убейте, но если я сегодня вернусь в редакцию без интервью, главный меня завтра же уволит. Так что буквально несколько фраз: Мне думается, Сергей Никандрович, что ваши «Скитальцы»- это не просто творческий акт, это нечто значительно большее! Это некий выплеск гениального подсознания! Если хотите, то, пожалуй, я могу сравнить это

разве что только с победой Петра под Полтавой: « И залпы тысячи орудий слились в протяжный вой»!И не возражайте мне, это оттуда! Вы согласны со мной, Тамарочка? Простите , что я так запросто вас по имени. Но так хочется быть ближе к боевой подруге настоящего современного гения. Надеюсь, вы меня поймете и не осудите.

--Да нет, что вы , что вы , Дуняша.

Тамара растаяла.

--Сергей Никандрович! Скажите, я не ошибусь если напишу в своём репортаже, что « Скитальцы» это ваш категорический императив! Я не ошибаюсь!?

--Ну , в общем - то, конечно. Э- э...

--Вижу, вижу, тут я попала в точку.

--Как говорится, в девятку с отскоком от верхней штанги...

Сергея засопел, нервно почесал одной ногой другую , стащил со ступни замурзанный тапок и натянул выдавший виды дырявый носок на вылезший из дырки большой палец. Сделал несколько глотков из услужливо поставленной Тамаркой на стол бутылки холодного пива.

--Истинный творец, мои дорогие,--продолжила Дуня,-как это ни парадоксально, носит в своей душе образ Творца! Каждый своего, но Бога! Творчество- это ни что иное , как самосожжение! А истинный творец не может не сжигать себя ради блага человечества ! Я права?

--Вопрос! Сжигаю себя как свечку, причем ежедневно и ежечасно!

Сергея потянул носом .—Тамарк, у тебя, кажется, на кухне что – то горит....

--Это с площадки тянет, Сергей Никандрович. Это у Барановских вечно что –то кашерное, как они называют свою еду, горит.

--Ваши ближайшие творческие планы, Сергей Никандрович?

--Этого , Дунечка, даже и не спрашивайте. Этого он вам все равно не скажет. Этого не знаю даже я, его бессмертная и бескорыстная подруга и помощница, а не то что открыться прессе! Не поверите , Дунечка, но иногда я даже не

догадываюсь, что он там в этих своих поэмах вытворяет. Откуда он берет эти гениальные, как вы их называете, Ньюшенька, рифмы. Не- до- га -ды-ва-юсь!

--Да, Тамара Васильевна, большинство поэтов очень суеверны....Сергей Никандрович, простите за надоевший вам до чертиков вопрос о связи формы с содержанием. Каким образом вы добиваетесь такой органичности их слияния? Лично для меня, а уж я, поверьте, не одну собаченцию съела в этом вопросе, -это неразрешимая загадка! Невольно возникает ощущение, что о форме вы даже не думаете, она у вас возникает спонтанно, совершенно непроизвольно! Фантастика! Мне понятно, что весь ваш образный ряд является следствием идеи, самой идеи произведения, но каким образом вам удастся достичь этого в поэме такой потрясающей простоты!?

--Дуняша, вы попали в самую больную мою точку. Я как попугай, как тропическая обезьяна бесконечно твержу мужу: Сережа, не думай о форме! Не думай о форме! Куда она к черту денется! Думай только о содержании!

--Это правда, достает, да еще как. Вот они и сливаются. Это ведь все равно как мешать водку с пивом. Казалось бы, в одну кружку с пивом, причем любой формы, хоть в банку, добавляешь сто грамм любой водяры, ну буквально сто грамм, не больше,- результат поразительный,- казалось бы жидкости по цвету разные, а все вместе сливается воедино! На цвет и не отличишь, а забирает – только так!..А главное, пены нету!

--Это он так шутит, Дунечка,

--Да, чувство юмора у Сергея Никандровича невероятное. И что главное -естественность, поразительная простота и узнаваемость простонародной речи! Бажов! Просто второй Бажов! Интересно! Безумно интересно! И, наконец, последний вопрос: кого вы считаете своим главным учителем?

--Кхм- кхм...Гомера!

Тамара со стоном опустилась на кушетку и взялась руками за голову. Она с ужасом представила себе реакцию журналистки и лихорадочно соображала, как выворачиваться из этой, несомненно тупиковой, ситуации. Она судорожно пыталась

вспомнить кого-нибудь из известных поэтов, но кроме Пушкина, Лермонтова и Баркова, ни одной фамилии вспомнить не могла. Сборник стихов Баркова, разрисованный непотребными картинками неизвестного художника, она нашла на гвозде в заводском туалете и, не читая, принесла в кладовую, чтобы заворачивать в его страницы замасленные сверла и фрезы.

--Точно!—Завопила Нюшка. --Точно! Как это я раньше – то не подумала!? Ваша напевность, эпичность- это же все от Гомера. Должна, мои дорогие, сказать откровенно, я давно уже не получала такого удовольствия от общения с большим поэтом! Глубоко вам признательна.

--Знаете, Дуняшенька, лично я часто находила в произведениях у Сергея Никандровича эдакие рифмы, которые напоминали мне стихи Баркова.

--И вы тоже совершенно правы, Тамара Васильевна. Ведь если отбросить некоторые вольности в сюжетах его поэм, размеры его стихов очень близки к размерам ранних произведений Александра Сергеевича и Михаила Юрьевича. Хотя вольности в содержании ранних опусов этих гениев также недалеко ушли от его всемирно известной притчи о Луке....

--Дунечка несколько фамильярно приложилась к щечке Тамары и, сделав легкий книксен Кадушкину, упорхнула, что – то весело мурлыча себе под носик. Тамарка облегченно и глубоко вздохнула, подошла к буфету, налила себе полстакана коньяку и махом проглотила его. Серега последовал её заразительному примеру и, не закусывая, прикончил остаток в бутылке.

--Том, а по -моему я четко провел эту интервьюшку. В центр ворот со штрафной линии?! А? Ты как считаешь?

--Господи! У меня во внутренях просто все надорвалось, когда ты про своего Гомера брякнул! Это откудава он тебе в башку твою глупую забрёл?

--Ты чо? Забыла, что ли? Мы же еще в школе по физике проходили законы Гомера!?.-Каждо тело, вперто в воду, не теряет веса сроду, оно прет из –под воды с весом выпертой

воды. Я эти стихи до смерти помнить буду. Так почему этот Гомер не может быть моим учителем?

--Ну хорошо , хоть удачно попал....

--Не пссы, подруга. Тоже кое -что в науке соображаем... Не лохи с вокзала...

Звонок в дверь прервал беседу. Тамара открыла дверь и пустила почтальона с большим пактом.

--Кто здесь Кадушкин будет?

--Не Кадушкин , а известный поэт Кадушкин . И ударять в этом слове надо на первый слог с буквой « А»!

--А по мне- то, хоть дерьмовоз Канистров будет....

Я вам два пакета принес , а вы расписывайтесь и будьте здоровы.

--А что в пакете –то? Не знаете? А то в прошлый раз притаранили повестку , так я потом жену валерьянкой отпаивал.

--А по мне дак - хоть нашатырным спиртом пополам с мочой отпаивайте. Мне расписались и привет.

--Ой, Сережа, что за времена , что за нравы нонче ! Обхамели люди ! Ну, прямо тебе, никакой культуры обслуживания населения нет. Ну, просто обормоты какие – то стали, а не люди. Казалось бы, пришел в интеллигентный дом,- улыбнись. Скажи- здрасте вам. И вежливо попроси расписаться в квитанции. Так нет же , надо прийти, обследить намытый женщиной пол грязными подошвами , пообскарблять творческую личность и отвалить себе с чувством выполненного долга. И куда только смотрит наше правительство?! Куда? Умом не пойму!?! Ну, давай распечатывай! Не томи душу.

Кадушкин неумело растерзал конверт и прочел текст.

Ну, что, что там?

--Ну и дела, Тамара Васильевна! Ну и дела! Вытаскивай из холодильника бутыленцию и ставь изячные стаканы на стол! Твой муж коллегией Французской Академии Искусств единогласно избран в действительные члены этой самой Академии! То есть я теперь не какой –то там Кадушкин -член собачий , а самый что ни на есть натуральный французский

член академии ! Фирштейн, мадам? И надо нам с тобой срочно вылетать самолетом в город Париж для вручения мне диплома, мантии и конфедератки.

--Ой, Сережа! Я, кажись, счас окачурюсь. Ей богу , окачурюсь. Это же надо- нашей семье такая честь! Такая честь! Вот только одно меня пугает, товарищ академик ! Пугает и тревожит. Я же просто не представляю, что сейчас в этом Париже культурные дамы носят? Просто не представляю!

--Ну это ерунда. Париж -он же город разврата. Это всем известно. Там сейчас в моде кривые тонкие длинные ноги и юбчонки по самые не балуй! Я сам лично на прошлой неделе по первому каналу этих французских телок видел. Они там на каком -то конкурсе выеживались. По очереди на таком высоком настиле задницами вертели. Зрелище, скажу я тебе честно, припахабнейшее, но забирает массовостью показанных тел. И что еще характерно,- титечек нет ни у одной! Селёдки, а не телки! Взяться буквально не за что! То есть, не телосложение, а сплошное теловычитание. Ты со своим полным пятым была бы вне конкурса! Гадом буду! Там бы все мужики в зале полегли ! Сергей изувечил второй конверт , прочел текст письма и, вытерев пот со лба , присел на стул. Тамара испуганно поглядела на мужа и, тяжело вздохнув, обреченно опустилась на кушетку.

--Что, Сереженька, попались?...-Жалобно пискнула она.

--Не то чтобы попались, но , кажись, на этот раз серьезно вляпались!... Тут все по иностранному написано, но перевод есть. Значит так , подруга дней моих суровых:- Английское Королевское Общество... Вот сейчас держись...Изячной Словесности!...Имеет честь и удовольствие ! Повторяю -удовольствие! Избрать вас , уважаемый господин Кадушкин С. Н., почетным доктором Общества! Ну как ? Вас в туалет не потянуло, -госпожа докторша Изячной Словесности? А то я потерплю чуток! Фу, аж весь в пот пошел от этой Словесности.... Придумают же такое , сукины дети! Ну , а дальше опять вручение диплома, мантия- шмантия и прочая,

прочая, прочая с конфедераткой! Кстати , Том, ты случаем не в курсе, что это за штука—кон-пи-дер-атка, и с чем её хавают?

--Ой, Сергей Никандрович! Я, между прочем, тоже даже вся вспотела от вашего удивительного невежества! Конфедератка, это такая маленькая шапчоночка, которую надевают на голову великим ученым, в основном не нашей с тобой нации , и ещё итальянским попам, чтобы прикрывать лысину от солнца. Помнишь, в кино про трех мушкетеров, там её этот кардинал , ... забыла как его звать, ... носил? ..

--Но у меня же лысины еще нету?

--Сейчас нету, а потом может образоваться. Ученые и всякие там поэты , писатели – эти почти обязательно лысиной покрываются. У них ,наверное, мозги сильно вырастают в объеме и из черепной коробки выталкивают волосья.

--Ну , во- первых, Том, мне увеличение мозгов не грозит, пока. Вроде, как бы не с чего... Ну , а уж если такая беда и придет, я себе кожаный кепарунчик как у Лужкова куплю. Все же по-приличнее .....

--Сережа, а за эти все финтифлюшки деньги платют? А то к королеве английской поедем, а мне и надеть- то на себя будет нечего. В моем гардеробе ничего такого изячного, отродясь, не водилось. Вот тебе и теорема Архимеда. К королеве – то в моём полуперденчике не поедешь. Старушенция может эту французскую моду не понять. С подпертыми грудями, я думаю, можно. Когда сиськи сильно видны , это у них декальтом называется. А вот так чтобы трусы из -под юбчонки вылезали, так это она точно не оценит. У них в моде платья такой длины, что по асфальту волочатся. У них поэтому и тротуары всегда чистые. Они их шампуньем для головы моют. А когда ходят-платьями пыль собирают.

Господи это же каждый день надо будет трусы менять! Со стиркой замучаешься.

--Не псы, Томик, я тебе стиральную машину куплю. Вот за это интервью с Дашкой бабки получу и сразу купим.

--Серега, а за эти королевские звания деньги заплатят?

--Не знаю , Том, тут не написано. Может, вообще один почет...

--Безобразия! Это же какое безобразия! Человек тратит свой необыкновенный талант, а ему за это фигу с машинным маслом!... Какое же у этих французов и англичан творится безобразия! И куда только ихние королевы смотрят?! Куда!?

--У них там все парламент решает! Дума по – нашему! Я по телеку видел.

--Ты прости меня , Сережа, но в нашей Думе Жириновский никогда такого беспредельного безобразия бы не допустил! Никогда! Я вот о чем думаю:- на ихний почет дачу не купишь, а дареный нам участок долго ждать не будет. Сейчас бы самое время укропчик посеять, редисочку под пленкой посадить. А то плати потом все втридорога на рынке.... Но все равно это хорошо , что тебя в академики назначили. Хорошо. Академики за излишки площади не плотют. Я где –то слыхала. А квартиру надо брать у них большую, -по твоему таланту! Ты эти заграничные телеграммы- то сохрани. Када они еще дипломы твои пришлют, а мы уже с сегодняшнего числа имеем право не платить.

Телефонный звонок прервал маршальские планы Тамарки.

--Тома, это я, Валька. Сейчас про какого -то Кадушкина по радио передавали. Мол, уж такой поэт! Такой поэт! Ну прямо какой – то Пушкин с Лермонтовым перемешанный . Тут я про тебя и вспомнила. Шубу –то будешь брать? А то, гляди , её в моем шкафе моль сожрет.

--Между прочем, Валентина, этот Кадушкин , академик Кадушкин, мой законный муж! Вот тебе и- ох, Валентина. И я тебе не Томка, а Тамара Васильевна... А ты про какую шубу – то талдычишь? Про ту, что в туалете мерили? Так она же вся из себя насквозь облезлая...

--Облезлая?! Ну , Томка ,... Тамара Васильевна, вы уже , извиняюсь, обнаглели вообще! Шуба - то практически не ношена!- Голос Вальки дрожал от негодования.

--А теоретически? Мне же в ней не в трамвае с тобой толкаться, а в машине, заграничном марсидесе ездить. Вон завтра к Толстому , графу, ехать, не оденешь же на себя чего попало, да еще и облезлое. А про королеву французскую я вообще не

говору. Она от такой стыдухи может с нашим посольством всяческие дипломатические отношения разорвать. Или сравниют по бедности нашу страну с каким –нибудь негритянским Парагваем и нет никакого уважения к нашим атомным ракетам.

Разговор с подружкой по работе Валькой прервал голос телефонистки междугородней телефонной связи.

Алло ? Это квартира Кадушкина? Нью- Орлеан на проводе. Господина Кадушкина просит господин Лонгфелло.

--Алло! Алло! Девушка! А это страна – то какая?

--С утра Америкой называлась. Сейчас , по- моему , так же.

--Сергей Никандрович, вас какой – то американский господин просит.

--А зовут- то его как по фамилии, сказали?

--А черт его знает. Телефонистка попалась,- сучка еще та! Хамло деревенское. Не знает толком, где американский город Орлеан находится! И как только таких держат! Безобразие!

--Так фамилию этого американца сказала или нет?

--Что –то вроде Лонгвелло или Ланфелло. В общем, я толком не поняла. На трубку, спроси сам...

--Алло. Поэт Кадушкин на проводе.

--Господин Кадушкин, вас Беспокоит Лонгфелло.

--Какой Лонгфелло.

--Да я , вроде бы, из поэтов один такой. Во всяком случае в Америке уж точно. «Песню о Гайовате» вы, наверняка, слышали?

--А черт его знает, товарищ Лонфелло, может и слышал. Но сейчас столько разных песен по радио и телеку гоняют, что в голове все перепуталось. Я уже Крутого от Чайковского перестал отличать. Ей богу!

--У нас тоже самое. Но не в этом дело. «Издательство Браун энд Вайт» очень заинтересовалось вашей замечательной поэмой и предложило мне перевести « Скитальцев» на язык наше страны...

--Томка, он хочет перевести мою поэму на американский....

--Спроси сколько заплатят! И переведи телефон на громкую связь. Я тоже хочу послушать.

--Товарищ Лонгфелло, не знаю как вас по имени, а сколько денег они отвалит. В «зеленых» ,конечно, имею в виду, в долларах , значит.

--А у нас ,господин Кадушкин, другая валюта и не в ходу. Мне нравится ваш деловой подход и хватка. А ещё говорят, что русские -непрактичные люди. Буду требовать миллион.

--Согласен!

--Миллион автору и миллион переводчику? Как вы думаете -не маловато?

Тамарка , аж подпрыгнув на месте, смачно поцеловала Серегу в макушку и прошипела в ухо:

--По- тор- гуй –ся.... Слышишь , что тебе говорю! Ишь ты, какой хитрый нашелся. Перевести - то -это и каждый дурак переведет, а ты пойдя, сядь да напиши так гениально как ты!

--Согласен, согласен, господин товарищ Лонгфелло! Считаю, что это по -братски. Помните песню:- « Русский с китайцем братья навек»! Вот так и у нас должно быть. Матч , как у нас говорится, делает вся команда. Фирштейн?

--О кей! Мечтаю с вами лично познакомиться... Да, чуть не забыл !Вам же сегодня у нас в Америке присудили премию имени Байрона! Это большая честь! Поздравляю вас!

--Я сегодня утром новости не слушал. «Модный приговор» с Тамаркой, женой моей законной, смотрели. Там такие крутые телочки попадают, ...что ты...

Тамарка наклонилась к телефону и прокричала:

--Гражданин переводчик, а вы случаем не в курсе сколько за этого самого Байрона денег дают?

--Не скажу точно, но знаю , что деньги там солидные, как, впрочем, и сама премия. Так что на выпивку хватит! А так как я первый вестник , то, как говорят у вас в России,- с вас, коллега ,причитается!

Вопрос, коллега! Конечно, по такому случаю поддадим как следует!

--Вот, вот! У тебя одно на уме. А со всеми пить – сопьешься-прошипела Тамарка.

--Ваша супруга что-то хотела мне сказать? Я, простите, не расслышал?

--Хотела поблагодарить вас. Говорит, вы классный мужик.

--Да, пока что по этой части никто из моих дам-с не жаловался. Шучу. Рад был познакомиться с вами обоими. Гуд бай, коллега!

--Кхм... Гитлер капут, мистер Лонгфело! Берите вставочку в руки и, как говорится, хенде хох и дринкен милк!

--Х-хо, да вы шутник покруче меня! Привет вашей очаровательной супруге!

--И вашей тоже....

Сергея положил трубку, молча налил пол стакана водки и, крякнув, выпил не закусывая.

--Вот так – то, Томочка! Видать по всему, неплохого муженька ты себе нашла, подруга жизни! С талантом, как у нас в народе говорится, не пропадешь!

--Сергея, а как это он по телефону узнал, что я очаровательная?

--Ну, это просто! Это как два пальца обсосать. Знаменитые и талантливые мужики на дерьме не женятся. К примеру, возьми этого английского принца. С внешнего вида- глист глистом обыкновенный. Один мундир - и все тебе. – А какую козу себе оторвал? Пальчики оближешь. И правильно она сделала, что послала его. Жаль её, конечно... Но козочка была очень даже очаровательная. Очень!

Выпить не хочешь? А то давай вместе за талант.

Тамарка налила себе в стакан, достала колбасу из холодильника и, чокнувшись с Сергеем, очень торжественно с пафосом произнесла тост:

Да-а, Сереженька, как жисть – то наша вся перевернулась. Это ведь сказать кому, хоть той же дуре и спекулянтке Вальке – не поверят. Сейчас для нас главная задача -это своё не упустить. Ты ведь вряд ли еще напишешь что-нибудь подобное... За которое такие деньги платить будут...

--Хо-хо! -Сергея махом опрокинул еще пол-стакана.

--Вот именно. А это, значит, что честно заработанные таким трудом деньги нужно очень правильно разместить. Черный день настанет, -а у нас запас! Сервизы хорошие- то всегда в цене. Машину надо купить подороже .

--Машина изъездится.

--Да уж не ездить, конечно. Поставить её в купленный гараж и пусть стоит и дожидается своего часа.

--Сгниет.

--У меня не сгниет, я её подмазывать регулярно буду. И пыль с кузова сдувать.... пылесосом. Ковры дорогие таджикские. Они всегда в цене. Свернем. Отраву для моли насыплем. В целлофан и под тахту. Умные люди говорят, сейчас старинные книги в цене. В новой квартире купим полки со стеклами и поставим. Дуньку позовем , пусть посмотрит , дурища, какие дорогие библиотеки у знаменитых поэтов имеются!

--Тут ведь надо знать какие покупать. Не «Дядю Степу» же ?

--А ты как среди всяких писателей начнешь вертеться, вот и узнавай. К Толстому поедим, посмотрим, что у него на полках -то стоит. Евонная Софья , я слыхала, баба не дура! Ей палец в рот не клади. Она при жизни с ним всего чего надо накопила. Одна только дачка будь здоров сколько стоит. Не хуже чем у наших новых русских. Мильёны!

--Вот еще что надо закупить, так это коллекцию коньяков. Они чем дольше стоят , тем в цене только повышаются. Один год-одна звёздочка.

--Вот , вот! Звездочет ты мой! Тебе только этих бутылков и не хватает. Каждый день по звездочке ,и через год я тебя на кладбище с венками повезу.

--Тамарка, а может яхту купим , как у Абрамовича? И хорошую футбольную команду прикупим! Вот это будет настоящее вложение.

Сережа, умница моя! В этого Рабиновича сам первый президент России своим тяжким трудом добытые у народа деньги вложил . Понял? Он там в яхтах и футболистах этого Рабиновича половину денег страны запрятал. Считаю, второй резервный фонд. А ты, радость моя, покаместь и до нынешнего президента

еще не добрался. Так что повремени чуток. Мама у меня хорошо в вещах разбирается, надо с ней посоветоваться. Кстати, ей бы телефончик нормальный в квартире поставить. А то по мобилке звонить, -дорого получается. А если заявление писать, полгода пройдет, не меньше.

--Надо , конечно, надо.

--Ты трубочку -то то сними да позвони главному телефонному начальнику. Ты же теперь у нас -ого-го!

--Пошлет.

--А ты попробуй. К «пошлет» нам – то не привыкать. А попытка – не пытка. Давай сначала я.

Тамарка полистала телефонную книгу и набрала номер.

Алло. Девушка. С вами говорит личный секретарь знаменитого поэта Кадушкина Сергея Никандровича. Соедините нас, пожалуйста, с вашим шефом. Спасибо, милая. Сережа бери трубку.

--Здравствуйте, многоуважаемый товарищ Кадушкин.

--Я ,вообще –то, не Кадушкин , извиняюсь, а Кадушкин, товарищ директор.

--Простите меня ради бога, э-э-э....

--Сергей Никандрович я по паспорту.

--Простите , Сергей Никандрович. Я лично ваших замечательных стихов к своему стыду еще прочесть не успел, но жена, знаете –ли, от них в восторге.

--Это по современному называется-торчит...

--Вот, вот, мой отпрыск именно так и сказал бы , если бы он и его друзья увлекались поэзией. Ведь книжек не читают вообще. Только телевизор, будь он неладен.

--Да я, если уж по -честному, стихи тоже не читаю. Не люблю я это. Скуку нагоняют. Правда под них засыпать хорошо. Воют себе что – то монотонно, воют...

--А вы оказывается еще и юморист , Сергей Никандрович! Юморист! Вы еще скажите, что сотворяете ваши шедевры мирового класса исключительно ради денег, а не повелению сердца.

--Попали в правый верхний угол ворот,- терпеть не могу рифмы. Строчу исключительно ради славы и бабок.
Ну вы и юморист! Ну, просто Райкин! Чем могу быть полезен гордости нашей литературы?

--Мать моей жены , короче, тещенька, живет ,слава богу, отдельно от нас.

--И, естественно , без телефончика.

--Угадали.

--Адресок скажите ,и мы вам это быстренько организуем. У меня, в свою очередь ,будет и к вам большая просьба: я подошлю к вам курьера с журнальчиком , не сочтите за труд, чиркните жене автограф. Она у меня Мария Ивановна..

--Не расслышал, чо ей чиркнуть? Томка, автограф просит чиркнуть, ...а я...из башки вылетело ...это чо?

--Да это же просто надо расписаться, дуралей!

--О чем речь! Пусть тащит скорее!

--Огромное вам спасибо, Сергей Никандрович, за оказанную честь! Всем друзьям теперь буду рассказывать ваши чудесные шутки! А за тещеньку не беспокойтесь! Сделаем в лучшем виде!

--Вот так- то, Тamarочка! За честь почел твою мамашу осчастливить....Будь она....здорова и счастлива ....блин...

--Ты знаешь , нашему директору уже полгода тянут эту резину. А мы, мамулечке- за одну минуту... Нет, Сереженька, в тебе все же что- то есть...

Через три часа раздался звонок и взволнованный голос мамыши сообщил Тамаре , что два часа назад пришли два молодца и установили ей красивый телефонный аппарат. Денег ни за что взять не хотели. Сказали, что не велено высоким начальством. Я уж им бумажку и так, и эдак совала- ни за что! Ну прямо чудеса какие –то... Правда, когда мыли руки в ванной, увидали на полочке и попросили подарить им для «сугрева» флакон с тройным одеколоном и жидкость от пота ног на спирту, которая была приготовлена для жековского водопроводчика, на дворе -то зима! Так что скажи спасибо ироду твоему.

--Его нету дома , мамуля. Сегодня он на банкете в поэтическом доме премию Некрасова обмывает. А я и не пошла. Надоело. Только и называются , что поэты, а на поверку с ними и поговорить-то не о чем. Слова по- простому не скажут. Все у их какие – то там –ямбы, слоганы, размеры.... По- моему ,они и сами толком не понимают о чем говорят... Да и нищие все. Халявщики. На банкет свою бутылку никогда не принесут, а уж если шкалик притащат, сами под столом и вылакают. В драных носках многие ходят! Одно слово- срамота, а не настоящие поэты как наш! Что ты сказала , мамуля, не поняла: -Нет мамочка, про Муму не Некрасов написал. Точно уже и не помню, но это чуть ли не сам Шекспир...Это же классика , мамочка! Это тот самый, мама, который каменным памятником стоит на нашем бульваре, как раз напротив Большого Театра. Помнишь? Ну, еще ему на шевелюру вороны садятся и голуби обгаживают. Что , мамочка? Ах , почему у него на руках нет собачки? Так её же Герасим в пруду утопил. Ты что забыла , что ли?

Ой мамуля, извини, звонят в дверь. Серега ,видать с банкету явился, не простудился....моё сокровище...

В дверь с трудом протиснулся милиционер с повисшим на руках Кадушкиным, в нижней казенного образца рубашке и белых кальсонах со штрипками . На тело сверху была наброшена дорогая дубленка, а на большом пальце правой босой ноги болтался привязанный веревочкой деревянный номерок, на левую был надет незашнурованный ботинок. Милиционер бережно уложил бездыханное тело на кушетку и, встав на колени, отвязал номерок. Тамара достала полотенце и протянула его милиционеру.

--Ботинок – то снимите с ноги, покрывало замараете, только вчера забрала из чистки. И полотенцем голову замотайте, пока блевать не начал , паразит...Где вы его на этот раз подобрали?

--Виноват, Тамара Васильевна, не уследил Сергея Никандровича, не уследил. Сильно виноват. Вы бы меня хоть предупредили, чтоб его на выходе взять, да домой доставить. А у нас сейчас после борьбы с коррупцией все новенькие пришли,

некультурные товарищи , все больше из провинции. Хорошим стихам не обучены. Вот вам и результат на лицо. Им что? Видят, лежит человек интеллигентного вида. Нет чтобы в карман залезть и проверить документы, так ну его в воронку и соответственно в районный вытрезвитель! А там его малообразованные в высокой поэзии сотрудники тоже не опознали. Ведь до чего ,как говорится, к нам серые как портянки необразованные кадры пришли -документы прочли, а такая известная фамилия их и не зацепила! Одно слово:- на лицо полное отсутствие литературной культуры! Ужас, Тамара Васильевна! Сплошной ужас! И больше ничего! Так что когда я услышал, да подоспел, его уже в холодном душе обмыли и номерок к ноге привязали!... Такой срам! Такой срам! Поэту нашему великому, гордости нашей, отраде, можно сказать, души,- номерок к ноге привязывать!.. Господи, какой же это позор на всё наше отделение! А ведь у нашего старшины, когда он на дежурстве, завсегда поэма Сергея Никандрыча во внутреннем кармане шинели, у самого , можно сказать, сердца обязательно присутствует. Он её каждый раз после сложного задержания преступников вынимает и читает нам вслух для реабилитации нервной системы!

--И что , действительно помогает?

--И еще как помогает, Тамара Васильевна! Правда, у каждого это по-разному проявляется: кто курит, кто засыпает сразу, кто начисто ненормативную лексику забывает на пару часов, а у меня ,лично, извиняюсь, желудок срывает, причем моментально. Эмоции, Тамара Александровна ,выдавливают адреналин в кровеносную систему организма и кишечник. Это точно так же как и у медведей. Недаром же так и болезнь называется. Правда у медведей это происходит и без стихов.

--Спасибо , Степаныч, за доставку, и прошу тебя -чтобы никому... Понимаете?

--Обижаете , Тамара Васильевна. Круто обижаете, Неужто мы без понятия? Что мы, не понимаем , что у них, у поэтов , голова с уклоном. И эта разгрузочка им даже очень полезна, и даже необходима для ихнего поэтического здоровья. Это же всё

ему самому такое придумать нужно! Как после такого страшного напряжения голову -то спиртным не промыть? Еще , слава богу, здоровьем не обидели нашего Сергея Никандровича... Честь имею, Тамара Васильевна. Храните наше народное достояние планеты. Как проснутся, так уж извинитесь за меня. Так , мол, и так ,не уследил ,мол ,Степаныч...

-- Ступай , Степаныч, ступай, а вон опять телефон трезвонит. Что тут поделаешь ,нужен Сереженька людям, нужен.

Так незаметно прошел почти год . Серега за это время пообтерся в писательской среде и почти адаптировался в этом непростом сообществе милейших другоненавистников. Да и Тамарка тоже поднабралась светской наглости, и чувствовала себя уж если и не генеральшей , то уж полковничехой , наверняка, и в полной мере.Как – то утром её утром поднял с постели телефонный звонок.

--Здравствуйте , Тамара Васильевна, это Яснопольский опять вас беспокоит. Главный редактор издательства «Земля». Простите что, может быть , рановато, но дело достаточно серьезное. Не знаете , Сергей Никандрович не подписал ли наш договорчик на отдельное издание поэмы?

--Не могу сказать вам точно, но, по- моему, у него по этому договору были большие сомнения.... Я вам сейчас его самого позову...Сергей Никандрович вас просит Яснопольский из «Земли».

--Здравствуйте , Никита Анисимович. Вы чай не с кладбища мне по мобилке звоните?

--Простите не понял, Сергей Никандрович?

--А здесь и понимать- то нечего. Вы же у нас в литературной поэзии главный закапыватель талантов. Так сказать, главный гробовщик или ,если вам больше понравится, -владелец поэтического крематория.

--Ну, это вы уже слишком строго ко мне подходите ,Сергей Никандрович. За что такая немилость?

--А я к вам и не подхожу, я за километр обхожу вашу редакцию. Вы , очевидно, считаете, что большой талант может прожить

на ту мелочь, которую вы ему небрежно бросаете от своих щедрот, не правда ли?

--В чем дело, многоуважаемый ,Сергей Никандрович? Чем же я так перед вами провинился? Эдак вы меня заикой сделаете?

--Помнится мне, Михаилу Юрьевичу за его поэмку « Мцыри», которая по страницам вдвое короче моей , вы заплатили в два раза больше.

Тамарка радостно подпрыгнула на месте и, обняв мужа, поцеловала его в затылок. Серега стряхнул её с плеча, пригрозил пальцем и продолжил:

Я ,уважаемый гражданин Яснопольский ,расцениваю это как элементарное неуважение к моему талантливому произведению, в частности, и вашему отношению к выдающимся поэтам современности, вообще!.

--Сергей Никандрович! Ни о каком неуважении не может быть и речи! Михаила Юрьевича мы издавали в другое время, когда у нас были совсем другие финансовые возможности. Совсем другая эпоха, если помните.

--Я не финансист, я поэт и неплохой, с вашего разрешения. Поэтому я мыслю несколько другими категориями. Я тут ежедневно себя сжигаю почти что дотла, понимаешь ли, так откуда , по- вашему , мне прикажете брать на этот процесс энергию?

--Молодец, Серега! Ох и молодец! –Тамарка в шальном танце закружилась по комнате, то и дело натыкаясь на мебель , роняя безвкусно расставленные дешевые керамические статуэтки , при этом , почему –то, фальшиво распевая первые строки «Интернационала».

--Так что , уважаемый, столь хреново оплачиваемый договор я не подпишу никогда! И передайте мой большой товарищеский привет Михаилу Юрьевичу.

--Сергей Никандрович!

--Ну, что еще?! Неужели не ясно сказано!?

В трубке прозвучал тяжелый вздох.

--Сергей Никандрович, мы согласны....Тяжело конечно , но что делать...

--А кому сейчас легко, Никита Анисимович? Да еще и кризис... Вы знаете, конечно, сколько стоит колбаса из мяса, а пиво, а сосиски, я уже не говорю о лекарствах... До свидания. Серега положил трубку. перевел дыхание. опрокинул стаканчик водки, победно поглядел на супругу:

Ну и как, Томик? Как я ему врезал под дых? Ему теперь без бутылка в три звезды долго не очухаться. Да его, жмотягу, бухгалтер сегодня же до скелета загрызет!

Так что держись за меня крепче, подруга. За Серегой Кадушкиным не пропадешь.

Молодец, Серега! Вот сейчас ты стал разговаривать, действительно, как настоящий поэт. Правильно, чем больше просишь, тем больше стоишь. Возьми обратно того же Сашку, мужа Натальи. Сколько раз он у царя денег выпрашивал, чтобы Наталья его не бросила? И что? Давали же!

--Лучше бы она его бросила. По дуэлям бы меньше бегал. Сидел бы в своем Болдино и сочинял. Добром это не кончится. Это точно.

--Да, Серенький, быстро мы с тобой звездами стали.

Да, озвездели. Тут главное, Томка, с неба на землю не свалиться...

Звонок в дверь прервал философскую беседу супругов. Тамара открыла дверь и расписалась за очередной пакет у посыльного.

--Сереж, приглашают в Женеву на конгресс поэзии. Все оплачивают. Тут и билеты на самолет. Поедем, нет?

--Честно говоря, эта Европа у меня уже вот тут сидит. Решай сама.

--Тебе хорошо. Надел драные джинсы с кроссовками и вперед. С вас же, поэтов, спрос на одежду никакой! Вы же художественная элита. Хоть бомжом оденясь, лишь бы чесноком изо рта не воняло. А вашим боевым подругам как быть? В Женеву ехать, а надеть опять на себя нечего. Интересно, что там сейчас приличные звезды носят. Мадонна, например?

--Да, уж ты - то у меня, бедняжка, совсем голая. Золушка, мать твою! Вон, поглазей, шифоньеры лопаются от шмоток. Игорек

Северянин вчера из Парижу вернулся, рассказал: все в шортах, и мужики и бабы.

--Ох, Сережа, ты талантливый человек, но в туалетах баран бараном. Хороша же я буду на приеме у какого-нибудь Папы Римского в шортах и норковой пелерине. Скажешь тоже. Ах, Серенький, я так счастлива! Так счастлива! Наконец – то мы стали жить полнокровной жизнью интеллигентного человека. Вспомни только, как мы жили два года назад? Даже и не вспомнить. Какая же это была серая неинтеллектуальная жизнь. Сплошное бесперспективное прозябание. Кругом хамство и нищета! Встречаюсь я сейчас со своими бывшими сослуживцами и, не поверишь, – мне уже не о чем с ними говорить. Другой, как говорится, слой! Совершенно другой. Сплошное мещанство. А запросы, запросы! Уж такие мелкие. Такие примитивные! Кому-то столик к окладу прибавили. Кто – то стиральную машину в лотерею выиграл и счастья полные шорты! Так все мелко...

--Вчера иду и вижу: Васька Старыгин стоит у пивного ларька-мой правый полузащитник. Кругом грязь! Толпа! Толкучка! Бомжи с разбитыми рожами! Шалавы кирные! Ужас и сплошное бескультурье! Нет чтобы зайти в хороший ресторан. Сесть за столик с белой скатертью, взять бутылочку хорошего коньячку, хорошую закусочку... Да, Тома, далеко еще нашему народу до поголовной культурности... Далеко... Слышаю я по телеку нашего президента и так мне его, бедолагу, жалко... Да что он один может сделать с такой запущенной страной?! Что?! Кем хочешь буду, Томка, но предложи мне Дума его место, – ни в жисть бы не пошел!

Да, Сереженька, если бы только на таких как мы с тобой правительство наше опиралось – бы...то...

И опять, мой уважаемый читатель, неожиданный, незванный, случайный звонок в дверь оставил многомиллионное общество без ответа, – так кто же, все-таки, мог бы стать в этой несчастной стране настоящим крепким рулевым! Но входная дверь в шикарную квартиру поэта века отворилась, и на пороге возник не кто –нибудь, а сам Петр Степанов. Да- да! Тот

самый загадочный гений-Петька, без которого повесть эта не состоялась бы никогда и ни за что!

Тот самый персонаж, который, вне всякого сомнения, и должен был бы стать главным героем этого повествования! Должен был стать, - но, увы, не стал!... Не состоялся - по воле судьбы-злодейки! Но, так ли это на самом деле? Давайте разберемся. Да он, Петька, был автором того самого поэтического шедевра. То есть, что значит был? Он был и остался им навсегда! Так считаете вы, мой читатель. Но если бы это и на самом деле было бы именно так, то ровно на точке этого предложения сия повесть бы и закончилась. Однако, обратите внимание на несколько десятков страниц после этой злополучной точки и вы поймете, что ваше мнение было ошибочным. И что победили в этом споре мы, - авторы пьесы под названием «Гений», и лично я - автор этой повести с тем же названием!

В комнате воцарилось сумрачное молчание. Серега опустил руку с очередным хрустальным фужером на скатерть и уставился остановившимся взглядом в угол. Тамарка сморкнулась в подол дорогого шелкового китайского халата и вытерла им же появившуюся не к месту слезу.

--Ну, здравствуйте... Ребята, вы что мне не рады!?

Тамарка еще раз громко сморкнулась и внезапно охрипшим голосом пролаяла:

А отдал поэму, значит и деньги отдал! И любой суд нас оправдает! Вот! Понял?! Я узнавала!

--Ах, вот оно что! Уже истратили, конечно... Ну и молодцы. Правильно сделали. Я сам дурак, а за науку надо платить, причем за хорошую – хорошо. Так что вы об этом и не думайте больше! Здравствуй, Серега! Дай я тебя обниму, старый дружище, и спасибо тебе превеликое за столь удачные для меня хлопоты, которых, как я понимаю, было предостаточно!

--А то... Я все подметки истер, пока набрел на эту редакцию с её доисторическими мумиями-редакторами.

--А ты бы видел своего дружка, с которым вы эту дурость затеяли, когда ему посыльный повестку из этой редакции

принес! Серега потом из туалета полдня вылезти не мог, так его от страха пробрало.—Вступила Тамарка.

--Серега, Люся сказала, что ты у самого Толстого побывал?

--Да у кого я только не побывал.

--Ну и как он там , старикан?

--А чо с ним станет? Круглый год на свежем воздухе , на велосипеде ездит, пашет...Домину такую отгрохал, не хуже чем у Лужкова. И лошадей у него на фазенде тоже немерено. Евонная Софи Тамарку к графу приревновала. Ходила всю дорогу с козьей мордой. А он , старикан, видать, по этому делу еще ого-го! За ним Сонечке надо глаз да глаз.

--Ну,ладно ,потом расскажешь в подробностях.

--Граф прочитал поэмку и сказал , что я гений...То есть ты, конечно.

--Серьезно?! Что так прямо и сказал? Приятно...

--Нет, криво сказал. Чо, я тебе что ли врать буду!

--Да-а... Уж Толстой – то в поэзии разбирается...А я , ведь , ребята в Антарктиде новую поэму написал. «Снег» называется. Люсия считает, что она значительно круче « Скитальцев», а её литературному вкусу и интуиции я полностью доверяю.

--А как там она ,- Люся?

--Люси, ребятки, по- прежнему, самая прекрасная женщина в мире.

--Все бабы на свете распрекрасные, только характеры у них разные.

Мне твоя распрекрасная чуть было глаза за эту поэму не выцарапала. Не разобралась что к чему и давай со всех сил лупасить нас по мордам...Серегу так ,вообще, чуть было инвалидом по сексу не сделала. Коленкой так и норовила между ног ему посильней попасть. Так что ты с ней в кровати -то поосторожнее. Неровен час , опять что-нибудь не поделите...

--Мда... Ну что же, Сережа, нужно писать опровержение.

--Не понял...Какое еще опровержение ?

--Обычное. Раскроем секрет полушинеля, как говорится. Опишем все как оно было на самом деле. Разошлем в газеты. Я уверен, что наша желтоватая пресса растрезвонит это событие лучшим образом. Мол, по интимным соображениям я счел необходимым

выпустить в свет свою поэму под именем своего любимого друга Кадушкина. И подпишемся оба.

--Хорошо это ты придумал, Петенька, нечего сказать. Мы тебе такую услугу сделали. Раскрутили твою поэму по всему земному шару, а ты за это в благодарность теперь нас на всю планету позорить будешь?! Да позор –то уж ладно! В тюрьму твоего дружка – благодетеля упекут! Упекут как миленького.! А как же ! Обман всего прогрессивного человечества! Припаяют, будьте нате! И все тут припомнят- и обман графа, Льва Николаевича, и мамочкин телефон, и квартиру новую , и почести, и поездки за границу на симпозиумы! И все звания и ордена! Всё!

--Тамарка права, Петя. Посадят , как пить дать! И не в простую тюрьму , а строгого режима! Я же и по телеку интервью, и портреты в периодической печати,и все прочее. Все это фуфло называется аферой! И ты, между прочем, её главный зачинщик. Так что сидеть – то мы будем в одной камере, и еще неизвестно, кто из нас двоих дольше! А как ты будешь смотреть в глаза Толстому?! Пошевели мозгами , гений! Авось до тебя дойдет , что главный преступник-аферист в этой комедии –ты!

Думаете?...Возможно, вы и правы... Да, уж никак не предполагал я , что такой звон пойдет. И в гении себя тоже не зачислял

--И я , Петька, если честно, тоже...

--Ах, какую дикую глупость я сочинил...Ну что теперь, после драки кулаками махать. Что сделано, то сделано! Договорились! Оставляем все как было. Считайте, что « Скитальцев» я вам подарил. Полное собрание сочинений поэта Степанова будет без этой поэмы! Ничего страшного. Буду считать её разминкой перед настоящей битвой. Просто все остальное будет еще круче! Верно, Серега?!

--Верно – то оно, верно... И с тобой всё понятно, а как мне – то жить дальше?

--Элементарно. Ты , Серега, будешь поэтом одного сочинения. А что, таких примеров в литературе не мало: Льюис Керрол, например .Ершов известен только своим «Коньком Горбунком»..

--Так деньги ж скоро кончатся!... Есть у них такая особенность.

--Пойдешь снова на футбольное поле. Чистый воздух, физическая нагрузка. Мало того, что ты будешь приносить пользу людям, но и животик с защечными мешочками как у хомяка скинешь. Привет, ребята! Я вам все сказал. Кстати, завтра я иду к твоей первой редакторше, Сергей. Мы с ней вчера созвонились. Мне показалось, что она очень милая и доброжелательная и даже несколько восторженная дама. И голос у неё молодой и очень мелодичный.

--Бог в помощь тебе. Но будь поосторожнее во время беседы, Петя. Имей в виду, что обладательнице этого молодежавого голоса, как минимум, лет за двести, и она от переизбытка восторга может запросто отдать богу душу.

Степанов покинул супругов, посеяв своим неожиданным воскресением тяжкое уныние в их душах. Невероятно, но все эти годы они, непонятно почему, но всерьез не задумывались о том, что с возвращением истинного автора гениальной поэмы их сладкая синекура должна будет закончиться. Может быть, они надеялись на то, что в далекой и архисуровой Антарктиде с Петькой может произойти нечто такое, что сделает его возвращение невозможным. Или считали, что за это время Серёга обрел столь высокий и прочный статус, что свергнуть с поэтического Олимпа его одиозную фигуру поэтического «гения»- просто невозможно! Не исключено, что могли существовать и иные причины столь странного бездействия, однако я, как автор интриги, считаю что в данной истории главную роль сыграл привычный, неистребимый и вечный как и сама Россия -российский авось! Серега подошел к буфету арабского производства, гордости Тамарки. Дверцы его были армированы венецианским хрусталем, а по бокам шли резные фигурки минаретов и верблюдов с погонщиками. Достал бутылку дорогого французского коньяка «Реми». Разлил темную жидкость с приятным характерным запахом раздавленных бессмертных насекомых в дорогие кобальтового стекла фужеры и грустно произнес:

--Писец, Тамарочка, паровоз приехал на конечную станцию.

Тамарка грустно кивнула головой и залпом выпила до дна.

--В Женеву все равно поедем, раз уж билеты даровые получили и в гостинице недельку на халявные поживем. Продукты возьмем с

собой для экономии, они же кроме бесплатного завтрака -фигос под нос еще чего даром поесть дадут. Тряпок надо будет подкупить напоследок на будущее.

--А потом свисток в зубы и – пас налево, пас направо.. За вредность молоко. Это если они еще на заводе нового тренера на постоянную не взяли.

--И опять в грязной темной кладовке по восемь часов с перерывом на обед... Опять эти морды с гнилыми зубами и чесночной вонью изо ртов. Опять эти ежемесячные проверки наличия инструмента. В одиннадцать -производственная гимнастика. Проветривание. Увольнительные. Соевые котлеты вместо мясных в рабочей столовке... Нет, Сережа, я скорее удавлюсь, чем вернусь обратно в ту неинтеллигентную жисть...

На следующее утро еще не очнувшегося от вчерашней поддачи Серегу разбудил телефонный звонок. Он с трудом нащупал трубку на прикроватной тумбочке и прохрипел:

--Кадушкин слушает.

Взволнованный голос Ольги Аристарховны мгновенно отрезвил его.

--Сергей Никандрович, происходит нечто странное, я бы даже сказала –нечто совершенно невероятное! ...Простите, я должна выпить глоток воды... Приходит сегодня утром в редакцию некто Степанов, с виду очень приличный человек и оставляет для прочтения якобы свою поэму «Снег». Произведение, надо откровенно сказать, блистательное! Просто блистательное!

--Понятно.

--Что вам понятно, Сергей Никандрович?! Может быть, вы тогда объясните мне, старой дуре,...простите я выпью воды, иначе со мной случится обморок,...каким образом в руки этого Степанова могла попасть ваша поэма!? Или вы меня решили проверить на профессионализм таким варварским способом!?

--Моя поэма?... –Голос Сереги дал сбой.

--Причем какая наглость, уважаемый Сергей Никандрович! Какая наглость- даже машинка ваша. Да, да! Та же портативная машинка с двумя выскакивающими буквами «р» и «к»! Вы уж тогда бы напечатали её на компьютере, что ли! Это не очень остроумная

шутка, или, быть может, он её просто выкрал из вашего письменного стола?!...

--Значит вы абсолютно уверены , что автором этой поэмы являюсь именно я?...

--Мой дорогой, но разве можно в пушкинском произведении не узнать Сашу?! В блоковском- Блока!? Ведь в « СНЕГЕ» всё ваше: стиль, дух, ритмика, размер, образный строй, подвластный только вам, -нашему поэтическому гению!? В каждой строчке поэмы вы и только вы!..Сергей Никандрович, срочно объяснитесь! Я показала поэму Архимеду Пифагоровичу , -а закончилось это тем, что Мусенька сейчас отпаивает его валокордином и уже полчаса вызывает неотложку!

--Дорогая, замечательная, Ольга Аристарховна, Я обязательно как –нибудь в кратчайший срок постараюсь объяснить вам, что произошло, но только не сейчас. У меня , поверьте, просто нет сил. И обязательно выпейте еще водички. У меня к вам огромная просьба: забыть этот инцидент. К вам никто не приходил и ничего не приносил. Поверьте, что всё произошедшее настолько лично и интимно...

--Сергей Никандрович, ваше желание для меня закон, вы можете быть во мне абсолютно уверены. Я знаю , что может случиться всякое... Простите, я выпью воды...До свидания , Сергей Никандрович... Я жду вас,...жду!...

Серега повесил трубку, сходил на кухню, выпил пол-литровую банку крепкого капустного рассола и разбудил жену.

--Тома , проснись.

--Что , опять что –то случилось?.. Степанов?...

--Случилось, подружка, случилось!...И еще как случилось!...Рано еще тащить венки на могилу гениального поэта Сергея Кадушкина! Рано , мать! Мы еще побултыхаемся в славе! Ох, да как еще побултыхаемся! Покруче прежнего! Литературный мир содрогнется от бурных оваций гению поэзии! Наливай клоподава в фужеры ,жена гения, да пополнее!

-- А деньги тоже будут, Сереженька!?

--А то как же? Большой, настоящей славе соответствуют большие бабки, подружка! Первый и главный «Закон Кадушкина»! Гения от поэзии! Наливай!

Ах годы , годы!...Откуда вы беретесь и куда улепетываете от нас так быстро.....Еще вчера тебе было всего – то три. Ты гордо ,трижды в день седлал свой персональный ярко красного цвета эмалированный горшок и скакал на нем прекрасным сказочным принцем за драконом , который своим смрадным огненным дыханием поджигал города! Еще вчера ты, смущенно пряча за спиной букетик полевых цветов, робко признавался в первой , но безусловно вечной любви своей соседке по парте в седьмом «Б»классе. Еще вчера ты третий раз развелся в районном суде Петроградского района. И с одним тощим чемоданчиком переехал в коммуналку к Тамарке. С чемоданчиком ,в котором кроме пары любимых футбольных бутс, трех пар носков , двух рубашек и бритвы «Жилет» ничего не было. Еще вчера ты бекал и мекал в редакции « Записки отечества». А сегодня, по прошествии почти двух десятков лет, ты- гениальный поэт современности, изрядно постаревший, облысевший и пополневший, стоишь в своем шикарном кабинете у огромного письменного стола, обтянутого зеленым сукном со старинной бронзовой лампой под розовым абажуром с золотыми кистями, и занимаешься своим обычным, хотя довольно странным делом. Да старость , конечно, дело скучная, но это единственный способ жить долго. Хотя , что же в этом занятии странного? Большая, достаточно подробная политическая карта мира просто обязана висеть на стене кабинета почетного доктора и профессора множества международных академий и институтов! А иначе можно просто -напросто забыть страну, в которой тебе вместе с красочным дипломом вручали черную мантию, подбитую красной шелковой подкладкой и четырехугольную конфедератку. И вне всякого сомнения, в приложении к этой карте необходимо иметь комплект небольших флажков, насаженных на острые иголки, дабы ими можно было бы отмечать те страны и города, которые признали твой гениальный талант и отметили тебя своими орденами и высокими премиями. Эта, обычно приятная, хотя

временами и нервная работа на этот раз так захватила Сергея Никандровича, что он даже не заметил, как в кабинет бесшумно вплыла его верная и преданная Тамара Васильевна. В далеком прошлом - просто Тамарка. Супруге также нелегко дались вихрем пролетевшие годы благоденствия под всемогущим крылом гениального мужа. Она так же как и супруг серьезно располнела, потеряв былую стройность, зато приобрела значимость, строгость во взгляде и твердую походку сытой гусыни. Одета она была в длинное, почти до пола бархатное платье, отделанное золотой парчой. На массивной шее висело дорогое ожерелье из натурального черного жемчуга, которое сверху прикрывала пелерина из голубой норки. Руки, с невероятным количеством колец на коротких толстых пальцах и дорогих браслетов гордо покоились на её могучей груди. Весь вид её излучал величавое спокойствие, непоколебимую уверенность в своём неотразимом обаянии и незыблемую уверенность в своей всегдашней правоте. Она чувствовала себя ни много, ни мало, - Екатериной Великой. И свой внешний и внутренний образ выстраивала точно по висящему в её спальне портрету Императрицы. Она даже собралась было сделать пластическую операцию лица, дабы усилить это сходство, но тут Сергей Никандрович встал нерушимой стеной и мечта так и осталась неосуществимой. Взглянув на священнодействие Сергея Никандровича, Тамара Васильевна закрыла было рот, из которого неожиданно для неё самой выскочили какие – то, еще неоформившиеся в четкие слова звуки, но было поздно.

--Я работаю! Вы что не видите, что я занят важным делом, Сколько можно повторять, что когда Сергей Никандрович работают... До обеда у меня святое время, и это знают все и вы в том числе!...

--Извиняюсь, Сергей Никандрович... Исчезаю...

--Чёрти что , блин... Чёрти что...Ну как в такой обстановке можно творить? Как? И так ,продолжим:- Франция- три флажка.... Англия- два флажка... Отстает империя, отстает!... Австралия- один флажок. Хм, для такого большого материка вообще – то слабовато... Хотя, что с них взять? Кролики и кенгуру загадили всю страну. Им бы самим из этого дерьма уши вынуть. Да и население у них-потомки английских каторжников. Жульё! Одно слово, жульё. Бразилия- два флажка. Страна вкусных голых бабских задниц, сексуально вихляющихся на бесконечных карнавалах. Прощаю. Читать им некогда. Ну , разве что, Пеле просмотрит парочку поэм после матча.... Заир- один флажок. Ну, с этих черномазых больше и не возьмешь. У них же поголовная безграмотность. Удивительно, кто это у них ,вообще, мог прочесть мои великие поэмы?

А вот Австралии и, тем более, Англии должно быть стыдно! Так , смотрим , что же у нас получается? Выходит , что одна Гаити ничего не дала! И название – то какое – то противненькое—Гаити –тити – мити! Тфу ты!.. Язык ломаешь пока выговоришь!... Так открываем справочник и читаем:--Столица Манагуа...Ну, чего можно ожидать от страны, если её столица носит такое отвратительное название! Бр- р!... Так, читаем дальше: Население пять миллионов. Пять миллионов круглых безграмотных идиотов! Сплошных! Отсталая, аграрная, деспотия! Ясно ,что не прогрессивная... Тамарка! Иди сюда.

--Слушаюсь, Сергей Никандрович.

Тамара Васильевна, вы представляете- все нормальные демократические страны мне что –нибудь дали, а Гаити, тити- мити –ничего! А ведь пять миллионов жителей! Пять миллионов!

--Деревня , Сергей Никандрович , обыкновенная деревня! И сколько еще у нас на планете таких деревень. А вы бы взяли да позвонили ихнему премьер-министру и сказали бы на великом русском языке Тургенева, что вы о них о всех думаете!

--Неохота, Тамара Васильевна, на звонки международные тратиться. Да я их просто презираю! Какая – то Южная Родезия ! Расисты! И те отметили! Автоматом Калашникова наградили. А этот мерзкий Магаити , со своей Манагуа... Сукины дети! Одно слово!

--А вы чего заходили- то?

--Да приперлась к вам очередная нимфа, поди, уже битый час в калидоре ждет, фифа размалеванная...

--Зовите.

--Позвать –то позову, но имейте в виду , Сергей Никандрович, ежели что замечу- убью! Сама в тюрьму сяду, но тебя, бабника паршивого, убью! Из этого Калашникова и прострочу , к чертовой матери! Вы меня знаете , уважаемый Сергей Никандрович!

--Ну как тебе не стыдно, Тамарка? Я от усталости с ног падаю, а ты все об одном!

--А вы посмотрите- ка повнимательнее на рожу – то свою бесстыжую в зеркале.. . С ног они падают, видишь ли! Смотрите ,только случайно на ету телку, как вы любите выражаться, не свалитесь... Девушка! Сергей Никандрович вас ждут. Только учтите, у них каждая минута огромных денег стоит, в валюте. Так что уж, пожалуйста, не задерживайте надолго великого поэта! Их ихняя творческая муза ждет! Пять минут. Слышите? Я вам даю пять минут на разговоры.

Девушка действительно была очень недурна собой, и к тому же была счастливой обладательницей великолепнейших, аппетитнейших, женских форм. Так что вполне естественное волнение супруги, прекрасно знающей сексуальный темперамент своего обалдевающего от безделья супруга, можно было оправдать.

--Здравствуйте, Сергей Никандрович. Вы мне сказали, что сегодня я могу к вам зайти.

--Садитесь, пожалуйста... Тамара Васильевна, не откажите в любезности, согрейте нам с этой очень талантливой поэтессой по чашечке хорошего, крепкого кофе. Лучше моей дорогой супруги, деточка, кофе не варит даже жена президента Африки....Клеопатрия, кажется...Тамара Васильевна, голубушка, вы не помните, как зовут эту.... жену.....африканского президента?

--Делать мне больше нечего,....Сергей Никандрович. Я же не могу запомнить имена всех президентских жен, у которых мы с вами гостили...

Повторяю, девушка, у вас есть всего пять минут для творческой беседы, -если она действительно творческая, в чем я не очень уверенная. И сядьте, пожалуйста, подальше, вот сюда. Сергей Никандрович чрезвычайно склонен к получению простудных бактерий от посторонних. Причем, как это ни странно, особенно от женщин. А вы прямо с улицы, и кто его знает, чего вы там в транспорте или на панели ненароком...

Тамара Васильевна, демонстративно вильнув массивным, крутым бедром и бросив многозначительный взгляд на супруга, вышла из кабинета.

Сергей Никандрович смущенно откашлялся и, придвинувшись поближе к юной поэтессе, начал заговорщическим полусшепотом:

--Все правильно, мы с вами должны были встретиться именно сегодня, и я это прекрасно помню, но, как говорится, случился факс- мажор, непредвиденное обстоятельство... Ну кто мог подумать, что парикмахерша заболеет именно сегодня...Ну, короче, у нас сегодня складывается не совсем творческая обстановка... Да вы не отодвигайтесь, так нам будет легче общаться... Простите , совершенно вылетела из головы ваша фамилия? Знаете, у моего организма есть такая удивительная особенность, -чем больше мне нравится женщина, тем быстрее я забываю её имя.

Девушка густо покраснела и прошептала:

--Даша. Даша Сидорова.

--Красиво...Просто и красиво! Я, знаете ли, очень люблю такие лаконичные , но в то же время, как правило, очень творческие фамилии: Иванов, Петров, Сидоров, Рабинович. Есть в них что – то истинно народное, простое , но в то же время, удивительно изысканное... Я бы даже сказал- нечто русское, былинное, эдакое , если хотите , доисторическое, Гомеровское... Эдисоновское...

Вы согласны со мной, моя прелесть.

--Ой, право не знаю... Я очень стесняюсь...

--С такой фамилией и псевдонима не надо... Или нет... Вот как раз тут- то я бы и пофантазировал... Тут – то, как раз, мы и сможем привлечь внимание нашего с вами читателя! А что бы вы , Дашенька, сказали если мы будем подписывать ваши «нетленки», так мы, маститые литераторы обычно именуем особенно выдающиеся произведения, псевдонимом –«Коза»!? А!? Или понежнее –«Козочка»! Ведь это слово так и просится к вашей удивительно непростой фамилии! По – моему, два эти слова составляют одно целое? Вы согласны со мной, мой очаровательный козленочек?

--Я стесняюсь...

--Ишь ты, какая стеснительная поэтессочка – то нам попалась! Кокетка! Нимфеточка, -как сказал бы мой большой друг -великий писатель Бунин! Кстати, в прошлом году , в Женеве он мне рассказал отличный анекдотец на эту тему: -Ты знаешь, почему у козы грустные глаза?

--Нет.

--Потому что её муж- козёл.

Кадушкин весело расхохотался. Дашенька скромно потупила взор.

Ну ,раз уж у нас сегодня со свиданием получилась лажа, как обычно говорят музыканты,- займемся поэзией. Так.. .. Сидорова,....Сидорова.... Ну, что же , Дашенька , прочел я ваши творения... И скажу откровенно ,как в постели... Шутка! Стихи ничего...особенного... Дайте –ка мне вашу очаровательную , нежную ручку. Я хочу почувствовать теплоту и энергетику пальчиков, которые писали эту муть! Шутка! Эти прелестные строчки!

Кадушкин начал поочередно целовать пальцы, поднимаясь все выше и выше по руке и ,наконец, дошел до прелестной шейки. В этот момент за дверью послышались шаги. Он сделал резкий шаг назад к столу, и в этот момент в комнату вошла супруга. Она подозрительно оглядела комнату, оценила обстановку и процедила:

--Газ кончился! Кофей отменяется!

--На нет , дорогая, и суда нет!- Учит нас русская пословица. Но на вашем месте , товарищ Сидорова, публиковаться я бы не спешил...

Кадушкин, не торопясь , подошел к полкам с книгами, достал одну и открыл её на закладке.

Вот, товарищ Сидорова, какие строчки должны стать вашим категорическим императивом:

«Быть знаменитым некрасиво...

Тамара Васильевна еще раз провела молчаливую рекогносцировку на местности и, ничего подозрительного не обнаружив, презрительно фыркнула и удалилась. Даша скромно опустила головку и, очень волнуясь, продолжила: «... не это поднимает ввысь. Не надо заводить архива, над рукописями трястись. Цель творчества- самоотдача, а не шумиха, не успех. Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех.»

--Браво, браво, Дашенька! Теперь вы, надеюсь, понимаете, как это верно подмечено великим автором.

--Понимаю, Сергей Никандрович! Понимаю всей душой, сердцем и умом!

--Сердцем и душой, моя милая, такое понимать мало. Это надо понимать еще и всем вашим пленительным, возбуждающим естественные желания противоположного пола, роскошным телом! Вы любите Баркова?

--Я, к сожалению, мало его читала.

--А как раз вот это напрасно! Баркова надо читать, зачитываться, учить наизусть и самому, то есть самой, выполнять его замечательные стихотворные заветы на практике. И лучше всего делать это с умудренными долголетним опытом коллегами по перу! Вы, надеюсь, меня понимаете, милая козочка?

Кадушкин положил книгу на место, снова подошел к Дашеньке и жарко, с легким бронхиальным присвистом дыша ей в затылок, продолжил мысль:

--Так вот, Дашенька, только потому, что я с юных лет выбрал эти замечательные строчки своим категорическим императивом, я добился того, чего я добился. У вас, моя девочка, мой котеночек...

--Вы называли меня козочкой...

--Да, да, это так прекрасно, что вам запало в организм это слово. Но оба эти животные мною очень любимы. То есть до момента знакомства с вами я обожал кошечек, но теперь, с этого момента мне уже больше любви козы! Так вот у вас, моя милая Козочка, - и фабула дышит, и нет движения вперед, и неорганична форма...

Сергей Никандрович оценивающе заглянул через голову на пышный бюст поэтессы и, удовлетворенно хмыкнув, поправился: Нет, пожалуй, я не совсем прав, форма как раз ... очень органична...Нужно, Дашенька, любить не себя в искусстве, а искусство в себе... Я не раз говорил Константину Николаевичу, что эта его классическая фраза- главное, что он сотворил в своей замечательной жизни. И знаете, милочка, обычно он со мной соглашался. Чудесный он, все же, человечище! Просто, душка. Я, знаете ли, его уважаю значительно больше чем Немировича – Данченко! Значительно. Я, Дашенька, не люблю, когда человек прячет своё эго под двойной фамилией! А ты сделай свой выбор и тогда мы, народ, будем точно знать – кто же ты в самом –то деле! Вы согласны со мной, моя птичка?

--Я стесняюсь...Сергей Никандрович!

--Вы опять за своё... Кстати, Дашенька, а почему бы вам не написать стишата о спорте?

--О каком спорте, Сергей Никандрович?

О нашем, лучшем в мире отечественном спорте, милочка. Например о футболе. Стране сейчас остро не хватает высокой, яркой, полемической, если хотите, поэзии о футболе. О большом футболе, естественно!

--Но я же не футболист, Сергей Никандрович.

--Узко мыслите , Дашенька. Я , например, никогда в Антарктиде не был, а написал гениальную поэму « Снег» и сто двадцать одну премию за неё отхватил!

--Сергей Никандрович, вы же гений, и такие как вы поэты рождаются раз в несколько столетий! Ваше творчество не поддаётся осмыслению, это все говорят, даже Евгений Александрович Евтушенко. А уж он- то, конечно, после Александра Сергеевича и Михаила Юрьевича был в нашей стране до вас , конечно, первым! Ну, правда, еще Бродский, но он же бежал в Америку...

Хорошо, хорошо, допустим я гений всех миров и народов! Допустим! Но Лев Николаевич, ведь, не гений. И на Марсе никогда не был, а как ихних тамошних жителей изобразил? Все у него как живые!...И Элита эта ...

--Аэлита, Сергей Никандрович. Вы, простите меня, ошиблись, эту повесть его родственник написал –граф Алексей Николаевич...

--Не ошибся , моя уточка, а пошутил. Проверил твои знания по литературе. А нынче графьёв и князьёв у нас в России, скажу я тебе, развелось,.... как не резанных... Князь Пожарский, Багратион...Лужков, Жириновский... Так как же стихи о футболе? Сочиняем?! А получится,- напечатаем. Я тебе обещаю! Я даже дам тебе рифму , Дашенька, ... для начала,.... запоминай: «На свете много разных зол, но это только не футбол,....» и так далее,... и тому подобное... Кстати, а завтра, Дашенька, вы не желали бы меня навестить?...

--Когда скажите , Сергей Никандрович!

--Так, так, сейчас прикинем .

Кадушкин вынул из ящика письменного стола календарь и начал что –то прикидывать:

Так, в четверг у неё в одиннадцать портниха,... в час ультрафиолет и массаж,... Давайте – ка завтра часиков в одиннадцать и без опоздания?

--Сергей Никандрович, право, мне так неудобно отвлекать вас от творчества....

--Для молодежи, душа моя, поэт Кадушкин всегда свободен! И вот что еще , детка, ты можешь при наших творческих встречах, так сказать, тет-а –тет,- называть меня просто Сережей. Это несомненно очень сблизит нас, ...творчески. А теперь- привет! Творческие муки высокой поэзии ждут наших встреч с нетерпением, моя козочка!

Юная поэтесса, полная радужных надежд на нечто большое и светлое в недалеком поэтическом будущем, вылетела на крылышках ангела в свой прежний , совсем не такой уж и радужный, но полный забот и неверия, житейский мир. Кадушкин потер пухлые потные ладошки, уже давно не ведающие того действия , которое у обычных людей обозначается словом труд, подошел к заветной карте и, воткнув в бумагу остриё очередного флажка , произнес сквозь зубы: -Ну , сучье Магаити!... Смотри у меня!...А писать стихи я тебя научу , Дашенька!... Ох как научу, коза безголовая...

С чашкой кофе на подносе из фирменной хохломы вошла Тамара Васильевна, подозрительно оглядела комнату , шумно втянула носом воздух и поставила тончайшую костяную чашечку на стол.

--Что, газ снова появился, моя ненаглядная? Или на своей жаркой груди кофеёк согрели? Стерва вы , уважаемая Тамара Васильевна. Зачем молоденькую поэтессу чуть не до обморока - то пугать? Чем же эта милая талантливая девушка перед тобой провинилась ,сердешная моя? Ну, разве что тем, что морщин на ейном личике меньше , чем у вас, любовь моя?

--Еще словечко скажите , многоуважаемый Сергей Никандрович, и эта чашечка с горячим кофеём будет на вашей постыдной кобелиной морде.

--Ну зачем же так грубо ,уважаемая Тамара Васильевна? Сразу – на морде! Из ваших прекрасных уст как – то грубовато звучат эти слова...

--Вы слышали, разлюбезный Сергей Никандрович, что я вам давеча сказала,- еще раз увижу у нас в доме эту кралю размалеванную , придушу обоих.

--Кадушкин махнул рукой, пригубил из чашечки и смиренным голосом спросил:

--Вы лучше расскажите,Тамара Васильевна, что в городе новенького – то деется, а то я со своим творчеством совершенно оторвался от событий текущей светской жизни. Вот так живем, живем себе, а жизнь она совершенно незаметно протекает между пальцами рук и ног, как все равно что какая-нибудь жидкость... Печально это , Тамара Васильевна... Ох, как печально...

--Печально не это , Сергей Никандрович. Печально то, что я сегодня видала своими вот этими глазами на улице. Люди – то у нас не зря говорят!... Ох не зря! Иду, значит, я из магазину, из шопу, значит, что напротив—кефир покупала- и вдруг мне навстречу идет кто, как ты думаешь?

--Харламов?! Яшин?!...

--Дантес! И с кем?—С Натальей! И он её так нагло – под ручку ... Как будто так и надо... При всех людях!.. У бабы четверо детей! Четверо!!!

--Ну и что тут такого? Мало ли кто с кем ходит под ручку.

--Вы бы , Сергей Никандрович, видели, как они друг дружке в глаза смотрели. Я все же тоже женщина и понимаю, когда и как смотрят... Ты , старый осёл , никогда мне так в глаза не смотрел! Никогда!

Из глаз Тамары брызнули слезы. Она села на диван из натуральной крокодиловой кожи и утерла глаза и щеки подолом роскошного халата.

--Думаешь?

--Что тут думать – то, -факт, Сережа. Голый факт! Тут и к доктору не ходи!

--М-да!.. Не хорошо это... Не этично, я бы сказал... Только вы , Тамара Васильевна,

никому про это не болтайте... У вас есть эта манера. А то ведь решат , что мы от зависти к Сашке на Наташку клепаем. Ведь , Саша, что бы там ни говорили о нем люди...и этот критикан Писарев ...человек -то не без способностей. Не без способностей... Лично я всегда это говорю ...на любом совещании. В любой компании, сколько бы ни принял на грудь... Чего я тебе это говорю,- ты -то об этом хорошо знаешь...

--Что я, дура какая, что ли? Хорошо, Дунька Ямб этого не видала.... Уж эта – то точно...всем и каждому... Тут и к гинекологу не ходи... Но какой стыд? Стыд – то какой! И у всех на глазах! Четверо детей! Ну, я пошла. Тут в бутике я вчера такую мальтийскую вазу видела, из Австралии привезли. Фирменная. Из натурального венецианского стекла вся из себя сделанная. Красота,—ну просто шедевр! Натуральный шедевр! Побегу, пока эту вазу баба Аграмовича не забрала. Она там тоже давеча крутилась.

--Так они же разбежались на прошлой неделе. Все газеты только об этом и писали.

--Ну, так она же с мужиком своим разошлась , а не с натуральной мальтийской вазой! Так того и гляди, с горя и купит. Купит и на свою новую яхту в салоне и поставит. Он же ей одну из пяти штук оставил. Одну он президенту подарил на именины, -вторую ей, с детьми. Порядочным человеком , оказался... Вот тебе и пожалуйста,- казалось бы, олигарх , и еще какой, а человек ,оказывается, порядочный! Консенсус!

--Да, среди них такое случается...Не так уж часто , но встречается. Помнишь, в прошлом году, один , между прочим, холостой,- в сочельник двадцать пять невинных бедных девушек из простого народа , считай, из деревень, с собой в Куршавель взял, чтобы настоящий праздник бедняжкам показать. Причем, сделал это абсолютно бесплатно! Ни у одной из них ломаной копейки не попросил! Консенсус!

Тамара унесла пустую чашечку , аккуратно прикрыв за собой дверь. Кадушкин хмыкнул, достал с полки толстый том словаря Даля, открыл обложку и извлек из книги плоскую бутылочку коньяка. Сделал несколько глотков из горлышка, крякнул от удовольствия , занюхал чернильницей – непроливашкой , серебряной, антикварной, позапрошлого века. Засунул бутылку обратно в книгу и, поставив её на прежнее место, снял телефонную трубку и набрал номер:

Привет. Кадушкин на проводе. Неприятно говорить, но против факта не попрешь, как говорится. Только что моя, причем лично, можно сказать- своими глазами на бульваре их засекала. Она из шопу с колбасой московской шла. Нет, говорит, они её не видели. Они так глядели друг дружке в глаза, что всё было совершенно ясно!... Ну уж кому, кому, но тут –то моей можно верить! У неё собачий нюх на такие дела! Собачий! Как у гиены! Если ты сегодня Сашу увидишь, то уж не говори ему ничего. Сам понимаешь, такие известия не могут не отразиться на творчестве... А у него очередная Болдинская осень на носу...Эх, жалко мужика, мужик – то, ну это сугубо между нами, в принципе способный...А не надо жениться на красивых бабах, понял?! Не надо!. Вот возьми нас с тобой... На дуэлях нервы не портим... И ничего, весь мир и так знает! Да и к царю просить бабки тоже не ходим! Своих хватает. Ну, бывай! И болтай поменьше! Сейчас кругом уши! Уши и длинные языки!...

Кадушкин повесил трубку, подошел к книжным полкам, еще раз повторил приятную процедуру со словарем Даля и только было втиснул книгу обратно, как в кабинет вошли Тамара, Степанов и Люся. Вид у Петра был сумрачный, у Люси озабоченный. Кадушкин с явно показной

радостью облобызал гостей и, усадив обоих на диван, попросил Тамару принести кофе.

--Петя, может рюмашку коньячку? У меня армянский «Ахтамар». Вчера ихний главный папа прислал коллекционную бутылочку из собственного подвала.

--У армян, Сережа, папы нет, он у них называются католикосом.

А по мне, Петя, хоть «абрикосом», я с рождения в Бога не верю. В коньяк верю, в водяру хорошую, а в Бога нет. Попробуем эту сырость из подвала?

--Давай.

Голос Степанова звучал неестественно глухо, было совершенно очевидно, что ему крепко нездоровится.

--Ты что заболел , что ли? Физиомордия у тебя не в лучшем виде. Люсь! Ты чо это мужика запустила. Эдак он и писать скоро не сможет. Рифмы складываться не будут. Ну-ка, Петя, подойди -ка поближе к окну. Открой – ка рот, покажи язык...М-да... Морда желтая , язык обложен как у коровы.

--А ты не только великий поэт, но и гениальный врач, оказывается. Передо мной неожиданно открываются всё новые и новые твои горизонты.

--Правильно, Сергей,- Пётр выглядит отвратительно. Курит как сумасшедший, кофе пьёт вместо воды- какой организм такое выдержит? Показал бы ты его хорошему врачу.

--Обязательно! И самому хорошему. Дороже здоровья ничего на свете нет, ну, разве, - лечение...Это есть такой анекдот:

«Больной , что – то вы мне совсем не нравитесь... Да и вы , доктор, тоже далеко не красавец.»

--Да бросьте, ребята, я просто немного устал.

--Все мы , Петя , устаем. Жизнь это не только радостный отдых , это еще и трудности, которые надо преодолевать. Мы же занимаемся самосожжением не жалея себя! Не жалея!

--Да ты к тому же и философ, Сергей. Смотрю я как ты надрываешься и боюсь, как бы не обуглился раньше времени. Ведь без твоего ярко пылающего костра нам всем конец. Да что там нам- весь мир покрое тьма.

--Я вот лично , мальчики , например, к вечеру под собой вообще ног не чувствую. За день так набегаешься по магазинам да бутикам- ужас! В одном месте одно приобретешь, в другом другое... И так целый день, целый день! Вечером возьмешь какую-нибудь художественную литературу, а сил уже нет! Так вот с художественной книгой вечером ложусь в свою арабскую двуспальную кровать белого дерева и с этой же литературой утром и просыпаюсь. И вся культурная жизнь проходит мимо... Ужас! Ну , просто ужас!

Сергей отвел в сторонку Степанова и проникновенно спросил, чувствует ли он после трудового дня такое опустошение.

--Да , Сергей , чувствую... Даже глаза слипаются.

--Это важный симптом , Петр, тоже самое мне и Хэм говорил. Хэма знаешь?

--Лично –нет.

--Так вот он мне говорил: Знаешь, говорит, Серега, лучший способ после творческой работы расслабиться—это крепко поддать! Но, повторяю- крепко. И лучше всего, говорит,-- неразбавленное виски. Шотландское. Не английскую дрянь- «Белую лошадь», а именно шотландское! Понял! Это я тебе , Петр, как специалист в этом вопросе говорю!

--Нет- нет, это я не люблю.

--Так вот всё это у тебя от этой самой нелюбви... Или , говорит Хэм, баба! Баба , говорит , очень разгружает голову, причем даже если по - трезвому! Кстати , я это и по себе хорошо знаю. После творческого процесса- баба работает как стирательная резинка . Усталость головного мозга убирает на раз и дочиста!

--Да?

--А то! А врачу показаться надо обязательно! А то, того и гляди, скоро Люська начнёт тебе «скорую» вызывать. Кстати, анекдотик насчет «скорой»:- чем позже приезжает- , тем точнее диагноз. Класс , да!

Кадушкин подошел к столу и достал толстенную записную книгу.

Так, кто у нас сейчас самая крупная звезда в медицине?...А!
Просто министру позвоню...Та-а-к... Коля, ты? Это я, Сережа.
Привет. Как ты там здоровье в стране охраняешь?
Выздоровливают как мухи...Это хорошо. Со свинячим гриппом
разобрался? Так что остаемся людьми! Отлично... Так все же
устаём, Коля, -слава, знаешь ли, - она ко многому обязывает.
Коля, у меня к тебе дело: есть у меня друг близкий, самый
близкий. Нет, ты его не знаешь. Скромняга, каких мало. Этакий
задроченный интеллигент. Ну, буквально, второй Антон
Павлович. Какой Антон Павлович? Ну, вы и даёте, господин
министр! Антон Павлович у нас один. Кино было в войну,
помните –« Антон Павлович сердится». Ах, тот по -твоему был
Иванович...Ну да, хрен с ними обоими... Короче. Надо моего
друга немного подчинить. Что – то он развинтился на
нервной почве. Кто там у тебя сегодня самый, самый?
Наисамейший! Так, так, записал. Так скажешь ему, да? Фамилия
его Степанов. Ну спасибо дружок, пока... Когда у меня
творческий вечер? Сейчас спрошу: Тамара Васильевна! Когда я
выступаю перед народом? –Четырнадцатого, Коля. Читать
будут Москвин, Мордвинов, Ульянов и Мишка Казаков. Нет
Юрского я не пригласил. У него с дикцией неважно. Каша во
рту. И потом, знаешь, есть в нём что –то такое ...
израильское... .А я, если честно, этого не люблю...Нет, ты -то
совершенно другой, ты наш! Ты, как у нас на Руси говорится,-
хороший евреец! Ну все, бикицер. Забито на твою, исконно
русскую фамилию. Постой, постой! Хороший медицинский
анекдотец: В сумасшедшем доме приходит пациент к
профессору с жалобой: « Дорогой профессор, уберите одного
дурака из нашей палаты . Как ночь наступает, он ночной
горшок напяливает себе на голову и кричит, что он торшер» .
«Ну а вам – то что?»- удивляется профессор. « А я при свете
спать не могу!». Как, смешно? Я тоже чуть не обмочился когда
услышал. И еще один. - Два ковбоя скачут по прерии:
--Джо, когда ты куришь, то смахиваешь на идиота.

--Хорошо, я буду смахивать на другую сторону.

Вот теперь, всё ! Позвони после вечера, расскажи свои впечатления от моих текстов. Мне это интересно.

Люся с удивлением поглядела на Сергея:

--Боже, как у вас всё просто... Диву даюсь...

--Гений, Люси –это большая редкость в наше время. Гениев надо беречь!

--Это ты о себе?

--Не надо хамить, женщина... Гений тут у нас один:—Петр Степанов! Я только удачливый менеджер при нём. Петя , вот тебе адресок больницы. Иди, там все будет путем . У Кадушкина всё схвачено!

--Спасибо, Сережа.

--Слушай , перестань! Мы еще между собой церемонии будем разводить!

Степанов вынул из портфеля рукопись и передал её Сергею. Тот взвесил пачку листков на руке и, едва взглянув на титульный лист, небрежно сунул в ящик стола.

--Нежирно, на сей раз. И, почему-то, без броского названия? Халтуришь, гений! Теряешь творческий задор. Эдак , скоро ты мне , вообще , по паре листочков будешь приносить?!

Архимедыч итак в прошлый раз с укором на меня поглядел.

--Это серия коротких стихов.

--Вот, вот, я и говорю , гений что – то замельчил....

--А вот уж это не твоего тухлого ума дело!

--Тпру-у, лошадка. Не забывайся! Мы с тобой в одной упряжке, так что легче на поворотах. Занесет! И насчет несвежих мозгов.... Я с удовольствием поглядел ,как ты сегодня существовал бы со своими свежайшими извилинами? Бегал бы с высунутым языком как конь со скипидаром под хвостом по редакциям, а тамошние клерки пинали бы тебя в задницу! Знаешь, чем наше нынешнее демократическое государство отличается от царской империи? В те времена говорили грубо, но доходчиво–пошел вон! А сейчас нежненько –зайдите завтра...

Тамара отвела Люсю в угол кабинета и показала несколько красивых тряпок.

--Боже, Томочка, какое красивое пончо!

--Тебе что, действительно нравится?

--Безумно!

--Это я в Испании взяла. И денег не пожалела.

--В Испании? Красивая страна?

--Да все они одинаковые, Люсь. Когда десять раз Европу обежишь , ни на чего и глядеть- то неохота. Серега, тот ,в основном, по пиву ударяет, из баров не вылазит, а я из магазина в магазин! Из шопа в шоп! Ношусь как мышка -из норки в норку. А разве таким манером чего толком рассмотришь? Ну у них там церкви разные в изобилии. Костёлами называются. Они же все в основном нехристи ,- католики там всякие, евангелисты... Не то что мы, православные...

А что же ты мне –то такую не купила?

--Я, Люсь , было, подумала, а потом решила: -что деньги – то за зря транжирить? Она и на фиг тебе не нужна. Вы же никуда не ходите, к вам никто не ходит. Для кого деньги – то тратить даром, ну ,разве что, для моли?

--Да, ты , наверное, права...

--Конечно! Женщина и в собственном доме должна быть всегда права! Серега, бывает , по пьянке разорется, как все равно что идиот:- Кто у нас в доме хозяин? А я ему так, спокойненько-я, а что? Он- да нет, ничего, а что, уже и спросить нельзя, что ли?

Женщины рассмеялись .

А ты- то со своим ладишь?

--По -разному.

-- А ты с меня пример бери, и все будет путем. Бывает, увижу хорошую, дорогую вещь -и сразу в слезы, но так чтобы он обязательно увидел.

Чо ревешь? -Спрашивает? Я говорю: хочешь, чтобы сказала тебе? Он- нет, нет, не надо! У меня все равно нет таких денег!...Но я продолжаю реветь и он покупает. Мужчин, конечно, надо беречь, но кормить их досыта нужно только потому, что сытых полегче доить.

Сережа! Я вчера была у врача по грудям -маммолог называется. Так вот он пощупал мою грудь и сказал, что она как у двадцатилетней девушки. Слышишь?

--Слышу. Слышу! А он ничего не сказал о твоей пятидесятилетней заднице?

--Нет, мы с ним о тебе не говорили.

--Удивляюсь я на вас, Тамара Васильевна, и где это вы столько хамства набрались? Просто ума не приложу!

--А чтобы ум к чему –нибудь приложить, Сергей Никандрович, его спервоначалу займеть бы надобно! Ну как, Люсь? А? Ну, и как мы его приложили?! Сделали его ходом коня и , считай, до полного мата! А?

--Вот что ,женщины, -очистите – ка кабинет, мужчинам надо поговорить спокойно.

Женщины вышли, и в кабинете повисла напряженная тишина.

--Что же ты , Сергей, меня - то на свой творческий вечер не приглашаешь?

--А тебе – то это зачем? Стихов, что ли, своих не знаешь?

--Все же интересно.

--Сказал бы раньше. При тебе вот только последние два билета отдал. Приходи , конечно, что –нибудь придумаем. Стулья там какие –нибудь поставим.

--Да ладно, это я так.

--Петя, а ты помнишь чему нас учит Боря? Быть знаменитым, учит он нас, некрасиво...

--Послушай, прошу тебя, хоть при мне не юродсуй! Ты так привык кривляться...Впрочем, это тоже неважно...

--Но ты согласишься, что я здорово за последние годы вырос. Поднабрался. С коллегами по перу теперь общаюсь на равных.

--На предмет- «вырос»-не заметил. Поднахватался – да. И то, что с коллегами по коньяку на равных , –это уж несомненно...

--Между прочим, напрасно иронизируешь.

--Прав. Напрасно, Ты здесь совершенно не при чем. Я сам толкнул тебя в эту сладкую пропасть. Сам совершил эту непоправимую, страшную ошибку,...и кому же тогда платить за неё как не мне самому.

--Кто знает, ошибка ли это? Ты ведь сейчас неплохо живешь, Петя. Денег тебе хватает. Ты ни в чем не испытываешь нужды. Сиди себе спокойно и пиши. Извергай из себя рифмы, согласно выданному тебе природой гениальному таланту. Я, как ты знаешь, стихов твоих, а тем более длинных и нудных поэм не читал. Мне становится худо, когда я просто наклоняюсь над стихотворной продукцией. Короче,- говорю честно, как на духу,- от рифм меня тошнит с малолетства. И оценить твою гениальность в этой области литературы я просто не смогу. Вот если бы дело касалось футбола- это уже совсем другой коленкор. Итак, сиди себе и пиши спокойненько, ни о чем постороннем житейском не думая. Для этого у тебя есть я, твой друг, Сережа Кадушкин. Классный менеджер и, к тому же, так сказать, -уже двадцать лет -манекен для битья. Тебя не тревожат бесконечные интервью с этими засранцами и врунами из желтой прессы- журналюгами. Не отрывают от сладких мук творчества эти бесконечные, утомительные, никому кроме их устроителей ненужные заседания, съезды, банкеты с их халявными фуршетом всухомятку и реками спиртного без выноса и просто полуофициальные попойки! Тебе незнакома эта унижающая человеческое достоинство торговля с издателями, редакторами и переводчиками. Ты еще только, только написал, еще чернила не просохли, а твои творения уже во всех крупных издательствах тиражами в сотни тысяч и по высшим расценкам ... Ну, Магаити, проклятый!...А у тебя что? Одно чистое искусство!.. Одни творческие радости! Счастливый ты человек, Петя! Счастливый!...Ну хорошо, возьмем худший вариант. Предположим, мысль в башку не идет, Не идет и все тут! Заклинило! Бывает и такое, по себе знаю. Плюнь, иди прогуляйся, подыши свежим уличным воздухом. И она обязательно вернется. Ей же некуда деваться! У головы, я имею ввиду наш костяной череп, дырок нет, так что деваться этой мысли некуда. Не вылетит! Она просто спряталась, зараза, за какой-нибудь особенно крутой извилиной и ждет своего часа,

чтобы в нужный момент выскочить. И тут, главное, поймать её за хвост! Не упустить, понимаешь? А как поймал – всё, твоя! Записывай и поскорее! Петя! Кому еще на свете созданы такие условия как тебе? Никто на тебя косо не смотрит, никто за тобой не следит. Коллеги по творчеству не поливают тебя ядом зависти и неприязни, по сравнению с которым яд королевской кобры – жалкая касторка! Ты можешь поехать с кем угодно и куда угодно. Меня же всюду все знают. Мне все приходится делать тайком! Не дай бог, рядом смазливая бабенка! Не дай бог!... Тамарке доложат в лучшем виде уже через десять минут. Где бы она в это время ни находилась, хотя бы в твоей Антарктиде! Ты надел джинсы, ковбойку, сандалии на босу ногу и пошел гулять—все тело дышит. А я вместо тебя еду в черном тесном смокинге с галстуком и глухим воротником и отвратительно потею. Это я за тебя пью, жру, потею, жирею и лысею. Ты посмотри, в кого я превратился? Я твой портрет Гориана Дрея. Помнишь такого?

--Дориана Грея.

--Не спорю. Может быть. Ну это без разницы.

--Я твоё спасение, дурень! Ну теперь то ты это понимаешь, надеюсь!? А ты мне в морду! В морду!—Нахвтался! И эх...

--А ты, Сережа, откажись.

--От чего отказаться?

--От интервью, банкетов, меньше ешь, не пей—и всё!

--Невинное дитя! Он думает, что в наше время что –нибудь возможно без личных связей, взяток!...

--Не скромничай. У тебя сейчас такое имя... Надеюсь, Толстой не бегаёт по издательствам, а Михаил Юрьевич не пьёт на банкетах до потери пульса!

--Ты был бы прав, Петя, если бы ...не знаю даже как и сказать...

--А ты режь правду- матку прямо.

--Прямо , говоришь?... Тогда слушай! Ты был бы прав, если бы... если бы ты не так заметно творчески сдал в последнее время... Да, да. Петенька... К моему великому огорчению,- крепенько... И с этим надо что – то делать...

Степанова покачнуло. Он впился пальцами в высокую спинку тяжелого стула и медленно стал оседать на пол. Кадушкин успел подхватить его и усадить на сидение. Петр тяжело дышал. Лоб покрылся испариной. Он схватился рукой за сердце и чуть слышно прошептал :

--Водички.... Дай воды , сволочь..

--Сереге заметался по кабинету, вытащил розу из вазочки , которую жена ежедневно ставила ему на письменный стол и, налив из неё воду в бокал , дал Петру. Петр с трудом сделал несколько жадных глотков и, откинувшись на спинку стула, замолк ,прикрыв веки. Сереге схватил телефонную трубку и начал судорожно набирать номер «неотложки».

Однако все его попытки , как и обычно, остались без результата, номер либо был занят, либо просто не отвечал. Петр открыл глаза и, сделав еще пару глотков, протянул бокал Сереге.

Налей немного коньяку, только хорошего...

--Это мы мигом, Петенька! Это мы с большим нашим удовольствием!... А коньячок у нас отменный , не волнуйся, клоподавчик уже давненько не употребляем,--здоровьичко беречь надо. Вон, погляди- ка на пустое местечко на полочке – то !... Нам с тобой , золотой ты мой, еще много написать – то надобно для народа нашего мирового и нашей славы вечной, как к примеру у Саши с Мишей!...А коньячку хорошего у нас сколько хочешь. Все поклонники нашего с тобой таланта носят и носят. Я поначалу уничтожать его пытался, чтобы добро- то не пропадало, но печенка такого литража не перенесла, сердечная, вот он и копится себе и копится. Домой поедешь, я тебе парочку бутылочек армянского «Ахтамару» с собой дам. Обязательно дам , не волнуйся, и на Тамарку не погляжу. Она , сучка, ничего из дома выносить не дает! До чего до своей собственности лютая стала, стерва, - сил нет! Не поверишь, но я ей парочку раз в морду давал, но она , зараза, на мне пьяном отыгрывается—реванш, так сказать, берет. Пользуется, что я уже труп- и в глаз! И в глаз! Сучара! Причем, лупасит со всей мощи, а мощь – то у неё- сам видишь -какая . Ну и опосля этой экзекуции мне вот с такими с фонарями из дома неделю, а то и две на улицу не выйти.

Петр сделал несколько глотков, глубоко вздохнул и, поставив бокал на стол, пальцем поманил к себе Серегу.

--Иди поближе , сядь рядом.

Серега подвинул стул, осторожно присел рядом на его краешек, дальний от Петра.

--Не бойся, я не твоя Тамарка и в глаз тебе сегодня не дам, хотя ты и трезвый. Просто сейчас сил нет. Но врежу обязательно как-нибудь и как следует, когда оклемаюсь. Слушай, я сейчас громко не могу, боюсь что спазм может повториться.

Последнее время он все чаще и чаще дает о себе знать. Ты сейчас нёс жуткую ахиною о моей начавшейся творческой импотенции. Всё это бред ,и я не знаю, зачем тебе понадобилось сказать мне об это. Хотя, -догадываюсь... Ты обнаглел уже давно, и я , к сожалению, непосредственно причастен к этому. Причастен и сказал тебе об этом. Но то ,что ты сказал мне сейчас выходит за все допустимые границы. Ну ведь хоть какие -то сдерживающие моральные барьеры у тебя должны были еще остаться?! Ведь деградируя с такой скоростью и последовательностью ты можешь, и очень скоро, превратиться в аналог таких исторических личностей как Герострат, Гитлер и даже Сталин!... Ты хотя бы остатками своего малоразвитого мозга можешь это понять ?

--Ты мне льстишь, Петя. Обрати внимание на тот факт, что добираюсь я до этих гениальных человеческих личностей самостоятельно....Без твоей помощи... Я не знаю, кем был этот твой Герострат и чем он там прославился, но обо всех этих человеках помнит мировая история ! Помнит! А это значит, что они гении! И ты мне обещаешь, что я стану одним из них! Так это же класс, Петя! Об этом я не мог даже и мечтать! Не важно , Петюша, как ты стал гением! Важно , что ты им стал! Понял, -гений в железной маске?!

--Увы , Сергей, но к этому ты мчишься и, буквально, на космической ракете и с моей помощью. Я не только дал тебе старт, но я продолжаю питать тебя топливом... А насчет железной маски- это ты хорошо сформулировал ... Ну, да черт с ним!..Меня сейчас поражает только одно:- Ты, именно ты, имеешь наглость судить о моей работе!? Ты, который не прочел ни одной моей строчки! А если бы даже и прочел, то ничего бы не понял?! Это -не твоего уровня мышления ! И ты еще смеешь?!...

--Тсс!.. Не повышай голоса, а то еще раз закатишь глазки. А немножко скромности, совсем чуточку , тебе бы не помешало. Поверь мне. Да я знаю , что меня ты не уважаешь, и поэтому никогда бы не стал высказывать свое отношение к твоей гениальной писанине. Но ты уж извини недоноска и неуча Кадушкина и прислушайся хотя бы к голосу критиков, признанных мировой общественностью . Про Белинского я уже не говорю, но Писарев вчера за ужином говорил мне то же самое, причем по – трезвому. Мнение этих товарищей , надеюсь, ты уважаешь? Или мы совсем уже Шиллер?..

--И что он говорил? Только конкретно и ближе к тексту?

--Ох... Не хочется повторять , Петя.

--Говори!

--Ну, хорошо, если настаиваешь...Только прошу тебя , без передачи...Сказал, что, мол, явно падает творческий потенциал. Что «Снег», мол был вершиной, а все дальнейшее...

--Что!? И «Вешние воды» он считает спадом?

--Он сказал , что « Вешние воды»- это эхо «Снега», но в них слишком много воды. Неплохо пошутил. А?

--Ну , знаешь, от ошибок никто не застрахован. Он и Пушкина тоже не больно жалуется.

--И правильно делает. Я тут на балу у Грибоедовых поглядел на эту евонную Аннушку. И никакого там «чудного мгновения» не углядел. Баба, как баба... Бюстик и вправду впечатлительный, а мордашка и все остальное... По моему Сашок , просто сексуальный маньяк. Ей богу... А от ошибок, значит, никто не застрахован... Это, конечно,... кроме тебя...

--Замолчи! Неужели у тебя совсем не осталось ничего святого?! ...Боже мой—боже мой! Мне – то казалось . что я пишу все сильней и сильней... Неужели я теряю самоконтроль?!... Но почему же тогда Люся молчит!?

--А что твоя Люся- Добролюбов , что ли, или, может быть, этот твой Герострат? Тоже мне нашел Гомера!...

--Заткнись, debil! Тебе бы мозги и чувство прекрасного Люси... Люся- удивительный, неординарный человек!...

--Брось , Петя, любая женщина есть просто баба. Особенно ,с которой спишь. Вот возьми, к примеру, ту же мою Тамарку...

--Заткнись ты со своей Тамаркой... Что же делать!?!... Что же делать –то!?!... Может быть все бросить, а!? Бросить к чертям собачим и жить на твои авторские подачки? Начать пить как ты? А ?

--Ты имеешь в виду, продолжать пить как я?... Так это не твое , Петя. Твое дело -писать стихи и поэмы там всякие... Писать, радовать творчеством издателей, свою драгоценную Люську и гонорарами- мою ненасытную Тамарку, кстати ,истинную поклонницу твоего таланта!..А то - нате – здрасте! Поэт, называется! Жизнь есть борьба! Работать надо ! Работать еще напряженней ! Выдавать на поэтическое гора всё больше и больше творений! Ты посмотри на нашу с тобой полку и на полку Сашки? Ты видишь, какой здоровенный кусок надо еще написать, чтобы сравняться?!

--Может тут – то как раз ты и прав! Надо еще больше напрячься. Работать еще настойчивей и не по восемь , а по десять- двенадцать часов в день...чтобы им всем доказать! Да-да! Доказать!

--А может ты не те темы берешь?

--Как не те темы?

--Ты же взаперти сидишь...

--О чем ты? Я же до сих пор езжу в экспедиции!

Это совсем не то , Петя. Вот у меня действительно богатый опыт общения с массами. Я действительно знаю , что сегодня им нужно.

--И что?

--Сейчас, понимаешь ли, нужно что – то такое... необычное. Что – то такое очень емкое. И чтобы все было бы и просто, и в то же время, глубоко и ярко!...

--Верно, верно.

--А почему бы тебе о спорте не написать? Ты обрати внимание -наши правители в спорт такие бабки втюхивают, - на них пару лет всех наших дохнувших с голоду пенсионеров можно было бы не голым хлебом с порошковым молоком, а мясом настоящим кормить, да еще и на квартплату подкидывать.

--О спорте?... Пожалуй, в этом что – то есть.... Ты говоришь об экстремальных ситуациях , как я понимаю?

--А еще о каких же ? Ты, вообще- то, больше меня слушай. Я не такой уж и серый дурак, как тебе кажется. Вот я недавно один классный детективчик спортивный читал. Он, значит, футболист, а она конькобежка на длинные дистанции. И понимаешь, такая интрига острая. Он , значит, её хочет как сумасшедший, а она шпионка и ему не даёт , понимаешь? Бойтся, что во время этого акта... вдруг может не выдержать и случайно проговорится... Темпераментная ,потому что, очень. Видно у неё бешенство , этой ...ну,... сам понимаешь. А в конце , в финале, оказывается , что на самом – то деле она фригидная как бревно, а он ,вообще – то, не то импотент , не то голубой,... ну как этот артист...с кудряшками и перетянутой физией. И всё это они, оказывается, просто разыгрывали для понтов. Правда я так до конца и не понял -зачем... Очень остросюжетная история. Тебе не кажется?... Народ в отпаде! Книжку было не достать , я её по великому благу, да и то с большим трудом. Спасибо королеве детектива - Дашковой! У неё имидж такой,... нам с тобой делать нечего. А книжная полка втрое длиннее Сашкиной и графа вместе взятых! Вот у кого надо писать учиться! У неё и у Марининой! И обрати внимание- у них ни одной строчки в рифму не написано. Ни одной! А бабок -миллионы! Все в зелени!..Обе переведены на сто языков. Даже на язык людоедов острова Миклухи – Маклая и Пасхи! Видать у ихних аборигенов от этих кровавых убийств аппетит поднимается.

--Сережа,ты всё это серьезно или просто меня разыгрываешь?

--Думай как хочешь, но запомни -в каждой шутке- есть доля шутки. Понял намек?

--Я , гений, последнее время твои гениальные шутки плохо понимаю...

--Видишь, Писарев с Герценом, оказывается, не так уж далеко и ушли от истины. Ты и шутки понимать перестаешь. Это симптом, Петя! Симптом неважный и далеко не в твою пользу. Но разговор у нас сейчас серьезный пойдет и не о юморе, а о деньгах! Есть предложение. Мы его с Тамарой Васильевной обсудили и пришли к выводу, что сегодня плачу я тебе слишком много, Петя! До сих пор я платил тебе половину из чистой прибыли, а теперь ты будешь получать только четверть! Фирштейн?!

--А почему так много, может быть сразу одну десятую?

-- Не надо , Петя! Что же я грабитель, по- твоему? Нет, Петр, я не шкурник. И дело тут вовсе не в мировом кризисе. Просто весь этот имидж, без которого сегодня никуда, очень подорожал. В искусстве , как и вообще кругом, правит своя мафия. На телеке ты видишь одни и те же набившие оскомину и мозоли на глазах физиономии композиторов, золотоголосых и платиноголосых певцов и одних и тех же юмористов либо с плоскими, затасканными шутками, либо с откровенной и уже узаконенной похабелю. А ты посмотри , что они сделали со зрителем. На тюремной фене это называется опустить... Да, да, они опустили зрителя почти всей страны до восприятия только этого примитивнейшего , похабного юморка, и залы дрожат от надрывного смеха. В театрах идут пьесы только тех авторов, которые смогли достать богатеньких спонсоров, или сами уже могут оплатить , даже и не окупающие себя постановки. В кино жулье отмывает ворованные оффшорные деньги. Это еще слава богу, если попадетсЯ приличный режиссер. Вся страна это знает, но народ у нас терпеливый до состояния астрологических «овнов» перед новыми воротами и такой же ленивый на подъём. Так что пропихивать сегодня твои блестящие философские стихи, а, тем более, длинные поэмы, стало не просто трудно, а почти невозможно! Так что, не такой уж твой Серега и болван! Сегодня , мой дорогой, я , великий поэт, должен одеваться подобающе, иметь соответствующий импортный выезд. Красиво встречать, красиво провожать, красиво и дорого поить, красиво платить за поддержание публичной славы. Фирштейн? Ты же не пьешь и не знаешь, сколько стоит хороший коньяк в приличном кабаке. Ничего ты не знаешь. Ничего! Живешь , как у Христа за пазухой. А у бедолаги – гения Кадушкина – всё это на шее! И то и это, и пятое, и десятое...А, да что там говорить... Не завидуй моей шкуре... Не завидуй ! И не проклинай своего благодетеля понапрасну!...

--Ладно, ладно, прекратим этот неприятный для обоих разговор. Согласен....

--Хороший ты человек все же, Петя. Есть в тебе что – то святое. И это окрыляет.

--У меня к тебе , Сережа, тоже есть дело. Я хотел бы , чтоб ты подписал это.

--Это что, заявление об уходе по собственному желанию из нашей команды? Я когда тренером работал, некоторым хреновым игрокам такие подписывал, но ты же у нас ведущий голкипер! У тебя же ,что ни удар справа, то в девятку, а?

Серега взял листок и начал было

громко с выражением читать вслух, но Петр остановил его.

--Не надо , Сережа. Это...ну как тебе сказать, вроде завещания.

--Твоего? Ты чо , собрался вскорости помирать , что ли? И хочешь меня предупредить об этом событии заранее?

--Не совсем так, Сергей. Это,... как бы, твоё завещание...

--Ах , ты собираешься меня ужокошить и делишь наш капитал от моего имени! Забавная идея...И очень миленько! И как же и когда ты надумал это злодейство осуществить? Скажу тебе как на духу , что на данный отрезок времени это любопытное мероприятие не совсем входит в мои ближайшие планы. Я, честно говоря, собирался еще парочку другую десятилетий покоптить этот экологически грязный городской воздух и попить в волю хорошего армянского коньячку. Хотя, согласен и на французский...

--Кончай ерничать и прочти завещание до конца. Я бы хотел , чтобы после твоей кончины, даже если ты проживешь сто двадцать лет, наконец, стало публично известно о нашей мистификации. Здесь для тебя нет ничего обидного. Всю вину я беру на себя...

--Значит, еще поживём. Полегчало. Давай. Сохраню в сейфе. Реликвия!

--Нет, пусть оно лежит у тебя в столе. Это же твоё завещание...

--Не беспокойся , Петя, я скоро умру. Я чувствую это... И ты ещё вспомнишь и не раз Серегу Кадушкина... Э-э! Да что там... Они ценить могут только мертвых... Только... Иди , Петя, к врачу, тебе пора. И следи за своим здоровьем, пожалуйста, прошу тебя... А теперь развлеки наших любимых женщин, и помоги им открыть бутылки , если , конечно, ты еще не разучился, как это делается. И закрой дверь поплотнее, мне надо сделать несколько очень нужных звонков. Да. И расскажи им парочку свежих анекдотов:

Мало записаться на прием к врачу, надо еще до него дожить! И еще один смачный: -Дробим камни в почках. И подпись – Амон. Ну иди.

Серегу поднял трубку и набрал номер телефона.

--Привет. Кадушкин. Горько говорить, но ты оказался прав. Только что на бульваре моя их засекала. Говорит, все ясно сразу же! Тут, как говорится, и в баню не ходи. Ты только Саше не проболтайся,... такие неприятности не могут не сказаться на его творчестве. Он и так, если сугубо между нами, заметно сдал...Об этом уже многие говорят... И, вообще, ты же знаешь его вспыльчивый характер. Нам еще не хватает потерять на очередной дуэли такого подающего большие надежды поэта! Ведь, что бы там ни говорили , но человек он , безусловно, способный! Ну , пока, ко мне пришли люди...

В кабинет вошла Люся и, увидев говорящего по телефону Сергея , нерешительно остановилась у двери..

--Сергея, я тебе не помешала?

--Люси, ты с ума сошла. Разве ты можешь мне помешать. Это у Петра каждая минута занята творчеством. Я же обычный курьер, мальчик на побегушках! Который в свободное от сна, еды и потребления крепких напитков время носится как угорелый по редакциям, стараясь урвать от ихнего и без того более чем скромного бюджета скромную толику деревянных бумаженций двум парнишкам на молочишко! У тебя ко мне просьба?

--Сережа , так хочется Качалова послушать и не могу билеты достать.

--На какое число прикажете , королева моего сердца? Набираю дирекцию филармонии.

--Так уж прямо и королева. Да на любое.

--Добрый день. Кадушкин говорит. Два билета на моё имя на завтра, пожалуйста. Нет всё. Больше тебе ничего не надо? А то говори? И без церемоний. Я для тебя готов сделать даже невозможное . Ты же знаешь!...

--Красиво живешь.

--Что сделаешь, каждая эпоха диктует свои законы.

--И лепит своих героев.

--Да, лепит! Так ,может быть, я все – таки могу что – нибудь для тебя сделать....такое?...

--Опять за старое. До чего же ты упрямый. Уже мог бы понять за столько – то лет, что мы с тобой люди с разных планет. Видишь, получилось даже в рифму.

--Обидно . Ты все еще считаешь, Люсенька, что я, по – прежнему, футболист заштатной заводской команды. А люди, Люсенька, они со временем меняются. Ох, как меняются! Ведь моё теперешнее положение ко многому обязывает... Ну, да ладно... Как живешь – то?

--Твоими молитвами и деньгами живу хорошо.

--Кому врешь. Что я, Петьку не знаю, Люсенька? Решила отдать себя в жертву ему и искусству. А ведь жизнь – то -она всего одна! В ней должно быть хоть немного радостей. Посмотри, на кого ты стала похожа? Зачем это? Кому от этого лучше?

--Что, действительно стала очень страшная?...

--Для меня ты -всегда богиня! Василиса прекрасная! Ты же знаешь...

Люся встала с дивана и нервно заходила по кабинету. Вид у неё и действительно был неважный. Серая бледность лица. Плохо скрываемая, не по возрасту ранняя седина волос. Резко обозначенные морщинки от крыльев носа к подбородку и лучики у глаз старили её.

--Конечно , ты прав, с ним нелегко. Эта вечная смена настроений по совершенно

непонятым причинам. Никогда не знаешь, что с ним будет в следующую минуту. То он неестественно весел, то вдруг впадает в глубокое отчаяние. Какой-нибудь пустяк выводит его из равновесия иной раз на целую неделю...

--У гениев , Люси, это обычное дело. По себе знаю,... хотя и не совсем гений.

Сейчас все только и говорят о романе Натальи Николаевны с Дантесом ...Ты слыхала?

--Наверняка, грязные сплетни кумушек и уродов.

--Ох, Люся, Люсенька, хорошо если бы так. Ну , а если это и действительно так?

Лично я, по- человечески, могу их понять. Ты же знаешь, как я люблю Сашу. Как я по- братски к нему отношусь. Для меня он второй поэт -после Володи Высоцкого. Но, с другой стороны , конечно, Наташке с ним тяжело. У красивой женщины четверо детей. Он же её, сердечную, этими беременностями замотал. Животом законсервировал на дому как рабыню в карцере. А годы – то уходят! Она хоть и необыкновенная женщина при достаточно талантливом муже, но ей хочется простых, можно сказать, самых обыкновенных бабских радостей! И это так естественно! Не может же она жить одними его стихами! Можно ли её винить за это? Нельзя! И тут на её пути встречается тоже простой, самый что ни есть обыкновенный, избалованный бабами смазливенький , похотливенький блондинчик Дантес, который её искренне хочет. И она чувствует ,что тоже начинает хотеть не поэтическое дарование своего низкорослого, не бог весть какого красавца мужа , а крепкое , спортивное тело настоящего самца! Его мужскую страсть! Его сильные мужские объятия!... Не знаю, как ты , но я бы на её месте поддалась бы этим радостям, то есть поддался бы , конечно, будь я женщиной!...

--Фу, Сережа, всё это отдает такой мерзкой пошлятиной...

--Пошлятиной? Нет, нет, ты постой, есть еще одна поучительная история, и причем ,тоже из нашей сегодняшней жизни. И главный герой её, опять же, Александр, только на сей раз не Пушкин, а Блок. С этим поэтом - то ты, надеюсь, знакома?

--По литературе, - конечно.

--Так вот тебе яркий пример из его семейной жизни. Евонная нынешняя жена, Любаша, когда замуж за него шла ,так прямо ему и сказала: «Мужик ты, видать, никакой. Я еще не попробовала , но догадываюсь. А выхожу за тебя только потому , что стихи твои очень уважаю, а некоторые даже люблю. Но кровати у нас будут в разных комнатах, и ты , пожалуйста , ко мне не ходи. Я буду свободной женщиной и спать буду с другим, с Белым, между прочим , тоже неплохим поэтом. Это хорошо еще , что с «белым», а не «блеком», как говорят американцы. Вот так и живут себе до сих пор. Эту историю я слышал из самых первых уст. Её графу в «Ясной Поляне» лично Дмитрий Соломонович , её папаша , рассказывал.

--Какой Соломонович?

--Какой, какой? Менделев! Ученый есть такой, причем, говорят, тоже великий. Он какую –то знаменитую таблицу изобрел. Не умножения , а какую – то другую, но тоже очень известную в науке. Но это не главное его изобретение. Он сорокоградусную водку узаконил для магазинов. Чтобы не разбавляли, сукины дети, на заводах.

--Но он вовсе не Соломонович. У него совсем другое отчество и фамилия.

--Может быть. Когда граф его со мною знакомил, он что -то неотчетливое буркнул себе в бороду, я так и не понял, как он будет по батюшке.

--Ну, а почему, все – таки , Соломонович? Он же чисто русский ученый – химик, выстроивший таблицу удельных весов элементов.

--С внешнего – то виду ,он и вправду лицом больше на русского похож, но по всему, видать, сильно умный как хороший еврей. Вот я и подумал, может человек скрывает свой пятый параграф от кадровиков. Ведь такое у нас в стране сплошь и рядом.

--Спасибо за билеты, я пошла.

--Чмокнула бы , что ли, на прощанье...

--Перебьёшься, образцовый самец. У тебя для поцелуев Тамарка есть.

Кадушкин проделал привычную процедуру с толковым словарем Даля и, поглядев в сторону покинувшей кабинет Люси, зло процедил сквозь зубы:

-- Тоже мне Венера безрукая нашлась! Фифа интеллигентная! Ничего , ничего, помани моё слово, -последний, заключительный аккорд всё равно будет за гениальным Сергеем Кадушкиным! Вон поручик Ржевский на крышке концертного рояля с бабами свои симфонии играл!..

В кабинет бесшумно и плавно вплыла Тамара. Подгрребла к мужу и нежно прошептала на уха:

--Слава богу ушла, стерва. Замучила меня своими заумными разговорами и советами. И столько она незнакомых иностранных слов в своем разговоре применяет, что я, кажись, неглупая и интеллигентная женщина, любимая жена и подруга гениального человека ,клянусь тебе, и половины не поняла.

Ушла и даже попрощаться не соизволила. Брякнула что –то себе под нос и выкатилась. Ну, до чего же наглая баба... Можно сказать, с наших с тобой рук ест , пьёт и обарахляется, а ведет себя так, будто бы всё совсем наоборот!...Зараза... Скажи , ну где в этом мире справедливость и настоящая интеллигентность? Где?...

--Где, где? Я бы тебе сказал- где, но извиняюсь, та же самая интеллигентность не позволяет...

--А ты сравни нас на свой мужской вкус. Да у меня один только бюст на три размера больше еённого! И это безо всякой накачки! Свой, натуральный! Я уже не говорю об остальных цифровых измерениях тела! Ты же помнишь , на «Модном приговоре», куда ты меня определил , Славик Зайцев так прямо и сказал:-« Тamarочка , вы просто шикарная женщина». И лично я считаю, что в этом он был совершенно прав!?! А ты как считаешь?

--Том, ну ты же знаешь. Чо спрашивать – то зазря лишний раз...

--Ну , как там, с Петром – то прошло? Без эксесов? Согласился единогласно?

Он сразу же стал гоношиться: мол, я.... Ля, ля... И так далее , и в том же духе! Но ты же меня знаешь! Серега и не таких тигров укрощал! Дрессировщик не хуже братков Запашных! А я ему очень спокойненько, глядя прямо в глаза, мол Писарев считает, что вы , сударь резко снизили уровень. Или , может быть, Писарев для вас -не тот авторитет? Тогда поедемте к Виссариону или к самому графу Льву Николаевичу Толстому! Надеюсь, эти авторитеты для вас, сударь, тоже авторитеты?!

--Молодец ты , Серега! Ей богу , молодец! Зря, что ли , я над тобой столько лет работаю, не покладая рук?! Ну, а дальше?

--А дальше, его сразу как пыльным мешком с картошкой ниже пояса долбанули. Причем, со всей силы! Я захожу с тыла и делаю следующий ход слонем, мол, связи с возрастающими расходами на коньяк и тэ пэ.... вынужден срезать ваш гонорар вдвое, и все это , между прочем, в предверии нового мирового кризиса !

--И что он?

--Тома! Куда ему деваться? Стихи писать -это каждый дурак может! Ты зайти в «Книжную лавку писателей» , тебе директриса, Ниночка Николаевна , между прочим , тоже шикарная женщина , всё при ней, буквально всё, подведет к полкам, где этих поэтических книг целый миллион! И спроси,- делает она на них план или нет? Она тебе скажет...

--Ты мне не про шикарную Нину, а про Петьку давай!

А нечего давать! Проглотил! И согласился на раз! Понимает же, что мы – то без него проживём, а вот он –то без нас...

--И всё же ты, Сереженька, настоящий гений! Да, да! И не спорь со мной ! Ты, именно ты, и есть самый настоящий гений! А не веришь мне, спроси у твоего Иорданского и Аристарховны. Они тебя в приемной уже целый час дожидаются. Кофий с печеньем пьют.

--Тома, ты же взрослая женщина, много крепкого кофий старикам вредно. Зови.

--Не бойся. Я специально для них держу желудёвое и его сильно разбавляю водой!

Старики чинно вошли в кабинет и, пожав руку Кадушкину, сели на краешек дивана, сложив ручки на коленях.

--Простите меня уважаемые, но не мог оторваться от внезапно пришедшей в голову прекрасной рифмы. Творчество ,оно неожиданно как « Болдинская осень» Александра Сергеевича. Ему, извиняюсь , не прикажешь.

--Что вы, что вы, многоуважаемый Сергей Никандрович! Уж , кому , кому, как не нам с Оленькой этого не понять!

--Знаете ли, иной раз сидишь в ресторане за креветками с пивом, и вдруг тебя по башке ка-а- к шарахнет пятистопным ямбом.... Или еще помню как – то случилось в русской бане,... причем на полку, когда банщик меня дубовым веничком жарил... Ну, тут я ,конечно, выскочил как ошпаренный, в чем, как говорится, маманя родная тебя произвела, и не обращая внимания на народ в предбаннике, губной помадой давай себе шпарить рифму прямо на простыне...

--А откуда у вас в бане губная помада, Сергей Никандрович?

--Ну вы и вопросыки задаёте , Пифагорыч, хорошо еще Тамара Васильевна вышла на кухню. Это чисто мужской секрет фирмы , как говорится!

Ну, как говорится , ближе к телу,-чем могу служить?

--Сергей Никандрович, мы к вам по поводу Есенина. Мы с Ольгой Аристарховной глубоко чтим ваше мнение, как большого поэта и председателя художественного совета нашего журнала, но в случае с Есениным, простите нас , его не разделяем.

--А вы, друзья мои, вовсе и не обязаны с ним считаться.

--Но объясните, пожалуйста, Сергей Никандрович, на чем конкретно основаны ваши возражения? Сережа Есенин -поэт удивительно одаренный, для меня, например, это очевидно!

--Согласен. Есенин -человек не без способностей. Я кое -какие его стишата слышал при его собственном чтении. Большого впечатления они на меня не произвели. Это не Гомер и, даже, не Михалков , я имею ввиду его « Дядю Стёпу». Более того, это даже не Тургенев с его бессмертным «Муму»!

Надеюсь, вы со мной согласны?

--Да,...но «Муму»,... простите меня, это произведение в прозе...

--Ну, зачем вы делаете из меня эдакого необразованного дурака, товарищ главный редактор. Конечно, это, к моему большому сожалению, как вы верно назвали, – произведение в прозе. Но включите, как говорится, своё воображение, и представьте себе, как великолепно оно могло бы звучать в поэтическом варианте? Я имею ввиду в рифму! Это точно была бы -конфетка! Кстати, надо будет позвонить Лонгфелло,- пусть мужик попробует сварганить этот русский шедевр на иностранном языке, но в рифму и шестистопным ямбом! Простите, я запишу эту отличную мысль в своем кондуите, а то последнее время, особенно поутрянке, память сильно слабеет...

Хорошо, сегодня мы откроем наш журнал для его хулиганской кабацкой лирики. А завтра -для публичных домов? Для господина Куприна с его похабной « Ямой», извиняюсь!? Тогда по логике вещей послезавтра мы начнем петь о гомосексуализме?! О «педерасах», как правильно в своё время их обозвал наш

дорогой, но малоразвитый Никита Сергеевич?! Так!? Потом мы начнем публиковать садистов, дальше мазохистов. И таким макаром мы, в конце- концов, докатимся до футуристов с их « Облаком в штанах»! И хорошо еще, если в этих, извиняюсь, трусах будет только одно это виртуальное облако, а не что –нибудь более материальное!.. Между прочим, дорогие товарищи, мы с вами проживаем не в каком – то там- Магаити! И столица нашей великой родины -город герой Москва, а не какая – то там отвратительная Манагуа!

Телефонный звонок перебил его гневное, полное великолепного сарказма выступление.

--Простите, отвечу на звонок. Да? Ах это ты? Я тебе точно говорю, Тамара Васильевна собственными глазами видела их на бульваре...

Кадушкин взял трубку и, извинившись перед стариками, вышел для продолжения разговора в столовую.

--Вразумите меня, Оленька, как всё это совмещается в одном человеке? Читаешь его стихи- мудрый, тонкий, образованный человек. Это его последняя работа, как он её назвал – «Мелочи» -это же изумительно! Это просто россыпь жемчужин! Но если, допустим, не знать его работ, то....

--Не разводите руками, Архимед! Каждый гений по – своему слеп. А как вы, например, объясните неприятие Толстым творчества Шекспира? А Писарев до сих пор не принимает Пушкина. Ведь нормальному человеку этого просто невозможно представить! Но это же факт!..

--Нет- нет, я о другом. Знаете, ведь большинство ведущих писателей прекратили с Сергеем Никандровичем личные отношения. Писемский, тот просто сказал мне откровенно: этот человек мне неинтересен. А эта пренеприятнейшая история с Эйнштейном. Сергей Никандрович вдруг стал что – то советовать ему по теории относительности. Чуть ли не предложил ему написать какую –то работу по футболу.... Эйнштейн, как всегда он это делает, внимательно выслушал его бред и сказал громко и при всех: -да вы просто дурак, батенька.

--Да, да, Архимед, прискорбно,... но вторично. Первичное же в нём –его совершенно изумительные стихи.

В комнату вошел Кадушкин. После, очевидно, очень важного для него разговора он был особенно строг и категоричен.

--Меня, мои уважаемые оппоненты, вообще удивляет, что после стольких лет совместной творческой работы вдруг выясняется, что наши эстетические взгляды так глубоко расходятся. Повторяю, публиковать вашего любимчика Есенина—ваше право. Но, если такое случится, я в ваш журнал ни ногой!... Не смею вас больше задерживать, товарищи...

Кадушкин тяжело вздохнул. С удовольствием пообщался со справочником Даля и блаженно откинулся в удобном старинном кресле красного дерева прошлого столетия, хорошо отреставрированного эрмитажным краснодеревщиком. Кресло для его кабинета было первым приобретением для новой квартиры. Вся остальная мебель была скрупулезно подобрана Тamarой в комиссионках и на аукционах, приведена в прекрасное состояние, и законно являлась её славой и гордостью. Самым любимым предметом кабинета Кадушкина, естественно после кресла, был массивный, широкий кожаный диван. Для каждодневного послеобеденного отдыха был он несколько жестковат, однако для творческих бесед с корреспондентками и просто поэтически настроенными поклонницами, иной раз посещавшими гения в отсутствие жены, был в самый раз. Очередной телефонный звонок отвлек его от уже начавшегося было свидания с Морфеем. Он неохотно, с легким раздражением поднял трубку, однако тут же встрепенулся как петух, вошедший в курятник с наседками, услышав заветный голос, и этаким бодрячком пропел – алло! Звонила Люся.

--Здравствуй, Сергей.

--Здравствуй, Люсенька! Что случилось?

--Ах, Сережа, что-то мне сегодня так тяжело, так тяжело...

--Что тяжело – то? Чай, не дрова же на пятый этаж без лифта таскаешь?

--Да уж лучше бы таскала дрова... он, Сережа, стал совершенно невыносимым. За целую неделю не сказал мне ни единого слова. Ненавидит весь мир и меня в том числе. Сегодня утром собрал свой походный чемоданчик и уехал куда – то...
Спрашиваю,- надолго?

--Не знаю...

Может, он что-то нехорошее задумал?

--Захотел бы свести концы, уехал бы без чемоданчика. Ну, решил мужик проветриться, продуть мозги свежим бризом— велика беда. Он же у тебя от рождения лягушка -путешественница. Он ещё и в школе уроки не раз мотал. Папаня ему ремешком задницу до красных полос обрабатывал. Тебе тоже не мешало бы сменить обстановку и развеяться. Вот что, одевайся, я к тебе через полчаса заскочу, поедem в Яр к цыганам. Сейчас Коле Сличенко брякну. Скажу, чтобы и сам приехал и своих подвез.

--Нет, Сережа, у меня совершенно не то настроение...

--И слышать ничего не хочу, кликну, чтобы запрягли, и выезжаю!

--А, может быть, и действительно на всё плюнуть...

--Во- во! Именно плюнуть и абсолютно на всё!...

--Вошедшая в кабинет Тамара подозрительно поглядела на мужа:

--И куда же вы это, Сергей Никандрович, изволите намыливаться?

--Сегодня очень тяжелый день, Тамара Васильевна. Два банкета подряд, представляешь?

--Представляю.... Тогда я лучше на дачу уеду, чтобы не видеть вас, послебанкетного...

--Правильно, поезжай, подыши свежим воздухом...
Провентилируй легкие...

--Дай трубку, я маме позвоню. Мамочка? Собирайся на дачу, ягодка. У моего гения опять мероприятие. Что ты хочешь? Сейчас я включу громкую связь, чтобы Сережа тоже слышал:

--Доченька, тут ко мне соседка –учительша за яйцами для пирога заходила, так спрашивала, почему , мол, ваш зять в газете поэта Блока обругал. Блок – то, поэт хороший. Его и Ленин любит.

--Ох, мамочка, ничего –то ты не понимаешь в сложностях современного литературного мира... У ленинцев свой пирог , а у поэтов -свой. Сергей Никандрович потому и обругали его , что поэт – то он уж больно хороший.

--А! Это , наверное, для того, чтобы Блок лучше писать стал. Так, что ли?

--Не совсем так , мамуля... Тут есть свои сложности...

--Видать, совсем я стара стала, дочка, совсем голова отказывает. Почему же это нонче хороших ругать –то надо?

--А потому , мамочка, что сладкий пирог на яйцах на всех всего один , мама, а хороший поэт и кусок себе требует хороший , поняла? Ну ладно, собирайся, по дороге поговорим...

Серега ласково погладил жену по голове, что случилось не часто .

--Молодец вы, Тамара Васильевна. Видать,не зря вы прожили столько лет в мире высокой поэзии.

Яр произвел на Люсю колоссальное впечатление. Она танцевала вместе с цыганами и пила шампанское на брудершафт с самим Николаем Сличенко. Обратно, к себе домой Кадушкин вез её на тройке с бубенцами.

Всю дорогу они пели и хохотали, резвились как проказливые дети.

-- Люси, еще одна смешная история: однажды Герцен одолжил Гоголю тысячу рублей на поездку в Италию. Он хотел поехать туда , чтобы сжечь в камине третий том « Мертвых душ».

--Второй!

--Не перебивай! Второй он просто подарил Папе Римскому , причем насовсем, без отдачи! Но ты –тсс! Это страшный секрет. Мне его рассказал сам Жириновский!

Прошел год. Герцен, встретив Гоголя на балу у Муссолини, попросил вернуть ему хотя бы половину долга . Он решил помочь Мао сделать революцию в Китае . Так ты знаешь , что сделал проказник Коля:- он показал Герцену фигу и отправился в публичный дом на пару с поручиком Ржевским!

--Ну уж, это ты точно врешь! Гоголь, вообще, сторонился женщин. Не надо песен , девочка! Ты плохо знаешь Колю.

-Фу, какие ужасные гадости ты несешь! Это так мерзко, что даже не смешно. Хотя что - то хорошее о своих коллегах ты можешь рассказать? О каком –нибудь добром поступке?

--Могу! Сейчас, когда ты рядом, я всё могу! Так вот, мы с моим правым полузащитником, однажды, после игры отдали стадионному бомжу полбутылки самогонки. Причем, даром, в подарок! Самим уж и не выпить было...

--Да-а , это был поступок!

--А то! Люси, а тебе не кажется, что именно сейчас нам необходимо добавить? Для поддержания настроения! Что желаете?

--Боже! Серёга! Какой у тебя потрясный бар! Хочется всего попробовать!

--Это, значит , коктейль!

--Сережа, а в том ресторане действительно все музыканты-цыгане?

--Все до одного! Правда, их главный, это который с рыжей бородой – татарин. Зато все остальные –чистокровные... евреи!

--Опять врешь!

--Зуб даю! Век воли не видать!

--Ой, Серега , не смейся, я сейчас просто умру от смеха!..

--Попробуй- ка... Вкусно?

--Обалдеть! Но очень крепко.

--Ручаюсь, что меньше ста градусов!

--Подлец! Ты решил меня напоить до беспамьтства !...
Признавайся, злодей!

--Ах, я ужасный злодей, просто ужасный! Врубаю музыку!

--Стою это я в вестибюле бара, подходит ко мне мэтр и так нагло: мадам, простите, вы с кем? А я- с Сергеем Никандровичем Кадушкиным. Сережа , ты бы видел его лицо, и что с ним после моего ответа стало! Он побледнел как потолок ресторации и дальше уже не говорил , а скорее пел. Клянусь, что если бы я позволила, он внёс бы меня в ресторан на руках!...

Люся счастливо засмеялась и, инстинктивно подавшись вперед ,чмокнула Кадушкина в щеку. А ты обратил внимание , как все на нас смотрели? Впрочем, ты-то уже привык, наверное... Все: шу- шу-шу! Шу-шу-шу!..Неужели это тот самый Кадушкин! Неужели сам,... личной персоной!...

--Просто, Люси, всем было очень любопытно, что это за интересная дама со мной.

--А как нас официанты обслуживали!

--Уверяю тебя, этим- не стихи мои нравятся, а чаевые.

--Знаешь, я никогда не думала ,что это так приятно быть дамой великого человека...

--Садись- ка на диван рядышком со мной , так нам будет удобней общаться. Ой, какая у тебя изумительная кожа на руках! А на плечике... А немного ниже...Никогда не замечал, что у тебя великолепная грудь! Ну, не отталкивай меня ,любимая! Не надо... Если бы ты только знала, как я тоскую по тебе. Я буквально схожу с ума, когда вижу тебя! Мне так не хватает твоей интеллигентности! Я так жажду твоей ласки...Ах, Люся, Люсенька! Поверь мне , проще надо жить, проще! В простоте все радости!

--Ты прав , Сережа. Да. Да, жить надо проще...Петру бы твой легкий характер, ах, как можно было бы прекрасно жить!..

--Ну, как? Сейчас ты немного успокоилась?

--Да.

--Заботы прочь?

--Прочь...

Сергея прижал её к себе и профессионально начал укладывать на диван, целуя ушки, щеки, губы...

--Ну подожди, подожди, куда ты торопишься? Еще столько времени впереди... Господи, какая я пьяная...

--А чего ждать, Люсенька? Не думай о мгновеньях свысока. Люся, ты мне нужна, нужна...Как сон, как утренний туман...

--Чёрт его знает,... но в тебе что- то есть, Серега...

--Есть, есть, Люся! Во мне много чего есть, но мне надо помочь еще больше , еще шире творчески раскрыться! И для этого мне нужна ты! Только ты! Слышишь?... Ты для меня всё! Ты моя муза! Моё вдохновение! Если ты не ответишь, во мне погибнет великий поэт! Моя муза навсегда замолкнет! Покинет меня! Останься со мной, и я воспою тебя в моих лучших стихах и поэмах! И это будут лучшие строки в моей ,отныне бесполезной без тебя жизни! Ты моя Мцыри! Мой огненный барс! Моя капитанская дочка!

Люся медленно приподнялась, столкнула Серегу с дивана на пол, встала на ноги, отряхнулась и с изумлением спросила: Ты напишешь мне стихи?

--Да, да, любимая! И это будут самые прекрасные стихи, которые когда --нибудь слышал мир! Так люби меня! Залей своей нежностью поэтический пламень, который сейчас сжигает меня!...

Люся оттолкнула гения ногой и её начал душить истерический смех. Она подошла к письменному столу, на котором лежали журналы и томики стихов Степанова! И с громким хохотом начала изо всех сил кидать их в Серегу. Он пытался как -- то защититься, прячась то за спинки стульев, то за журнальный столик и, в конце концов, спрятался под стол.

--Люси, ты чо это, озверела?! Что --то случилось? Я что -- то не так сказал?!

--Заткнись, ничтожество! Господи, что это со мной!... Как всё это могло со мной произойти!...Как все --таки слаб человек даже перед пустым внешним величием!...

Люся запустила в Кадушкина последний томик «Коротких стихов» и в слезах выбежала из кабинета.

Серега вылез из --под стола, потер ушибленные места, промокнул парчовой золототканой салфеткой кровь из довольно глубокой царапины на лбу. Грязно выругавшись, направился в ванную комнату замывать раны, полученные в совершенно неожиданном побоище, цедя сквозь зубы:

--Ничего, Люсенька, ничего, не в этот раз, так в следующий, но я тебе покажу, где у Кадушкина оно расположено--истинное величие...

Время шло. Степанов писал всё меньше и меньше. Однако, и редакторы и критики отмечали, что каждое новое его произведение является несомненным шагом вперед. Кадушкин провел с Петром еще несколько душевспасительных бесед. Лично повозил его по медицинским светилам. И парочку раз, так простенько, неназойливо намекнул, что надо бы постараться писать, если не лучше, то, во всяком случае, больше. Ибо жизнь дорожает не по дням, а по часам, а читательский спрос, и особенно на поэзию, к сожалению, падает.

Петр молча выслушивал наставления и так же молча уходил.

--Люся на звонки Сереги не отвечала. Заслышав голос вешала трубку или сразу же передавала её мужу. Серёгу это злило, но он терпеливо ждал своего часа. Как –то Степанов пришел без предварительного звонка, чего с ним раньше не случалось. Он глухо поздоровался с Сергеем и попросил глоток коньяку. Выпил залпом полбокала и молча сел на диван.

--Петя, ты вчера у врача был? --Чуя недоброе участливо спросил Кадушкин.

-Был.

--Ну?

--У меня всё в полном порядке.

--Странно? Выглядишь ты прескверно...

Может быть дать тебе другого врача, хотя этот вроде бы самого президента лечил? Может из – за границы вызвать?

--Отстань, не во врачах дело.

-- А в чём?

Петр помолчал с минуту. Зачем – то покрутил головой, откашлялся и глухо произнес:

-- Дело в том , Сергей, что я пришел к выводу, что я человек подлый и низкий.

--Бабу завел?

--Я не могу работать! Не могу думать!... Извожу себя и любящих меня людей!.. И всё это из –за гнусного себялюбия! Меня мучит... Мучит , что на моих стихах нет моей фамилии!... Мучит так, что я вот- вот сойду с ума!

--Ни фигу себе, хреновина!.. Похоже , парень , что ты действительно умом подался... Я слушаю тебя и не верю своим ушам! И эту муть я слышу от замечательного художника?! От гениального творца?! Ему, видишь ли, до смерти захотелось простой человеческой славы. Ему захотелось, чтобы безмозглые встречные телки , завидя его еще издали, шептали, повизгивая от восторга:- Смотри , смотри! Это он! Да, да, кем хочешь буду , это он! Это создатель тех самых знаменитых « Скитальцев» и «Снега»! Петя, какой позор! Какой позор! Да разве в этой примитивной славе истинная награда поэта? Лично я просто бегу от неё! Ну поторчишь ты месячишко -другой , а потом тебя от этой дешёвой примитивщины, вечных автографов, которые только отнимают время, от сюсюканья дамочек будет просто тошнить! Поверь, я- то эти прелести имею ежечасно, ежедневно, ежемесячно и ежегодно уже сколько лет! Имею и с трудом терплю! Мучаюсь, но стойко выдерживаю! Ты что думаешь,- Аллочке с её двумя великими хахалями легко жить на этом свете? Или, может быть, Мадонне? Да разве в славе истинная награда гениального поэта? Истинная награда поэта в том, что его творчество стало достоянием народа! Что он сумел обогатить народную душу! Сделал людей зорче, мудрее, чище и, безусловно, умнее. И народу совершенно безразлично , кто в действительности все это создал - Петр Степанов или Сергей Кадушкин! Он впитал в себя творение любимого художника, вырос на нем духовно, как это , заметь, - произошло и со мной, с твоим другом, и наслаждается им! И разве он, народ, не прав? Прав! Народ,--он всегда прав, а ,особенно,- наш народ! Запомни это.

--А тебя, Серега, я ненавижу не меньше чем себя! А, быть может, и больше! Ненавижу твою жирную, самодовольную, самовлюблённую, наглую, фальшивую рожу! Мечтаю выскочить на улицу и заорать: Люди, кому вы рукоплещите!? Кого вы почитаете кумиром!? Это же пустая кукла, порождённая моей глупостью, моим талантом, моей слабостью! Это ведь я, да- да, я выстрадал каждую строчку! Я!!!

--Успокойся, непризнанный гений, Серёга скоро умрет, и твоё жалкое тщеславие тогда расцветет пышным цветом на поруганной могиле твоего друга. А сейчас иди и продолжай добросовестно и напряженно трудиться. И всё время помни- ради кого ты работаешь.... Господи, если бы я умел рифмовать! Да я бы уже три такие полки накатали этих нетленок!... Слушай, а может быть, тебе нужно просто отдохнуть, а? Ты скажи, я организую этот отдых в лучшем виде, не хуже чем этот всем осатаневший рекламный

«Секс –тур»! Если нужны деньги –одолжу...Послушай, хороший анекдот мне сегодня бармен рассказал: -Тампакс- доставка с установкой! Смешно, правда! Да улыбнись, ты...

--Да нет, всё же это внутри!... Всё внутри!...

--Тогда только один выход, Петя, --надраться до зелёных человечков и провести ночь в холодном вытрезвителе с номерком на большом пальце левой ноги. Очень помогает! Просто очень! Пробовал лично на себе!...Так что иди и пей. Захочешь, скажи. Составлю компанию. Степанов тяжело встал с дивана и медленно, шаркая ногами, пошел к двери. Кадушкин перехватил его, обнял, поцеловал в щеку и, пропуская перед собой в открытую дверь, на несколько секунд приостановил его.

--Петя мне только что в башку пришла отличная мысль: жизнь человеческая- это же тот же футбол, в ней нужна не только физическая, но и моральная подготовка! Ну?! Как тебе?...

--Публикуй. Из твоих уст это будет мировая классика....
Прощай...

Сергея подошел к столу и, обмакнув перо « Уточка»,-подарок музея старины, в чернильницу -« Неполивайка»- из того же музея, старательно высунув кончик языка от усердия , потея с непривычки, записал на чистом листе свою гениальную мысль. Старательно и осторожно промокнул написанное тяжёлым малахитовым клякспапиром из настольного прибора князя Потемкина и буркнул вслед ушедшему Петру:

--Ничего, ничего... в страданиях они еще лучше пишут... А эту свою мысль я завтра же отправлю в « Новый мир», пусть публикуют, сукины дети...И на первой странице,... как автограф...

Сладкая тяга ко сну и чувство хорошо проделанной, нелегкой работы сморили гения. И он был очень недоволен, когда через пару часов его растолкала Тамара и передала телефонную трубку.

--Кто там еще?

--Не разобрала, по- моему Люська, только голос у неё какой –то странный. Уж не случилось ли чего?

--Да чего там может случиться... Зря сказала , что я дома... Алло? Кадушкин на проводе. Люся, что случилась?.Да брось ты... Не может этого быть... Он же только пару часов назад у меня в дому коньяк пил... А ты пульс –то хорошо проверяла?... Ах и врач уже у тебя...И что констатировал... Эх , Петя, Петя, что же ты, дурачок, наделал- то...по глупости...

--Сергея, а от чего он?

--Я не врач, я ,как вам известно, -поэт, Тамара Васильевна!
Вскрытие покажет...

--Что за жизнь , Сергей Никандрович. Никакой справедливости в ней нет! Никакой! Я вот иногда размышляю , так , про себя. Если всё же есть этот Бог, я имею в виду того, которого, говорят, евреи на кресте повесили на гвоздях! Иисус , который. Так вот, если он есть, чем же он там в своём раю занимается? Он же и должен соблюдать справедливость, так ведь? И где она? Кажется, всё для Пети делали, буквально всё! А что от него надобно-- то было,- сиди себе в комфорте и сочиняй свои стихи... И как он с нами поступил?! А!

--Я же ему говорил: отдохни, ты устал. Деньги нужны?- Дам... Да что уж сейчас – то....Нет Петьки... Что же с нами теперь будет--то? Что будет....

--Не убивайся так , Сережа...Конечно, очень жалко Петю, рано он бросил нас. Очень рано... Конечно, деньги никогда лишними не бывают. Ну , в крайнем случае, дачу одну продадим. «Мерседес», конечно, оставим, «Ауди» можно и продать. Всё равно в гараже гниёт целый год. Да и переиздавать всё равно будут... А главное, -отдавать –то теперь уже никому ничего не надо! ... Люська –то ,во -первых, ему жена просто гражданская, во-вторых, -Петя в поэтах нигде и не числится!

--Дура! Курица! Ты кроме денег своих еще что –нибудь в жизни видишь? Лапы твои загребущие. Я не мясник какой-нибудь! Я поэт с мировым именем и мировой славой! Люди всей поверхности земли, всей, можно сказать, планеты Земля, днем и ночью, в жару и в стужу ждут от меня одного единственного нужного им слова! Ждут, что , как и прежде, я выражу в своих строках их радости и боли! Ведь завтра же они придут ко мне и спросят: Кадушкин! Почему ты молчишь! Они ждут слова , которое направит в правильном направлении всю ихнюю жизнь! Даст им нужный заряд для модернизации всей страны! Всего мира! Хотя бы это ты можешь понять своими птичьими мозгами сопливой индюшки!

--Сереженька! Я всё это понимаю, но жить -то нам с тобой дальше всё равно же надо. И надо жить хорошо. Ну, замолкнешь ты , предположим...на какое - то время, ну и ничего страшного. У певцов тоже голоса иногда пропадают, никто же их за это в тюрьму не сажает.

--В тюрьму не сажают, но кому он нужен – то безголосый? Сейчас чуть что, сразу же: Сереженька, позвони! Сереженька, достань!... Да через пять лет все уже и забудут, что я на свете-то живу!

--Ничего , Сереженька, на наш век нам и твоей старой славы хватит.

--Запомни: славы человеку никакой не хватает - ни старой, ни новой. Вот Магаити -то, проклятая, до сих пор так ничего и не дала! Ничего! Даже простого значочка , как раньше был ГТО! Или почетный кочегар! И ведь теперь – то уж и точно не даст, зараза малокультурная!...

На кладбище Петра пришли провожать бывшие сослуживцы. Народу было немного, но говорили о нём очень душевно. Вспоминали Антарктиду, рассказывали о его мужестве, проявленном в сложнейших условиях строительства полярной станции и непростой зимовки. Женщины плакали. Люся стояла у гроба. Когда Кадушкин, выйдя из роскошного «Мерседеса», подошел к ней для печальных слов сочувствия, отвернулась и постаралась отойти подальше от него и Тамары . После выступления очередного сотрудника Кадушкин снял шляпу, изобразил скорбь на лице, смахнул накатившую слезу и, встав в изголовье, произнес речь:

--Друзья мои! Многие из выступавших до меня упоминали замечательные заслуги Петра Павловича перед геологией. Мол, написано им столько – то статей и столько – то отчетов. За всем этим прослеживается стремление доказать присутствующим, что покойный не был человеком маленьким. Но давайте разберемся, что же это такое – маленький человек? Да природа не ко всем щедра в равной мере. Не ко всем... Но я утверждаю здесь, на могиле моего старого и горячо любимого друга, что нет людей, обреченных быть маленькими. Каждый может стать великим! Давайте вспомним слова одного великого писателя России: «Человек -это уже само по себе, звучит гордо!» Для того , чтобы стать великим совсем не обязательно обладать выдающимися талантами. Для этого вполне достаточно лишь обладать благородством и честностью, потому что именно эти качества нашей души и составляют высшую ценность для человечества. Благородство, честность наряду с другими талантами, привлекают к себе нашу любовь. А человек , которого любят, не умирает, он просто растворяется в нас, любивших его. Он оставляет в каждом из нас свою частичку, и мы храним её, потому что любим, и передаём её тем , кто любит нас.

Кадушкин вынул большой цветастый платок. Громко очистил нос , промокнул сухие глаза и поглядел, какой резонанс вызывает его тронная речь свадебного генерала. Речь эту ему написал в своё время знакомый журналист , профессионал по тостам на праздниках и похоронах. Сереге большого труда стоило выдолбить её наизусть ,и каждый раз, подгоняя под имидж и профессии покойных, он произносил её на торжественных панихидах.

--В этой эстафете,--продолжил он,-- и заключена наша надежда на духовное совершенствование человека. Петр, из-за твоей невероятной скромности ты более чем кто – либо признавал своё несовершенство. И в этом также заключено твоё человеческое величие, ибо, как сказал великий Гёте,- сознание своего несовершенства приближает само совершенство...

Кадушкин еще раз вытер глаза и скромно отошел к Тамарке, изо всех сил выдавливающей из себя слезу.

--Сереза, как ты хорошо сказал! Как хорошо! Все даже прослезилась.

--Как Люся?

--Она вся не в себе. Я попробовала с ней о деньгах поговорить,- только мычит себе и всё. То есть, мол, ничего ей от нас не надо, оставьте, мол, меня в покое. А нам и лучше, -раз не надо, так и не надо... Цаца... Тоже мне, София Лорен, нашлась... Тут тебя журналистка Дунька с кривыми ногами ищет... Глазами бесстыжими своими так и рыщет...Так и рыщет...А вон и она, к тебе пробирается... Ты у меня смотри, идол... Если что... Не посмотрю...Укорочу паразиту...

--Так сама же говоришь, что у неё ноги кривые.

--А тебе, сексуальному страдальцу, всё равно. Тебе бы только чтобы юбка на заднице была, сиськи надутые и губы накаченные, размалеванные и чтобы бабой пахло... Здравствуй, Нюша.

Вы только Сергея Никандровича долго не пытайте, у него и так сегодня глубокая сердечная травма. Несколько наиболее интересных вопросов и прощайте.

--Вызывали, Сергей Никандрович?

--Да, Евдокия Федоровна, вызывал. Намерен сделать заявление для прессы.

--Слушаю вас внимательно, Сергей Никандрович.

-- Заявление моё должно выглядеть приблизительно так....В жизни каждого художника....

--Большого художника...

--Каждого художника! ...Наступает момент, когда он ощущает необходимость остановиться и оглянуться на проделанный путь. Нет, это не конец пути, это привал перед следующим движением вперёд. Я хочу критически осмыслить всё сделанное и спокойно обдумать, что делать дальше. Возможно привал этот продлится достаточно долго, ибо и пройденный путь не мал. Мне кажется, что такое решение художник должен принимать именно в расцвете творческих сил, а не тогда, когда он начинает медленно и неуклонно двигаться к закату. Кстати, Дуняша, как вы в четверг? Я хотел бы устроить с вами мастеркласс? Продолжаем беседу, ... моя опять двигается в нашем направлении....Итак, если остановиться на склоне, то никакие привалы уже не помогут!

--Вы, мэтр, насколько я понимаю, хотели бы изменить образный ряд? Поискать свежую палитру? Или, быть может, изменить жанр? Так?!

--Пока я просто хочу подумать...

--Сергей Никандрович, не связано ли это архимужественное, но тяжёлое для нас, ваших читателей, решение со смертью любимого друга?

--Интересно, откуда возникают такие глупые предположения, ассоциации?! Да, я очень тяжело переживаю безвременный уход из жизни моего школьного товарища. Да, с ним ушла моя боевая, насыщенная победами и поражениями спортивная юность, Но это не имеет никакого отношения к моему творчеству и относится только к области моего интимного мира, который я не намерен делать достоянием любопытствующей части публики.

-- Я убеждена, что ваше заявление вызовет горячую полемику на страницах нашей газеты. Poleмику об ответственности настоящего художника перед собой и обществом! Я не сомневаюсь, дорогой Сергей Никандрович, что миллионы и миллионы ваших почитателей во всём мире будут терпеливо ждать вашего возвращения в большую поэзию!...

На следующее утро Кадушкина разбудил звонок Евтушенко.

--Ну как ,отсыпаясь после вчерашних поминок, гений? Я прочел в утренней прессе, что ты на время открываешь нам коридор для намерствования былой славы? Похвально и спасибо! А то ведь, пока ты последние годы единолично царствовал в мире рифм и ямбов, нам с ,Беллочкой Анрюшей и Робертом пришлось хранить талант и зубки на полках. Спасибо тебе и за выволочку Есенина с Маяковским, Хотя, тут ты несколько перегорачился,... но всё равно молодчина ,подрасчистил , братец, коридорчик для поэтов – «средняков»! С нас банкет, гений! Готовься!

--Спасибо ,Женя, за доброе слово. А на счет банкета- поэт Кадушкин как пионер- всегда готов! Хватило бы в ресторации хорошего армянского коньяку и закуси.

Серегу сладко потянулся и только было хотел поудобнее устроиться на подушке, как позвонила Муся Кушеткина

--Алло?

--Внимательно слушаю тебя, Муся.

--Сергей Никандрович, только что с огорчением прочла ваше заявление в «Голосе литературы». В редакции

все только и говорят о вашем поразительном мужестве и высочайших нравственных барьерах! Мировая литература не знает подобного с очень далёкого прошлого. Буквально с доисторических времён! Боже мой, какой это блистательный пример для нашей молодёжи!...Но какая травма для нашего журнала. Архимед Пифагорович и Надежда Аристарховна находятся в тяжелой коме... Вернее, Пифагорович в районном вытрезвителе... Он впервые за всю свою длинную и безупречную жизнь напился до состояния зеленых чертиков, которые начали наперегонки бегать из его кабинета в туалет и обратно. При этом безобразничали, спускали непрерывно воду в бачке и рвали туалетную бумагу. Его увезли милиционеры, так как он позвонил начальнику их отделения и выложил тому все, что он думает лично о нём и о его организации последние семьдесят лет! Кстати, этих зелёных парнокопытных лилипутиков с хвостиками также видела и Ольга Аристарховна, но её несколько раньше успела забрать скорая.

--А как ваше здоровье , Муся?

--Спасибо , Сергей Никандрович, меня эти грубияны -менты отпустили за последнюю коллекционную бутылку молдавского коньяка из книжного шкафа Пифагоровича. В редакции только я одна знала, где он держит эту драгоценную записку.

Сергей Никандрович, я вот о чем подумала,- а не использовать ли вашу творческую паузу для издания черновиков?

--Каких черновиков, Муся? Ты что, ещё не протрезвела?

--Я абсолютно трезва, Сергей Никандрович! Я, буквально, с самого своего рождения- малопьющая женщина! Пожалуйста, выслушайте меня внимательно. Я понимаю, работа огромная, это, наверняка, несколько толстых томов! Но я с удовольствием взялась бы за неё, мне уже давно нужно начать писать диссертацию...

--Несколько томов , говорите? Хм... Ну, что ж , я, пожалуй, подумаю....подумаю...

--Но, Сергей Никандрович, из уважения к нашим многолетним дружеским связям, прошу вас никому другому эту работу не отдавать. Вы можете мне это обещать?

--Сколько тебе лет, Мусенька?

--Тридцать пять, а что?

--Да так, ничего особенного....Хороший возраст. Я думаю , девочка , нам с тобой надо потеснее пообщаться. Крепче понять суть проблемы. Залезть, как говорится, не только в душу друг дружке, но и вовнутрь , так сказать, самого тела, -шутка. Провести на должном уровне , так сказать, интересный мастерский класс... . Приходи ко мне в пятницу, часов эдак ... погоди , погоди.... я погляжу, когда работает маникюрша...та- а- к ...в двенадцать дня,... будем плотно искать совместное решение по данному вопросу....

Кадушкин положил трубку, приложился к Далю и снова поднял её.

--Люся, это я . Не бросай трубку, есть серьёзный разговор.

--Ну и что ты ещё хочешь откромсать от праха твоего друга, гений на привале? Может быть, ты попросишь меня писать за него стихи? Так этого я делать не умею. Да и умела бы , для тебя-то уж точно не стала бы !...

--Ну, понесла, понесла... Как живешь – то?

--Тебя это очень интересует? Или тебе грустно глядеть на одиноко стоящий диван? Живу я плохо! Очень плохо!

--Может тебе денег подкинуть?

--Спасибо, деньги мне не нужны.

--Брось капризничать, деньги, они всегда нужны. Тут рядом с нашей дачей в Переделкино, между Черномырдином и Чубайсом, домишко небольшой продаётся. Я и подумал,- может прикупить его для тебя. Жила бы в тишине на свежем воздухе. Стоит он немеренно, но для меня владельцы сделают хорошую скидку.

--Нет, таких денег у меня нет.

--Я тут договорился- можно довольно дорого издать черновики Петра. Получится очень даже приличная сумма ... А поделимся на прежних условиях!

--Это , естественно, будут черновики Кадушкина?

--А кого же ещё?...

Других – то способов нет....

--Ну , почему же, есть. Я напишу воспоминания о Петре, а Тамара издаст их под своей фамилией.

--А что, это мысль.

--Сергея, а ты ведь действительно гений...

-- Так как с черновиками – то? Договорились?

--Ни- ког-да! Слышишь ты , гений от сохи, никогда! Буду подыхать с голоду! Умирать от чумы! Но черновиков ты , образина, не увидишь никогда! Черновики - единственный для меня способ восстановить правду, хотя бы после твоей собачьей смерти!

--Ну, жди, жди....

--И не смей никогда мне больше звонить! Слышишь? Ни-ког-да!.....

Кадушкин положил трубку , достал томик Даля, налил полбокала, поднес к носу, втянул тонкий аромат коньяка и отставил бокал на край стола.

--Ну , не хотите , мадам, как хотите... Тебе же хуже будет, сука... Правду она хочет восстановить. Ну, ну ...Тоже мне нашла страну , где находят правду. Ищут уже лет сто- это да... Это правда ... Но...

Серёга подошел к книжным полкам, достал томик с первыми изданными стихами Петра и поэмой « Скитальцы», достал пачку бумаги, придвинул к себе чернильницу, почистил перо промокашкой и, высунув кончик языка, начал медленно и очень старательно переписывать первую страницу книги. Первые строчки поэмы легли на бумагу легко и просто, если , конечно, не считать трех жирных клякс. Однако, тупо переписывать текст, ничего при этом в нём не исправляя и не заменяя хорошие рифмы на лучшие, показалось Сереге делом неправильным. Он напрягся и попробовал сделать первые правки, однако это оказалось не таким уж и простым делом. Вошедшая в кабинет Тамарка остановилась в проеме бесшумно открывшейся двери и с удивлением и нескрываемым радостным чувством личного приобщения к великому прослушала первые творческие поползновения своего гениального супруга:

--Так у нас есть слово- кровать. Кровать , ...кровать... Ищем новую рифму: Кровать? Мать, давать, стирать... Не очень подходит...Сделаем так: мол , у меня сначала была -мать, но потом я в творческом поиске это слово зачеркнул и согласуясь с рифмой написал –кровать.... Записываем. Так, есть у нас слово –солнце. Ищем подходящую рифму: Солнце – звонко... Не туда... Солнце –яйцо. Годится... Но, причем, здесь яйцо по смыслу... Не пойдет... Думаем и ищем дальше: Солнце-зеркальце! А? В самый раз! И то и другое на « ц», подходит! Нет ,Сергей Никандрович, в вас несомненно что – то от гения есть! ..Ведь только первый раз в жизни, можно сказать, взялся за большую рифму- и нате вам!

Тамара сделала шаг вперед и нежно прошептала :

-- Сереженька, есть щи будешь?

--Я работаю, ты что, не видишь! Сколько раз я просил- когда работаю – не тревожить! Ты же сбиваешь поэта с рифмы! Хотя бы это мы можем понять, наконец! Или мы уже совсем дура необразованная?

--Сергей Никандрович, но вы же в газете заявили, что завязали с творчеством.

--С творчеством, уважаемая Тамара Васильевна , настоящий художник завязать не может никогда, даже если он находится при смерти ! Неужели вам, прожившей столько лет с поэтом по призванию, с поэтом, покоровшим своим огромным талантом весь мир, конечно, не считая этой сволочной, недоразвитой Магаити,- это не понятно? Я пишу черновики , дурища, хотя бы это ты можешь понять своей гречневой кашей в башке! Черновики! Видишь, сколько мне еще надо своей рукой переписать?! Видишь, вот это полка моя, а вот эта -Пушкина. А еще я накатаю столько же черновиков. То есть Сашеньку –то я ,как пить дать, переплюну, по количеству, а!

--Ах, какой же ты всё таки у меня умница!

--А ты не кудахтай зря, а садись и пиши обо мне воспоминания-- . На них тоже можно очень прилично заработать. Очень даже прилично!

--Сереженька , я же писать не умею. Я же совсем не поэтому делу...

--И «не поэтому делу» ты тоже уже не фонтан...Поизносилась... Б.У!

--Фу, Сережа , как неприлично ты относишься к столько лет безумно любящей тебя женщине, которая, можно сказать отдала тебе жизнь , молодость, душу и ... и ...

--И пиджак... Ладно. Не шебаршись и не махай зря крыльями, всё равно уже не взлетишь , даже на забор. Ты и не обязана уметь писать, ты не писатель. Ты только вспоминать будешь. А Дунька Ямб всё это обработает и еще счастлива будет, что приобщилась к моему бессмертию. Поняла , наконец?

--Поняла, поняла! Ах- ах, где же у нас вторая вставочка – то... В доме ни одной приличной вставочки – то с «уточкой» и нет! Одни « восемьдесят шестые» перья остались в наличии, а они очень шкрябают бумагу. Ах- ах... Хоть авторучку бери...

--Исчезни!

--Уже исчезла! Уже....

--Куришь брошу, пить брошу, гимнастику буду делать каждый день, но жить буду , пока всё не перепишу! У –у, сучье Магаити...

Так, творим дальше: Ручка. Ручка , ручка...Ручка- сучка! Но сучка это грубовато. Значит, как будто , раньше у меня была - сучка, но я её зачеркиваю и ставлю новое слово «ручка»... По рифме подходит. Это уже половина дела. Теперь смотрим по смыслу? Та-ак ,....нет, по смыслу не совсем,...не очень... Ну, и черт с ним , со смыслом, это же не философский трактат , а большая поэзия. Сойдёт!

Прошла неделя. Серега за эти дни успел накатать тридцать четыре страницы и отдать их Кушеткиной. Мастеркласс не очень клеился. Муся оказалась на редкость непонятливой сотрудницей. Но сегодня для Сереги этот «аспект сотрудничества» был уже не важен, он даже отменил встречу с Дуней Ямб. Его буквально сжигал творческий зуд. Он лишал его аппетита, сна и даже естественных мужских желаний. Он был чем – то очень схож с тяжелой, плохо поддающейся лечению заразной болезнью. Тамара сбилась с ног. Она была в панике. Однако приставать к гениальному мужу с жалостливыми восклицаниями и навязчивой заботой боялась. Спасали её от истерик только душевные беседы с Дуняшей. Биография гения достаточно быстро двигалась вперед. Правда, при этом, она обрастала таким количеством новых, удивительных и замечательных фактов, некоторые из которых были сродни подвигам, что ей самой иной раз становилось страшно, хотя и приятно! Серега, как – то оторвавшись на полчаса от черновиков, пробежал несколько страниц воспоминаний и, приложившись к Далю, с восхищением воскликнул: --Томка, да ты у меня просто помесь Жуля Верна с Александром Матросовым! Гад буду, эта штука будет почище Гомера с Геростратом! Это же просто «Гаврилиада» в прозе! Весь этот писательский дурдом, этот наш клубок целующихся змей просто рюхнетя, когда прочтет биографию гения!...

Как – то поутру телефонный трезвон поднял его с жесткого кабинетного дивана, на который он ежедневно часов в двенадцать ночи, отвалившись от письменного стола, падал почти без сознания от усталости. И, прикрывшись аргентинским пончо, купленным Тамаркой по случаю в секондхэнде, в беспомощности лежал измочаленным живым трупом до утра.

Звонила Мусенька Кушеткина:

--Сергей Никандрович, это не просто гениально, это поразительно, даже для такого гения как вы! Мне приходилось работать с черновиками и Александра Сергеевича и Фета, не говоря уже о Михаиле Юрьевиче, но ваши черновики- это из совершенно другого измерения! Это, если хотите, космос!

--Так, чо? Хуже или лучше?

--Вы еще спрашиваете! Такие необычайные ассоциации, такие, ... невероятные....Просто поразительно, как вы из, казалось бы, совершенно ложных тупиковых путей вдруг выходите на единственно правильную дорогу... Например, вы пишете: на стройку вошел крокодил. Почему крокодил?! Какая цепь ассоциаций породила обнаженное теплолюбивое, африканское чудище на строительном объекте в Антарктиде, да ещё и в мороз восемьдесят градусов?! И вдруг, именно через этого самого крокодила вы находите единственно нужное в данном контексте слово: -бригадир! Это же конгениально! Ну, кто еще, кроме вас, мэтр, может позволить себе такое сравнение? Да никто, разве что Шекспир, да и то, почти уверена, -навряд ли!? Но почему же первым словом был крокодил? Видимо, сугубо личное отрицательное отношение к этому бригадиру и родило в вашем удивительно изобретательном сознании образ этого мерзкого хищного ящера. Кстати, вы замечательно обзываете это чудовище. Вы пишете не крокодил, а каркадил! Это восхитительно. Короче Сергей Никандрович, для меня ваши черновики интереснее ваших поэм... Это безумно...Безумно увлекательно! Еще раз огромное вам спасибо за доверие!

Да , пожалуй, это был самый радостный миг в его жизни. До этого момента их было два: -- первая любовь и потеря невинности и назначение его ,не очень успешного полузащитника заводской команды,- её тренером. Потерять невинность ему , семнадцатилетнему прыщавому неучу-второгоднику вечерней школы помогла молоденькая девчонка- лимитчица, приехавшая в большой город из глухой провинции. Для забитой, не видевшей до восемнадцати лет домов выше двух этажей девчонки, этот наглый коренной горожанин, сводивший её в кафе –мороженое-было нечто... После бокальчика шампанского, он показался ей тем самым сказочным принцем , скачущим на белом коне, о котором в длинные зимние ночи она мечтала в деревенской глуши. Серега и сам впервые в жизни попробовал этот сладкий, малоградусный, шипящий напиток. До этого он с дворовыми пацанами в основном употреблял вино « Солнцедар»- мерзейшее политуурообразное , но очень дешёвое пойло и портвешок «Три семерки», -напиток, по всем параметрам приблизительно равный предыдущему, но чуть дороже. После «поддачи» в параднике или подвале пацаны хвастали своими донжуанскими победами . Серега тоже придумывал классные похождения на этом фронте, но пацаны ему слабо верили. Как ни странно, но слабенькая прозрачная шипучка ударила обоим в головы, и грязная кушетка с продавленным матрасом, воняющем крысами ,в прокуренном и заплеванном подвале показалась им царским ложем. Кушетка послужила им еще не раз, но Тamarке,- именно так звали деревенскую принцессу, дали в ЖЕКе дворницкую каморку под лестницей, и роман продолжался еще несколько лет до самой свадьбы.

Должность тренера Серега получил почти случайно. Команда находилась в крайне плачевном состоянии, проигрыш сменялся проигрышем. Заводское начальство давно бы прикрыло эту малоперспективную лавочку, но в команде играл внук самого директора завода. Тренеров меняли как перчатки. Новых брали каждый сезон, однако, от перестановки слагаемых итоговый результат не менялся. В конце – концов, ни один мало -мальски приличный тренер работать с командой не хотел. И руководство завода от полной безнадюги было вынуждено искать его среди действующего состава. Более или менее приличного игрока убирать из команды было неразумно, посему назначили малоперспективного Кадушкина. Как ни странно, но команда стала играть лучше, и Серегу оставили постоянным тренером. Все остальное уже мы знаем.

Кадушкин был счастлив. Его просто распирало от радости. Ещё бы , ведь всё, о чем говорила Кушеткина, написал он сам! Сам! Без чьей – либо помощи! Каждую букровку! Мысли кружились в голове как вихрь в пустыне. Давно нужно было мне, идиоту, самому начинать творить! Давно- о!...

Да , Сергей Никандрович, история подтверждает –вы родились гением! А с историей спорить могут только дураки.

Держись, поэзия! Совсем скоро в мировую литературу войдёт обновлённый Кадушкин, и будет он славен как некогда Пушкин! Вот вам , пожалуйста, и рифма блестящая пошла: Кадушкин –Пушкин! Только ударение надо переставить с «а» на «у»!И ведь, наверняка, не случайно эти две замечательные фамилии рифмуются! Точно, не зря! История со временем всё расставит по полочкам, и моя полочка, дорогой Сашок, будет выглядеть посолиднее твоей!

Он подошел к письменному столу, принял позу Наполеона и громко кликнул Тамарку...

Так, надо последние мысли зафиксировать на бумаге. А главное, надо писать, писать и писать! Кстати, что это за бумаженция валяется в ящике? Что же это такое...Завещание...

Чьё завещание и почему оно валяется у меня в столе? Так, читаем: ...так, так, так:-«...на самом деле автором вышеперечисленных произведений является Петр Павлович Степанов»...Какой такой Степанов?! Кто это?!... Что за чушь!?!... Что это за глупая шутка?!...И почерк не мой...

--Тамара ! Это ты подкинула мне эту дрянь?!

--Что случилось, Серёженька?

--Нет, ты, конечно, такое и не сообразишь... Скажи, без меня кто -нибудь входил в кабинет?

--Никто и никогда, я у тебя всегда сама убираю.

--Враг здесь побывал, слышишь?! Мой враг! Враг, который знает как ранима душа художника!... Тома, сколько же живет ещё на земле всякой гадости! О-о-о-х! Сердце...

Вихрь, крутившийся в голове гения, внезапно исчез. В наступившей звенящей тишине он услышал последний, очень громкий, но быстро затухающий стук собственного сердца и дикий вопль жены:

--Сереженька, что с тобой!? Сережа! Сережа! Сережа!....

--А потом всё было точно так, как об этом по телеку рассказывал какой –то долбанутый, но знаменитый врач-психиатр. Он долго летел куда –то по темному тоннелю. Потом вылетел на яркий свет. Вокруг кружились странные бесформенные , бестелесные пузыри, в которых угадывались лица людей и всяческих животных. Своих родных или знакомых среди этого роя он не обнаружил, хотя одно лицо показалось ему знакомым. Кто –же это,- подумал он, черты лица этого пузыря он определённо где- то совсем недавно видел? Пузырь подплыл поближе к нему, глаза на его лице проступили ярче и контрастнее. Глаза эти уперлись в лицо Кадушкина и, не моргнув, через минуту исчезли, но зато ярко обрисовался рот. Пузырь начал раздуваться, и вдруг из его рта вылетел жирный плевок, точно угодивший в физиономию Сереги. Пузырь повернулся к нему другой стороной и, виляя хвостиком как у головастика, уплыл вдаль. Глаза?... Где же , у кого же, он видел эти глаза? Ответ пришел сразу,- это были глаза Степанова. Да, да, это были глаза Петра. И столько в них было презрения и ненависти.... Кадушкин хотел стереть плевок с лица, но с удивлением и ужасом обнаружил, что привычных конечностей нет,... и что он точно такой же бесформенный пузырь как и все остальные. Надо будет догнать Степанова и тоже плюнуть ему в морду—подумал Кадушкин.

--Не надо спешить делать ответное зло, вновь преставленный,- очень отчетливо и громко произнес голос совсем рядом. Серега осмотрелся , но откуда это прозвучало, не понял.

С вами, вновь преставленный, ещё далеко не всё ясно, и нам еще предстоит большая работа в связи с вашим дальнейшим пребыванием здесь ...наверху.

Биография ваша нам знакома, и скажу откровенно , как и положено духу, ничего особенно хорошего в ней мы пока не усмотрели. Хотели бы вы вернуться обратно в мир земной?

--Да, да! Конечно, очень хотел бы. Надо сказать , что мой прилёт к вам сюда явился для меня , а также и для многих окружающих меня людей, включая жену Тамарку, большой неожиданностью... Дело в том, что в том мире, внизу, меня ждёт огромная по объёму творческая работа! Я непременно должен догнать по количеству написанного поэта Пушкина, не знаю, знакомы ли вы с его литературными трудами?

--Как же, конечно, знакомы. Кстати , вы можете посоревноваться с ним здесь , у нас. Он в настоящее время летит по тому же туннелю , что летели и вы. И с минуты на минуту будет здесь.

--Что, сукин сын Дантес его всё же уколошил?

--К сожалению,- да...Пятнадцать минут назад из пистолета на Черной речке в Петербурге.

--Да... Тамарка и на этот раз оказалась права...Эх, Наталья , Наталья! Хотя бы постыдилась... .А ведь у бабы четверо детей!...

--Не отвлекайтесь, вновь преставленный. Вам надо пройти следующий , довольно сложный тест. Напрягитесь , закройте очи и представьте себе свои послезавтрашние торжественные проводы в вечность. Итак начали:

На ухоженном кладбище вокруг аккуратно вырытой ямы стояла небольшая группа самых близких и родных, а так же самых высокопоставленных чиновников и деятелей от литературы и искусства страны. Далее, на сколько хватало глаз, до самой линии горизонта тянулась длинная очередь поклонников таланта величайшего поэта современности. В открытом гробу на постаменте в положении полусидя, в смокинге, вся грудь которого практически вся была увешана роскошными орденами, лежало тело Кадушкина. Вокруг могилы на постаментах стояли многочисленные наградные кубки и статуэтки всех мировых, самых известных престижных премий, включая «Оскар». Играла негромкая траурная музыка, временами мягко, неназойливо переходящая в главную музыкальную тему «Лебединого озера», а затем в «Реквием» Моцарта. Первой к изголовью подошла Мусенька Кушеткина и рыдающим голосом прочла по бумажке:

--Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало...

Рыдания перехватили ей гортань и, закрыв лицо руками, Мусенька повисла на плече Тамары. Её место занял Иорданский:

--Друзья! Сегодня нас покидает очередной русский гений! Скольких их мы засыпали нашей отечественной землёй и, в том числе, и на этом престижнейшем литературном погосте! -Ося Мандельштам, Додик Самойлов, Ильюша Ильф, Ёся Бродский, Бабель, Уткин и Вася Гросман. А скольких еще нам предстоит засыпать и засыпать!... Помню, Вильям Шекспир как -то сказал мне в беседе за кружкой грога: Архимед, не важно сколько от нас уйдёт, важнее -кто тут останется! Смахивая пыль с книжных полок в своем кабинете, я каждый раз задаю себе один и тот же сакраментальный вопрос: сегодня в России двадцать тысяч живых писателей. И и перебирая их нетленки на полках в пыли я уже просто и не знаю, кого же из них надо читать, а кого - просто почитать? И я мучительно начинаю думать, а надо ли нам их так много? Зачем нам двадцать тысяч разных, может быть надо оставить просто несколько хороших. По этому поводу из глубин памяти невольно всплывают на поверхность такие до боли знакомые имена, как: Навуходоносор, Иван Васильевич, Владимир Ильич, Иосиф Виссарионович, Лаврентий Павлович, простите, но не помню имя и отчество Робеспьера. Эти великие чистильщики человечества сейчас в этой экологической акции нам бы оченьгодились. Вы согласны со мной, Сергей Никандрович.

Кадушкин приподнял в гробу голову и кивнул в знак согласия.

--Спасибо, наш дорогой и незабвенный. Я не сомневался, что в этом важном вопросе вы меня поддержите. Сережа, вам в таком положении, очевидно, трудно громко говорить. Лежите, наш безвременно вознесённый, мы ведь с вами одной крови, так что если позволите, я буду говорить за вас вашими же словами. Так сказать, телепатически транслировать ваши замечательные мысли. Так как это сделали бы: незабвенный, Вольфик Мессинг, Калиостро, Кашпировский или баба Ванга.

Иорданский надел на лицо маску Кадушкина, и вдруг Серега ощутил себя внутри Пифагоровича. Тот откашлялся, и по звуку кашля Серега понял, что Пифагорыч заговорит его голосом:

А вот , кстати, рядом со мной стоит и наш генерал, наш полководец, наша надежда на возрождение некогда Великой державы:

Спасибо, дорогой, что пришли проститься с моим бранным и теперь уже никому ненужным телом . Тело-тлен, гениальна только человеческая душа, а она навеки остаётся с нами. Да, смерть никого не щадит. Да.... Но вам – то, дорогой, рано еще думать об этом. Вам ведь сейчас нет и тридцати, а такая должность! Столько звезд! Какой, должно быть, вы архиталантливый полководец! И я не сомневаюсь, что под вашим мудрым руководством мы сохраним не только Кавказ, но и наши дальние восточные земли! Огромный привет вашему папе...нашему знаменитому маршалу...

А вот и академик наш прибежал, примчался, прилетел наш богатырь на крыльях вечной славы! Спасибо за честь, дорогой Петр Деметьевич! Ведь вы наша вечная восходящая звезда! Обопритесь на палочку, так вам будет сподручнее... Это же просто непостижимо! В сто восемь лет сделать такое открытие в области нанотехнологий! Непостижимо! И это –то после шестидесятилетнего молчания! Хитрец!...Ей Богу , хитрец! Непостижимо! То есть буквально новый расцвет творческих сил!...А вы на палочку –то облокотитесь, облокотитесь, полегче стоять- то будет. Кстати, давно хотел поинтересоваться: а как поживает этот ваш молоденький аспирантишка! Говорят, что очень толковый был паренёк и казался таким тихоней. А где он сейчас, кстати? А- а... понял,....далеко,... это далеко... И хорошо, и хорошо.. а ведь бывают, знаете ли... и такие , и такие....неблагодарные....Иные даже претендуют,....сукины дети...

«Нет человека, друзья мои, который был бы как Остров, сам по себе: каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа... Потому не спрашивай никогда , по ком звонит колокол: он звонит по тебе»...

Вперед вышла Ольга Аристарховна. Прижимая батистовый платочек к мокрым глазам она, неожиданно громко и отчетливо, произнесла:

--Вот также, друзья, я провожала Державина и Фонвизина. Они были замечательными мальчиками. И в отличие от проказника Миши Ломоносова- никогда не дерзили и всегда знали свою меру в употреблении алкоголя. Сегодня ушел от нас наш любимый Сашенька Пушкин. Сейчас душа его летит к Богу. Да, он любил девочек, но может быть именно это прекрасное качество настоящего мужчины и сотворило из него поэтического гения. Говорят, что Николушка Гоголь перевернулся в гробу. Миленькие мои, да вы посмотрите, что делается сегодня на этом свете! Да как тут не закрутиться вентилятором на том?! А его так любил Сережа, даже больше чем Гомера...Нет Сереженька не умер, он просто растворился в каждом из нас, и каждый из нас, живущих, несет в себе его частичку...

И вновь голос Кадушкина зазвучал из уст Иорданского:

--Слышали , что сказала сейчас эта умная святая женщина!? Каждый из вас, да, да , - каждый, несет в себе частичку меня! Один большую, другой меньшую, но – каждый! И каждый думает: ну уж во мне- то нет никакого Кадушкина....Вы старика – академика презираете. Мол, украл ,скотина ,изобретение у беззащитного аспиранта. А себя – то вы все любите. Еще как любите...

Из толпы по очереди начали выходить люди в масках с лицом Кадушкина:

--Меня назначили губернатором, потому что я всех состоятельнее!

--Я отбираю телевизионные сериалы потому , что я единственный знаю, что надо показывать людям!

--Когда, выходя на сцену, я читаю монологи Шекспира,- то зал аплодирует не ему , а мне ! Зал понимает, какой глубокий мыслитель стоит перед ним!

--Ломоносов женился на мне, потому что все остальные женщины – идиотки.

Иорданский опять выступил вперед и голосом Кадушкина подвел итог выступлений:

--Да, идиотки! И она сто раз права. А как же иначе- то? Иначе никак нельзя. Обязательно нужно иметь удобное оправдание своих материальных и моральных преимуществ перед всеми остальными. Иначе же на душе будет неуютно... Да, да, очень неуютно...

Неожиданно громко прозвучавший звонок мобильного заставил всех присутствующих вздрогнуть. Иорданский достал из кармана покойного телефон и, послушав, передал его Кадушкину:

--Кадушкин слушает. Так, так, так... Это печально! Ай-яй- яй! Надо же и он туда же... Друзья! Бруно сожгли...

Сергея передал телефон Иорданскому и, переждав охи и ахи толпы, громко возвестил:

А не надо было залупаться с Папой! Не надо! Сколько раз я ему говорил: Джордано, дружок , не надо считать себя умнее главного Папы, даже если он и не Римский!... Не надо! Хорошо еще , что его сразу,....в пепел,....а то гнил бы себе всю жизнь в холодной клетке, как.... Да...Жалко человека.... А человек – то, он был не без способностей...

Два могильщика уложив как следует тело гения под все нарастающий звон колоколов, накрыли гроб крышкой и возложили цветы.

И вновь душа гения понеслась к свету. И снова вокруг него роем закружились бестелесные пузыри. Каждый из них норовил подплыть к нему поближе и заглянуть в глаза. Некоторые, так же как и пузырь Петра, плевали в лицо и, вильнув хвостиком, гордо удалялись в космос. Кадушкин пытался запомнить хотя бы их глаза, но тщетно... Отчаяние захлестнуло его невесомую душу.

-- Так что же вы решили делать со мною дальше?... Шеф? - раздался его неуверенный голос. Вы вернёте меня в мир земной поэзии? Там же меня ждёт моя мировая слава и жена Тамарка...

-- С тобой всё ясно. Свершилось.

А теперь ты послушай, что сказал поэт.

- ответил небесный сортировщик душ, и ровный приятного тембра голос начал читать стихи:

-- «Быть знаменитым некрасиво, не это поднимает в высь. Не надо заводить архива, над рукописями трястись. Цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех. Позорно ничего не знача, быть притчей на устах у всех. Но надо жить без самозванства, так жить, чтобы, в конце концов, привлечь к себе любовь пространства, услышать будущего зов»...

КОНЕЦ